

ISSN: 2500-0225

**ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1

2016

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1

2016

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2016, №1

Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам **фронтира**. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Тухтарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», старший научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН
Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор

кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам: Главный редактор журнала (Якушенко Сергей Николаевич)

Email: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам: Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

Email: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание..... 5

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.

«Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта.....9

Канатьева Н.С.

Сектантство на Нижневолжском фронтире в XIX веке: секта пещерокопателей.....22

Хлыщева Е.В.

Конструкты межкультурного взаимодействия на фронтирных территориях: к проблеме культурной безопасности..... 33

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Кудряшова Ю.А.

Роль миссионерских станций в распространении европейской модели образования в Западной Африке во второй половине XIX века.....44

Кулаков В.О.

Северные провинции Ирана в истории русского фронта в Прикаспии.....57

ЛЮДИ ФРОНТИРА

Романова А.П.

Фронтирмэн, охотник, воин..... 67

Ермуханова Н.А.

Хан Букеевской орды Джангир – человек Нижневолжского фронта..... 80

Бичарова М.М.

Интернациональная семья как микромодель фронта и проблемы культурной безопасности..... 90

ФРОНТИР В МАСС-МЕДИА

Довбыш Е.Г.

Электронный фронт как метафора..... 100

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.

Отражение постфронтирных процессов в американском кинематографе..... 116

Алиев Р.Т.

Фронтирные архетипы в американском комиксе (на примере Супермена и Стражей галактики)..... 126

РЕЦЕНЗИИ

Романова А.П.

«Идущие со звездами» – ода американской женщине..... 134

Герасимиди Е.И.

Рецензия на монографию: Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщёва Е.В., Васильев Д.В., Кусмидинова М. Х., Якушенкова О.С., Топчиев М.С. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие: учебное пособие. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2014, 236С..... 137

CONTENT

Content..... 5

RUSSIAN FRONTIER

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S.
«Power of land»: formation of new otherness in the conditions of frontier.....9

Kanateva N.S.
Sectarianism in the lower Volga frontier in the XIX century: pescherokopateley sect.....22

Khlysheva E.V.
Constructs of cross-cultural interaction on the frontier’s territories: to a problem of cultural safety..... 33

FOREIGN FRONTIER

Kudryashova Y.A.
The role of the missionary stations in the dissemination of european models of education in West Africa in the second half of the nineteenth century
..... 44

Kulakov V.O.
North provinces of Iran in the history of russian frontier in the Caspian region..... 57

FRONTIERMEN

Romanova A.P.
A frontiersman, a hunter, a warrior.....67

Ermukhanova N.A.
Jahangir the khan of the Bukey horde – man of the Lower Volga frontier..... 80

Bicharova M. M.
International family as mycro-model of frontier & cultural safety problems..... 90

FRONTIER IN MASS-MEDIA

Dovbysh E.G.
Electronic frontier as a metaphor..... 100

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S.
The reflection of postfrontier processes in american cinema..... 116

Aliev R.T.
The frontier archetypes of american comics (the example of Superman and Guardians of the galaxy)..... 126

REVIEWS

Романова А.П.

«Walking with the stars» – an ode to american woman.....134

Gerasimidi E.I.

The review of the book Romanova A.P., Khlysheva E.V., Yakushenkov S.N., Vasilyev D.V., Kusmidinova M.H., Yakushenkova O.S., Topchiev M.S. The frontier of Lower Volga: cultural memory and cultural heritage: Manual for students, Astrakhan: Sorokin Roman, 2014, 236P.

..... 137

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

«ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ»: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИНАКОВОСТИ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРА¹

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.

Якушенков Сергей Николаевич, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: shuilong@mail.ru
Якушенкова Олеся Сергеевна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: jestershadow@mail.ru

Статья посвящена очень важному вопросу культурной трансформации переселенца или колониста, оказавшегося в новых природных и культурных условиях фронтальной гетеротопии. Новое пространство вбирает субъекта, поглощает его, заставляя постоянно трансгрессировать. Соприкасаясь с Чужим субъект постоянно трансформируется, становясь Другим для представителей его культуры. Внешний наблюдатель обнаруживает в нем больше общих черт с Чужим, носителем местной традиции, чем с представителями той этнической общности, из которой он вышел. Он повсеместно демонстрирует свою близость с этим Чужим, одеваясь как он, говоря на его языке, переходя к его алиментарной традиции и т.д.. Все это приводит к тому, что у переселенца выстраивается новая картина мира, сближающая его с местными народами, и отдаляющая его от своего от этноса. В результате образуется новая региональная субэтническая общность, осознающая свою особую идентичность. Подобную модель встраивания в новые природные и культурные реалии мы обнаруживаем повсеместно, будь то американский континент, Кавказ или Сибирь. Особенно ярко это проявилось в Сибири, где соприкосновение с местными народами и особая природная среда породили новую субэтническую общность – сибиряк, четко осознающую свою исключительность и свои отличия от русских. Не отделяя себя от русских в целом, сибиряки тем не менее заявляют о своих отличиях от других народов, что проявляется в особой ментальности, особых поведенческих паттернах и т.д.

Ключевые слова: фронт, Чужой, Другой, трансгрессия, культурная трансформация, культурный ландшафт, идентичность

Фронт – это особое состояние лиминальности, в котором культурные процессы принимают совершенно новые формы, отличные от мейнстримного общества. Общество, находящееся в новых географических пространствах, вынуждено формировать новую картину мира, которая в полной мере отвечала бы новым условиям. Традиционная картина мира – сложная система определенных символов, получающих четкое семантическое наполнение под влиянием множества факторов: географических (пространственных), экономических (которые также во многом связаны с географическими), социальных, политических и т.д. Эта картина мира находит свое отражение в языке, религии, литературе, фольклоре, искусстве, идеологии, поведенческих стереотипах, наконец, в

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта»

психологических типах и т.д.. Конкретный набор этих факторов и создает национальную картину мира, выполняющую важную функцию адаптации к различным условиям, как природным, так и социальным.

Правда, не следует воспринимать эту картину мира как нечто вторичное, следующее автоматически за внешними факторами и зависящее от них. В отдельных случаях национальная картина мира оказывается первичной, и реальный географический или социальный ландшафт лишь встраиваются в нее или точнее перестраиваются под нее. Достаточно вспомнить следующую максиму социалистической эпохи: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» (Мичурин, 1950, стр. 10).

Перестраивание природы, подстраивание ее под свои идеологические паттерны превращается во «внутренний стимул» исторического развития, застилающий все остальные. В этих случаях природа оказывается важным фактором преодоления трудностей. Она как бы бросает вызов Человеку, заставляет его бороться с ней, делая важным его стремление доказать свое превосходство над ней. Эта ложная культурная парадигма, построенная на антиномии Человек/Природа в конечном итоге оборачивается не выигрышем, а глобальным проигрышем. Человек с подобной картиной мира оказывается неготовым к стихийным проявлениям природы. Все это нашло выражение в ироничном народном высказывании по поводу некоторых подобных проявлений: «И на этот раз зима пришла неожиданно, застав нас врасплох».

Можно задумываться о повороте северных рек на юг, и оставаться неготовыми к регулярной смене сезонов.

Вместе с тем подобная культурная модель не является повсеместной, и во многом продиктована не национальной картиной мира, а скорее излишне ригидными и примитивными идеологическими установками, подминающими под себя здравый смысл.

Правда, наличие здравого смысла (как бы условно это и не звучало, поскольку и сам здравый смысл условен), не уничтожает эту парадигму, которая может сосуществовать с множеством других, доказывая свою живучесть, или наоборот исчезая в результате своей несостоятельности.

Однако, не будем больше уделять ей столько внимания, так как нашей целью является формирование инаковости в новых условиях, т.е. таких условиях в которых субъект во многом перестраивается под новые условия, пытаясь получить от них максимальную выгоду, ведь именно из-за нее он и отправляется за тридевять земель, в надежде на новые лучшие условия существования. Правда, в отдельных случаях, он оказывается не субъектом этого переезда, а объектом, которого принуждают к новым условиям существования в новых территориальных границах.

Эти разные подходы формируют две основных парадигмы встраивания субъекта и общества в природную среду: топофобную и топофильную. Правда, обе парадигмы могут существовать параллельно в рамках одного социума. Особенно ярко это проявилось в двух таких

архитипичных мотивах новых земель, как обретение рая или спуска в ад. Новые территории оказываются или территориями, аналогичными аду на Земле, т.е. непригодными для жизни на них территориями, или мечтой о возвращении в райские кущи.

Фронтирная ситуация встраивает субъекта не только в новые природные условия, но и в новые культурные, так как он оказывается лицом к лицу с Чужим, являющимся неотъемлемой частью этой новой территории, в которой обнаруживает себя фронтирный субъект. Оказываясь часто один на один с новыми условиями, как природными, так и культурными, он вынужден трансформировать себя, претерпевая определенные изменения. Как замечает, греческий теолог Христос Яннарас (2005), «личность «претерпевает» то, что случается в природе» (стр. 114). Ну а поскольку фронтирные реалии оказываются совершенно новыми для фронтирного субъекта, то и его опыт оказывается совершенно новым, отличным от привычного опыта, характерного для его материнского социума.

Отсюда экзистенциальные границы субъекта постоянно изменяются, формируя новую личность, которая теперь обростае всеми чертами инаковости. Жизнь на фронтирной территории, условия которой тяжелы и требуют от субъекта максимум усилий и способностей для выживания, сдвигает его в крайнюю позицию по отношению к традиционным нормам его социума. Новые условия существования требуют от него новой модальности и новых норм. Они как бы выкристаллизовываются постепенно с его адаптацией к новым условиям. Собственно, эти нормы и есть зафиксированные в его поведенческих паттернах варианты адаптационных моделей.

Среди этих условий (факторов), влияющих на трансформацию фронтирного субъекта, можно назвать следующие:

1. Природные (географические, климатические и т.д.);
2. Культурные (как самого субъекта, так и контактирующих с ним этносов);

Следует понимать, что культурные факторы представляют собой экзо и эндо факторы, которые могут быть субъективными и объективными. Способность субъекта к коммуникации с субъектами чужой культуры, ригидность его собственных культурных установок, способность субъектов контактной культуры к диалогу, способы коммуникации, условия культурного обмена – все это будет оказывать существенное влияние на способы и возможности адаптации субъекта к новым условиям.

Важность всех этих факторов легко обнаруживается при анализе исторических судеб различных колоний в Новой Англии и их способов встраивания в новый географический и культурный ландшафт: Виргинской, Плимутской и Пенсильванской колоний. В каждой из этих английских колоний сложился свой механизм «претерпевания» новой реальности. Это касается и освоения географического ландшафта, и взаимоотношения с культурами других народов, являвшихся неотъемлемой частью этого

ландшафта. Как нам кажется, слово «претерпевание» наиболее удачно подходит к дефиниции механизма встраивания колонистов Плимутской и Пенсильванской колоний. Следует учитывать тот факт, что эти колонисты были членами двух разных религиозных организаций, каждая из которых по-разному взаимодействовала с местными племенами. Формы взаимоотношений с индейцами в различных колониях в значительной мере отличались друг от друга. Если для Виргинской колонии были характерны конфликты с индейцами (Cave, 2011), да и между колонистами, то в Пенсильвании таких конфликтов не было практически весь XVII в. Квакеры Уильяма Пенна не только умудрялись длительное время поддерживать мир с местными племенами, но и в дальнейшем давали приют на своей территории другим племенам, воспринимая их как «своих индейцев» (Sipe, 1929, p. 102).

Механизмы адаптации к новым условиям в Плимутской колонии находились как бы посередине между поведенческими стереотипами колонистов в Виргинской и Пенсильванской колониях. Руководство Плимутской колонии даже выделяло некоторые суммы как для пропаганды христианства среди индейцев, так и для поддержки ряда индейских семей, выказывающих рвение в приобщении к христианству. В результате усилий этих миссионеров к 1674 г. около 1000 индейцев было обращено в христианство. 142 индейца из их числа могли даже читать на своем языке, а 9 человек научились читать и по-английски. А 1685 г. число индейцев, принявших христианство, уже достигло полторы тысячи человек (Bushnell, 1999, p. 70). Естественно, что это создавало совершенно новую культурную ситуацию в колониях, жители которых встраивались в постоянно меняющийся культурный ландшафт. Именно она порождала особые гибридные личности, совмещавшие в себе множество культур. Но смешиваются не только алиментарные или вестиментарные традиции, языки или хозяйственные уклады. Происходит смешение на уровне ментальности, формирования новой картины мира, в которой Чужой и Свой встраиваются совершенно новым способом. Отличие субъекта от Чужого может нивелироваться, а различие со своим усиливаться. Это очень хорошо подметил Лев Толстой (1936), сам участник фронтирных процессов на Кавказе, в своей знаменитой повести «Казачьи»: «Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там, во всей прежней чистоте, русский язык и старую веру... Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляют главные черты их характера... Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде

состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» (Казаки, 1936, стр. 15-16).

Конечно следует понимать, что гребенской казак изначально был Другим даже в рамках русского культурного ландшафта, однако, его инаковость изначально не была столь значительной по сравнению с теми культурными реалиями, которые застал Лев Толстой в середине XIX.

Схожую ситуацию мы обнаруживаем и в различных районах Сибири. Забайкальские казаки активно смешиваются с местными народами. Российский путешественник, журналист и офицер Русской армии М. В. Грулёв (1901), посетивший Забайкалье в конце XIX в. отмечал, что казаки, да и прочие слои населения, по причине малочисленности русских женщин, активно воровали буряток, на что церковь давала согласие, охотно регистрируя эти браки, при условии перехода пленницы в православие (стр. 215). Все это приводило даже к тому, что местные буряты, стремясь противостоять этому похищению, ввели традицию вынужденного травестизма: «Чтобы уберечь своих женщин от похищения их монастырскими крестьянами, буряты переменили костюм девок и парней, одев одних в платье других. Этому способствовало свойственное монгольской расе отсутствие у мужчин усов и бороды. Похищение бурятских женщин стало после того сопровождаться горьким разочарованием для хищников и таким образом отводило их от покушения на монгольских сабинянок. Тем не менее обмен одежды среди бурятских парней и девок наблюдается еще и поныне в особенности среди кударинских бурят: девушки стригут волосы под гребенку, носят картуз, поддевку, мужскую рубашку навыпуск, плисовые шаровары и сапоги; только привычный глаз может отличить девушку от парня» (Грулёв, 1901, стр. 215).

Однако, и без умыкания невест процесс метисации шел весьма естественно образом, о чем упоминает еще П.С. Паллас: «Как меж гражданами и сельскими жителями в Селенгинском уезде и в Даурии видна великая смесь с Мунгальцами, то зажиточнейшие Русские по селам, также и граждане будучи предупреждены, будто Татарская кровь горячее, за обыкновение себе приняли жениться на Буретках и Мунгалках; что тестям и не бесприбыльно, и для того охотно дочерей своих отдают крестить в Российскую веру. — Есть также образцы около Селенгинска, что и Бурета, чтоб понравиться Руской девушке, сами крестятся, дабы на ней жениться. Из обоего роду свадеб родится сорт лошаков, кои всегда нечто Мунгальского на лице имеют, черные или очень темнорусые волосы, однако при всем том весьма хорошо сделанные и приятные лица; их называют карымками. Однако Буретской род жития посредством такового смешения, так как Мунгальской язык в простом народе оных мест наиболее всего вкореняется» (Паллас, 1788, стр. 383).

В результате формировалась новая гибридная культура, отличавшаяся особым своеобразием и синкретизмом. Соседство с местными народами приводит к активному заимствованию множества культурных элементов: «Эта общность занятий с бурятами содействовала более тесному с ними сближению, а вместе с тем – заимствованию от бурят их опытности, понятий и взглядов; постепенно усвоены были и язык, приметы, изделия бурят; принадлежность для седловки лошадей в пограничных казачьих станицах заимствована целиком у бурят, и даже удержаны названия бурятские. Из одежды заимствованы *тырлык* и *дела* (зимний и летний халат), *унты* и *гутулы* (зимняя и летняя обувь). В отношении пищи, казаки, как и буряты, высоко ценят *кырсэн* (макушка груди у барана), а также *хурут* (сыр), *шулю* (суп) и т.п.; во всех этих, как и во множестве других случаев, удержаны даже названия бурятские...

Но помимо этих внешних заимствований и извращений мелочей домашнего быта гораздо важнее и печальнее то, что многие обурятившиеся казаки и теперь еще в пограничных поселках и «караулах» охотнее говорят по-бурятски, чем по-русски, – верят в бурятских шаманов, и даже держат у себя иногда шаманских бурханов» (Грулёв, стр. 223).

Процесс заимствования локальных традиций местных народов русскими переселенцами отмечает и В.Л. Кигн-Дедлов (1894), известный российский писатель, журналист, работавший в Переселенческом управлении МВД России в течении длительного времени. По его мнению, хотя русские и оказывали влияние на культуру соседних народов в Зауралье, но и сами нередко заимствовали в полной мере культуру казахов: «Тысячи этих людей рассеяны по зимовкам колоссальной киргизской территории, и ... будет как-то неловко, когда киргизы выживут их от себя и сами начнут пахать землю, ставить деревни и строить мечети; и еще будет обидней, если эти арендаторы окиргизятся, чему есть множество примеров» (стр. 56). Отмечает Дедлов (1894) и стремление колонистов к активному заимствованию иноэтнической речи и манеры поведения: «Дикость казака заражает и мужиков, переселяющихся сюда из внутренних губерний. Не только крутой великоросс усваивает разбойничье ухарство казака, но даже и мягкий в манерах хохол, говорящей своей *жинке* «вы», и тот меняет свой «полтавский тенор» на сиплый баритон, а сиротские манеры – на ухватки барантовщика. Сибирские казаки, как рассказывают, уже до того одичали, что считают особым шиком говорить между собой не по-русски, а на местных инородческих наречиях. Оренбургские казаки тоже не от-роду такие дикари. Набирались они ото всюду из внутренних губерний и осwirепели только здесь, в полу-Азии» (стр. 23).

Сибирский этнограф и писатель Н.С. Щукин ((1844), посетивший Якутск в первой половине XIX в. отмечал, что «Русские старушки нередко толкуют между собой по-якутски. Этот язык господствовал в Якутске между всеми классами, как у нас в столицах французский. Нет ни одного жителя,

который бы не знал по-якутски. Да и неудивительно: в доме нянька якутка, кухарка якутка, работник, кучер – все якуты. Дитя, с появлением чувства слуха, поражается звуками якутского языка; поступая в исправление обязанностей гражданина, имеет дело по большей части с якутами. Здешний житель, от обращения с ними, нечувствительно перенимает все их обычаи, и лучше говорит на якутском языке, нежели на отечественном. Житель Якутска в разговоре с жителем России понимают друг друга несовершенно; надобно прибегать к пояснениям и повторениям» (Щукин, стр. 228) . Указывает Н. Щукин и на активное заимствование русскими алиментарных и вестиментарных традиций якутов (стр. 229).

Подобная картина сохранялась в отдельных регионах Сибири и в конце XIX в.. Известный этнограф народник В.В. Бартнев (1896), сосланный в Тобольскую губернию в 1891 г. и отбывавший ссылку в посёлке Обдорске, отмечал: «Почти все обдоряне говорят по-остяцки и по-самоедски. Остяки-же, вообще, очень плохо понимают по-русски, а самоеды, вечно кочующие в тундре, и вовсе не знают, русского языка. Русские иногда говорят по-остяцки и между собой; встречаются и такие, которые, почти, забыли свой родной язык и совсем одичали, но это редко, да и вообще господство инородческих языков в Обдорске слабее, чем например в Якутской области» (стр. 20) . Пишет В. Бартнев и об активных заимствованиях обдорянами различных элементов культуры у местных народов. Прежде всего это относится опять же к вестиментарным и алиментарным традициям (стр. 16-20) . Следует ли отнести все эти факты к процессам метисации русского населения с местными народами? В. Бартнев, говоря о грамотности населения, явно дает понять, что «в Обдорске значительная часть русского населения, сохранившая чистоту крови (браки с инородцами крайне редки) грамотны (стр. 16) . По его наблюдениям, браки русских с представителями местных народов были большой редкостью (стр. 24-25).

Как мы видим, все вышеперечисленные авторы отмечают эту тенденцию сближения с местными народами, готовность перейти в общении даже между собой на язык Чужого, подстроиться под него, перенять его одежду, даже внешне слиться с ним, постепенно превращаясь в Иного в рамках своей этнической общности и все больше сближаясь с Чужим.

Но как замечает уже упомянутый М. Грулёв (1901) , не только культурные контакты с местными народами влияли на трансформацию культуры русских переселенцев в Забайкалье, не менее важное значение имел географический фактор: «Еще большее значение в этом отношении принадлежало физическим условиям местности: первые русские новоселы неизбежно расплывались на обширном пространстве, входя разрозненными, почти единичными, силами в соприкосновение с массовым туземным населением монголо-бурятской расы. Очутившись в привольном и диком крае, с невозделанной и малопродуктивной почвой, первые русские переселенцы охотнее всего брались за скотоводство, испытанное уже

туземцами; тем более, что этому способствовали обширные луга и обилие скота, не требующего почти никакого ухода» (стр. 222). Именно влиянием среды объясняет В. Бартенев и все заимствования обдорянами пищевых традиций и костюма у местных народов. Сама среда заставляет есть строганину: «Употребление оленины в сыром виде, отчасти объясняется дороговизной овощей и, вообще, приправ к жареному и вареному мясу. Кроме того, оленина вообще не годится вареная, да и жареная тоже не особенно вкусна, так что лучше всего есть сырую» (Бартенев, стр. 19)

Очень интересно, что и русский Сибири, даже там, где проживают компактно и не смешиваются с местным населением, постепенно превращается в Другого, получая наименование (сибиряк), воплощающего конкретные характеристики (особое здоровье, силу, свободолюбие и т.д.). И даже и в рамках этой большой региональной группы существует множество подобных же образований: чалдоны (челдоны), семейские, каменщики, кержаки и т.д.

На фонтирной территории субъект приобретает невероятные возможности или максимально сохранить свою Инаковость, или создать ее на новой основе. Именно в этой связи и возникают частые попытки сравнить различия сибирских «старожилов» и новых переселенцев из России. Развернутые характеристики этих двух групп населения Сибири дает экономист А.А. Кауфман (1905), специально изучавший вопросы экономики переселенцев. Он отмечает, что новые переселенцы с некоторым презрением относятся к хозяйственному укладу старожилов: «И сами переселенцы, двигаясь в Сибирь, всегда рассчитывают применить на «новом месте» свои, российские, порядки, свои, российские, орудия; они строго осуждают, первые дни и недели пребывания в Сибири, экстенсивное хозяйство окрестного старожилого населения, обещаясь «выучить» старожилов работать, «показать им, что может дать земля», развести фруктовые или ягодные сады, — и это невинное хвастовство импонирует многим «друзьям переселенцев» и несомненно отражается на их суждениях и оценках» (стр. 327-328).

Еще более категоричен в своих замечаниях ссыльный писатель и врач С.Я. Елпатьевский (1893): «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного — русского. Этот вывод не сразу явился у меня, — долго я чувствовал только, что чего-то недостаёт в Сибири; но, когда этот вывод явился, он поразил меня. «Русского» не видно и не слышно, России не чувствуется в Сибири. Среди разнокалиберных построек вы не увидите только одного — обыкновенной русской избы средней лесной полосы России; среди всяких костюмов вы не увидите поддевки и сарафана. Нет хороводов, нет русской пляски, нет говора русского, не слышно даже брани, — той брани, которая, я был уверен, перейдёт с русским человеком через всякие Уралы. В уличной толпе вам попадутся, очевидно, не туземные, какие-то, так сказать, международные, стёртые физиономии, обыкновенно

бритые, с приниженным выражением глаз, но таких, о которых было бы можно прямо сказать: «вот это русский», – вы встретите очень редко. Где же русский? Куда деваются эти ежегодно льющиеся в Сибирь волны русских людей – ссыльных и переселенцев, торговых и служилых людей» (стр. 29-30).

Таким образом, и к концу XIX в. между старыми и новыми переселенцами все еще сохранялись четкие различия, осознаваемые обеими группами населения. Правда, она со временем все же нивелировалась, так как новые переселенцы встраивались в уже существующий комплекс хозяйственных отношений, как правило, детерминированный особыми местными физическими и культурными факторами: «...Занося на «новые места» и иногда сохраняя те или другие мелочи второстепенного значения, новоселы в том, что составляет сущность хозяйственного строя, не только не учат старожилов, а напротив – учатся у них; оставив родину, чтобы избежать, так сказать, прогрессивной ломки своего хозяйственного строя, они без всяких затруднений совершают, на новых местах, регрессивную ломку. Вышли ли они с северо-востока, из Малороссии или из средне-русских губерний, водворились ли они в тарском урмане, в уссурийской тайге, в киргизских степях или на амурской прерии, – они, все равно, усваивают выработавшиеся у старожилого населения сибирских многоземельных районов порядки захватного землевладения и залежного хозяйства. Мало того: залежно-паровое хозяйство сибирских старожилов приходится признать еще очень совершенным, если сравнить его с тем в полном смысле слова безобразным хозяйством, которое ведется новоселами в киргизских степях. И таким образом «власть земли», которая на родине была бессильна одолеть устаревшее приемы и привычки, на «новом месте» легко берет верх над ними. И это понятно: на родине этой власти было бы необходимо опираться на союзников, в лице знания и капитала; чтобы вернуться к тем первобытным формам залежного хозяйства, нет нужды ни в том, ни в другом, а потому этот прыжок назад совершается без всякого затруднения» (Кауфман, стр. 329-330).

Эти акты трансгрессии, а точнее даже регрессии можно видеть повсеместно. Новая местность и новые культурные реалии как бы заставляют субъекта трансформироваться к уже имеющимся локальным культурным нормам (экономическим, политическим, вестиментарным, алиментарным и т.д.). И это существует наряду с убеждением, что все эти местные культурные реалии «находятся» на более низкой ступени развития.

Как замечают омские исследователя А. В. Ремнев и Н.Г. Суворова (2013), переселенец не был готов «к быстрой адаптации своих сельскохозяйственных приемов к новым природно-климатическим условиям, не хватало у него и духа предприимчивости. Естественно, что переселенец искал тех условий, к которым он привык на родине, и если их не находил, то мог, при отсутствии необходимых знаний, решимости, выдержки и материальных средств, быстро терять терпение и уверенность в своих силах, бросал землю, с которой его мало что связывало» (стр. 181). Мы не можем не

согласиться с мнением омских историков, однако, как нам кажется, такая ситуация и была результатом именно адаптации к новым условиям, позволявшим вести экстенсивное хозяйство, при минимуме усилий и новшеств. Это и было встраиванием в уже существующие модели, направленные на упрощение хозяйственной жизни поселенцев.

Помимо земледельческого труда переселенец обнаруживал на новых землях массу других возможностей: прежде всего охоту и скотоводство, которые еще больше отдаляли его от традиционной русской модели. Охотник все дальше уходил в тайгу, перенимая приемы охоты и лова зверя у местных народов или старожилов, «претерпевая» (по Х. Яннарасу, 2005) новую реальность: «И этот борющийся человек должен быть вечно настороже, вечно присматриваться и прислушиваться, – не хрустнет ли ветка под тяжестью лапы медведя, не мелькнет ли голубая спинка песка. По мере того, как он забывает человеческую речь, он выучивается звериному языку, – учится безошибочно узнавать крик птиц и рев зверя, понимает манеры их и, как тунгус, начинает определять по следу, сердитый-ли медведь прошел или смирный. По мере того, как отвыкает от нравов человеческих, он больше и больше привыкает жить нравами звериными. Он один-одинешенек и должен полагаться только на себя. С него быстро сбегает русское разгильдяйство и добродушная распушенность: он весь подбирается, подтягивается; его толстые, расплывающиеся губы резче складываются, крепче сжимаются; его глаза не смотрят открыто, а высматривают исподлобья, выслеживают... Не дрогнет рука, не побледнеет лицо, не забьется сердце от страха, когда неожиданно вылезет на него медведь, и, уж конечно, не будет жалости к этому медведю» (Елпатьевский, стр. 23).

Эта связь с землей, с особой средой обитания, ощущение себя своим на этой земле приводит в конечном итоге к тому, что он оказывается Другим по отношению к остальным группам русского этноса, а своими воспринимаются отнюдь не русские, а другие местные народы. Эту же дихотомию удалось выявить омскому историку М. А. Жигуновой, изучавшей вопросы идентичности среди русского населения Омска. Антагонизм местного населения к вновь приехавшим русским из республик СНГ в конечном итоге приводит новых переселенцев к недоуменному вопросу: «Почему они[сибиряки] лучше дружат с местными народами, а к нам относятся хуже, за своих не считают, ведь мы тоже – русские» (Жигунова, 2011, стр. 172).

Таким образом, именно фронтальная территория, удаленная от мест первоначального проживания субъекта, формирует его инаковость, трансформируя его в Другого, а порой и даже Чужого. Эта инаковость в отдельные кризисные моменты истории может совсем отдалить подобное фронтальное сообщество от его первоначального этнического ядра, поставив его в антагонистическое отношение к нему.

Библиографический список:

1. Bushnell, D. (1999). The Treatment of the Indians in Plymouth Company. В А. Т. Vaughan (Ред.), *New England Encounters: Indians and Euroamericans Ca. 1600-1850* (стр. 59-83). Boston: Northeastern University Press.
2. Cave, A. A. (2011). *Lethal encounters : Englishmen and Indians in colonial Virginia*. Oxford, Santa Barbara: Praeger.
3. Sipe, H. C. (1929). *The Indian wars of Pennsylvania*. Harrisburg: The Telegraph Press.
4. Бартнев, В. В. (1896). *На крайнем северо-западъ Сибири: очерки Обдорскаго края*. С.-Петербург: М.Ф. Пайкина.
5. Грулёв, М. В. (1901). Из прошлого Забайкалья. *Русская старина*, CVI, 203 – 224.
6. Дедлов, В. Л. (1894). *Переселенцы и новые места. Путевые заметки*. С.-Петербург: М.М. Ледерье и К.
7. Елпатьевский, С. Я. (1893). *Очерки Сибири*. Москва: Т-ва И. Н. Кушнерев и К.
8. Жигунова, М. А. (2011). Население Сибири: межэтнические контакты и проблемы региональной идентичности. В М. А. Жигунова, & Е. М. Данченко (Ред.), *Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность* (стр. 163-179). Омск: Полиграфический центр КАН.
9. Кауфман, А. А. (1905). *Переселение и колонизация*. С.-Петербург: Общественная польза.
10. Мичурин, И. В. (1950). *Итоги шестидесятилетних трудов*. Москва: Академии наук СССР.
11. Паллас, П. С. (1788). *Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперій* (Т. 3 Ч. 1). Санктпетербург.
12. Ремнев , А. В., & Суворова, Н. Г. (2013). *Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX–начала XX век*. Омск: Наука.
13. Толстой, Л. Н. (1936). *Казакі* (изд. Полное собрание сочинений, Т. 6). Москва: Художественная литература.
14. Щукин, Н. (1844). *Погъздка в Якутск*. С.-Петербург: Департамента военных поселений.
15. Яннарас, Х. (2005). *Избранное : Личность и Эрос*. Москва: Российская политическая энциклопедия.

**«POWER OF LAND»: FORMATION OF NEW OTHERNESS IN THE
CONDITIONS OF FRONTIER**

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S.

Yakushenkov Serguey Nickolayevich, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: shuilong@mail.ru

Yakushenkova Olesya Sergueevna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: jestershadow@mail.ru

The article is devoted to the very important problem of cultural transformation of immigrants or colonists, who find themselves in new natural and cultural conditions of the Frontier heterotopia. The new space incorporates subject that consumes him, forcing him to transgress constantly. Contacting with the Alien, the person realizes himself in constant transformations, becoming the Other for the representatives of one's culture. The external observer finds that he or she has more in common with a Stranger, a Native of local traditions, than with representatives of the ethnic community from which he or she came. In everything the subject demonstrate his closeness with this Stranger, dressing like him, speaking his language, turning to his alimentary traditions, etc.. All this leads to the fact that the immigrants built a new picture of the world, wrap with local peoples, and separating him from his ethnic group. The result is a new regional sub-ethnic community, who are aware of their special identity. Such a model built-in in new natural and cultural realities we find everywhere, whether it be the American continent, the Caucasus or Siberia. This case became especially apparent in Siberia, where the contact with local peoples and the special natural environment has spawned a new sub-ethnic community – Sibiryak, keenly aware of its uniqueness and its differences from the Russian. Not separating themselves from the Russians in general, the Siberians declare nevertheless their differences from other peoples, which is manifested in a special mentality, a special behavioral patterns, etc.

Keywords: Frontier, Alien, the Other, transgression, Cultural transformation, cultural landscape, identity

References:

1. Bushnell, D. (1999). The Treatment of the Indians in Plymouth Company. In A. T. Vaughan (Ed.), *New England Encounters: Indians and Euroamericans Ca. 1600-1850* (pp. 59-83). Boston: Northeastern University Press..
2. Cave, A. A. (2011). *Lethal encounters : Englishmen and Indians in colonial Virginia*. Oxford, Santa Barbara: Praeger.
3. Sipe, H. C. (1929). *The Indian wars of Pennsylvania*. Harrisburg: The Telegraph Press.
4. Bartenev, V. V. (1896). *In the extreme North-West Siberia: essays of Obdorsk region*. S.-Petersburg: M. F. Panin.
5. Gruliev, M.V. (1901). From old days of Transbaikal. *Russian old times*, CVI, 203 – 224.
6. Dedlov V.L. (1894). *Colonists and new Lands. Travelogues*. St.-Petersburg: M.M. Lederie & Co.
7. Yelpat'evskiy S.Ya. (1893). *Siberian Essays*. Moscow: I. N. Kushnerev & Co.
8. Zhigunova, M. A. (2011). The population of Siberia: ethnic contacts and issues of regional identity. In M. A. Zhigunova, & E. M. Danchenko (Ed.), *The population of Siberia: ethnic relations, education and cultural identity* (pp. 163-179). Omsk: Printing center KAN
9. Cauffman, A. A. (1905). *Colonists and Colonization*. St.-Petersburg: Public Benefit.

10. Michurin, I. V. (1950). *Results of sixty years work*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR

11. Pallas, P. S. (1788). *Travels across different Provinces of Russian Empire* (T. 3 P. 1). Santpetersburg.

12. Remniev, A. V., & Suvorova, N. G. (2013). *Colonization of Asian Russia: Imperial and national scenario of the second half of XIX–early XX century*. Omsk: Science.

13. Tolstoy, L. N. (1936). *The Cossacks* (Complete works, V. 6). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.

14. Shchukin, N. (1844). *The trip to Yakutsk*. St. Petersburg: Department of military settlements.

15. Yannaras, H. (2005). *Selected works: Person and Eros*. Moscow: Russian political encyclopedia.

СЕКТАНТСТВО НА НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ В XIX ВЕКЕ:
СЕКТА ПЕЩЕРОКОПАТЕЛЕЙ

Канатьева Н.С.

Канатьева Наталья Сергеевна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: nessy71@mail.ru.

Целью статьи является анализ обрядовой практики и внутреннего регламента секты пещерокопателей, действовавшей в середине XIX в. на Нижневолжском фронтире – Астраханской губернии. Основная задача, помимо введения в научный оборот новых данных о русских мистических сектах, заключается в проведении сравнительного анализа обрядов пещерокопателей и их доктрины с существовавшими на данной территории в указанный период аналогичными обрядами старообрядческих общин и толков, в частности, у поморов и федосеевцев, а также у хлыстовских и скопческих сект. Приводится характеристика лидеров секты. На основании изучения обрядности и внутреннего распорядка пещерокопателей, а также отношению к церковному браку и сексу, утверждается принадлежность секты пещерокопателей к хлыстовству.

Предлагаются положения о неизбежном усилении градуса сектантства на фронтирных территориях. Приводятся данные о конфессиональном составе населения Астраханской губернии, которые позволяют считать Нижневолжский фронтир одним из очагов сектантства на Юге России; рассказывается о создании миссионерского православного Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства как централизованной организации противодействия сектантству и расколу, реализующей дискурс Русской православной церкви конца XIX века на осуществление «внутренней миссии».

Методологической основой данного исследования послужил сравнительный анализ.

Ключевые слова: Нижневолжский фронтир, сектантство, пещерокопатели, хлыстовщина, старообрядчество, фронтирмэн.

Введение

Понятие «фронтир», введённое в научный оборот в конце XIX в., приобрело новое содержание и смысл в работах отечественных учёных конца XX – начала XXI вв. и прочно укоренилось в научном обиходе; при этом «российские учёные не шли по пути механического переноса концепта «фронтира» на российскую историю, а пытались сопоставить два схожих процесса (российский и американский), выделив в них общее и особенное. Каждый из ... учёных старался по-новому взглянуть на проблему фронтира со своих особых методологических позиций» (Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, стр. 24).

В 2014 году в Астрахани вышла обширная монография, написанная коллективом учёных Астраханского Государственного университета под руководством А.П. Романовой и С.Н. Якушенкова, «Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие». Астраханские учёные последовательно и многосторонне утверждают доктрину Нижневолжского фронтира; эта работа явилась своего рода плодом многолетнего труда – достаточно назвать лишь несколько из обширного списка работ на эту тему: «Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической

и экономической ситуации на Юге России» (Романова, Якушенков, 2012), «Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях» (Романова, Якушенков, 2013), «Кавказ как вечный фронт» (Романова, Топчиев, 2014).

Задуманная, в первую очередь, как учебное пособие, монография включает обширный и чрезвычайно представительный обзор представлений о фронтире у разных учёных, в разное время и при различных методологических подходах. Отмечается, что появившиеся в последнее двадцатилетие XX века, под влиянием постколониальной теории, новые «научные направления, - такие, как теории культурных контактов (Cultural Encounter Studies), малых групп (Subaltern Studies), телесности (Body Studies), – дают возможность по-новому взглянуть на историю фронтира, выявить ранее незамеченные особенности культурных процессов на фронтире. И особую роль... здесь играют теория культурных контактов и примыкающая к ней проблема Другого/Чужого» (Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, стр. 32).

Кроме того, особо подчёркивается, «что фронтирная региональная тематика ... плохо актуализирована в региональном дискурсе» (Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, стр. 49). «Несмотря на множество несовпадений и даже кардинальных различий, сопоставление американского фронтира с российским аналогом на Нижней Волге даёт нам богатую пищу для размышлений и, главное, позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской науки применительно к нашей истории. Вот некоторые из них: изучение гендерной истории российского фронтира, использование постколониальной теории для анализа процессов культурной коммуникации, изучение образа Другого/Чужого... и т.д.» (Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, стр. 48).

Нам бы хотелось добавить ещё один немаловажный аспект особенности культурных процессов на фронтире, вытекающий из таких его признаков, как гетеротопия, темпоральность и особый образ жизни – религиозная трансгрессия. Под этим, возможно, не самым удачным, термином мы понимаем, вслед за С.Н. Якушенковым, в первую очередь, повышенный градус сектантства, богоискательства (и богоборчества), новый уровень поиска Абсолютной Божественной истины, почти всегда сопряжённый с отходом от официальной религии или её искажением. И это совершенно логично и объяснимо – новые земли, новый образ жизни, столкновение с Другим/Чужим зачастую ярко обнажают несостоятельность старой религиозной доктрины. На краю мира, на краю привычной цивилизации появляются вызовы, ответ на которые не может подкрепляться религией Старого Света. Цивилизационный разлом требует нового «кредо», Нового Завета. Вспомним мормонов в Юте, причудливую смесь водуна в Новом Орлеане, яркое и самобытное сочетание анимизма и православия в Сибири – можно привести ещё множество примеров, но все они, так или иначе, в большей или меньшей степени, будут иллюстрировать этот тезис. То, что С.А. Семедов писал о политических религиях – «догматическая и

ритуальная эклектичность» (Семедов С.А., 2009, стр. 81) – вполне подходит к определению религиозности, или религиозной трансгрессии, на фронтире.

И Нижневолжский фронт не был исключением. В «Исторической записке, посвящённой 300-летию Астраханско-Енотаевской епархии» протоиерей Иоанн Савинский писал об Астраханской губернии – «пристанище для раскольников» (1903, С. 131). Разумеется, под «раскольниками» подразумевалось не только старообрядчество, но и разнообразное сектантство: экстатико-мистические секты, такие, как хлыстовщина, скопчество, пещерокопатели; и рационалистические, такие, как молоканство, баптизм и штундизм.

Сектантство на Нижневолжском фронтире

Количество сектантов в Астраханской губернии, в частности, молокан, даже по данным официальной миссионерской статистики к концу XIX в. превышало количество старообрядцев, которые, в свою очередь, составляли до 20% русского населения губернии. В то же время государственная политика XIX в. требовала всё большей консолидации провинций вокруг имперского центра, и одну из главных ролей в этом процессе играла религия, носителем которой являлась Русская православная церковь. Поэтому конец XIX и первое десятилетие XX века в истории Русской православной церкви связаны с активизацией ее так называемой «внутренней миссии».

В отличие от миссии «внешней», то есть направленной на присоединение к православию «инородцев и инославных», внутренняя миссия подразумевала активную проповедь среди сторонников дореформенного православия (старообрядчества), официально именуемых раскольниками, и сектантов. И Астраханская епархия не остаётся в стороне от новых веяний.

Для борьбы с наиболее многочисленными в губернии сектантами – молоканами, в Астрахани в 1873 г. было создано православное миссионерское Свято-Троицкое братство – как было заявлено в Уставе братства, «с целью ослабления молоканства и предохранения от соращения в эту секту православных». Просуществовав 12 лет, в 1885 г. Свято-Троицкое братство вошло в состав вновь учреждённого Кирилло-Мефодиевского общества ревнителей веры, просвещения и нравственности в духе святой православной церкви, чьи обязанности были значительно расширены, и в его задачи стало входить распространение противосектантской миссии на раскольников, поповцев и беспоповцев с их многочисленными разветвлениями, хлыстов, штундобаптистов, субботников и пещерокопателей. Братство просуществовало вплоть до 1917 г., пережив расцвет, застой и постепенное угасание. И в лучшие свои годы оно могло существовать лишь на энтузиазме и искренней вере своих адептов, а таковых к началу революционного периода в России становилось всё меньше.

При изучении истории Кирилло-Мефодиевского братства знакомишься с чередой истинных фронтимэнов – как православных миссионеров, так и противостоящих им старообрядческих начётчиков и

начётчиц, кормщиков хлыстовских «кораблей», «христосов» и «богородиц», лидеров пещерокопателей, руководителей молоканских и штундобаптистских общин. По меткому и справедливому замечанию С.Н. Якушенкова, «поистине, фронтир – это территория пророков и проходимцев. Здесь рождаются новые религии, претерпевают изменения старые, находят убежище изгои» (2015, стр. 295). Именно на фронтире мы можем наблюдать «сокрушительное влияние некоторых персоналий харизматических религиозных лидеров на формирование религиозных традиций» (Романова, Топчиев, 2011, стр. 37).

Секта пещерокопателей: история исследования и сравнительный анализ

Одной из наиболее интересных и оригинальных астраханских сект является, на наш взгляд, апокалиптическая секта пещерокопателей, или еноховцев. Она же является и наиболее изученной (всё относительно, конечно), – в отличие от астраханских хлыстов, молокан, штундобаптистов и субботников, упоминания о которых практически отсутствуют в современном сектоведении, об астраханских (или волжских, или безродненских) пещерокопателях написано довольно много.

Существует несколько источников, посвященных деятельности секты, от дневников сектантов разного времени до советских административных документов, посвящённых сектантству. В 2007 году в журнале «Спелеология Самарской области», № 4, была опубликована статья Ю.В. Полевой «Сектантское пещерокопательство на территории Волгоградской области»¹. В статье впервые была сделана попытка анализа как источников сведений о секте, так и устройства и культового использования пещер. Тем не менее, несмотря на ценность впервые вводимых в научный оборот сведений – таких, например, как отрывки из дневника сектантки Пелагеи Шашковой, с которым Ю.В. Полева имела возможность ознакомиться лично, – статья носит описательный характер. В частности, автор не приходит к единому выводу о принадлежности секты, приводя определения из разных источников – странничество, т.е. радикальный старообрядческий толк (Черкасов), нововеры (миссионеры Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства), еноховцы (административные советские документы), хлысты (местные старожилы), «сирые голуби» и «назареты» – самоназвание сектантов. Сама Ю.В. Полева достаточно обтекаемо называет пещерокопательство «одной из распространённых форм мистической практики», «экстатическим направлением в сектантстве», в то же время используя названия «заплавненские хлысты» и «безродненские² сектанты, вошедшие в современную историографию как еноховцы». Хотя нужно отметить, что, по-видимому, автор не ставила перед собой задачи чёткого

¹ После 1917 г. часть Астраханской губернии, в том числе села Заплавное и Безродное, вошли в состав вновь образованной Царицынской (Сталинградской, Волгоградской) области.

² Написание «безродненские» стало общепринятым после 1917 г., до указанного периода бытовало «безроденские». Поэтому в статье употребляются оба названия, в соответствии с цитируемым источником.

атрибутирования секты и описания её ритуалов – публикация в узкоспециализированном журнале, посвящённом проблемам спелеологии, всё же далека от религиоведения.

До настоящего времени наиболее подробным документом, описывающим секту пещерокопателей, её внутренний регламент и обрядность, остаётся «Повествование о безроденских пещерокопателях в Астраханской губернии», написанная бывшим сектантом, а впоследствии послушником Астраханского Покрово-Болдинского монастыря, Иваном Черкасовым. «Повествование...» публиковалось в «Астраханских епархиальных ведомостях», в восьми номерах, 6-12 и 14, за 1889 год (Черкасов И., 1889). Несмотря на предсказуемую миссионерскую ангажированность и обильное цитирование Священного Писания, «Повествование...» отличается живостью и непосредственностью передачи материала, благодаря активному участию Черкасова в жизни секты и столь же пламенному неофитству в православном монастыре после выхода из неё. По словам Ю.В. Полевой, «произведение носит острый полемический характер, отражая отношение Православной церкви к секте...» (2007, стр. 89).

Как уже упоминалось, Черкасов называет секту «странническим духобратством». Начало деятельности секты он относит к поселению примерно в 1860 г. крестьянина села Верхне-Ахтубинского (Астраханской губернии) Андрея Лукьянова на горе рядом с селом «в убогой лачуге-землянке», который «...вырыл в подполе яму, приделал потайную дверку входить в неё, стал удаляться в яму на целые дни, трудился сам и приглашал трудиться испытанных в скрытности людей, расширял яму, устраивал пещеру. Пещера расширялась, умножалось и братство...» (Черкасов, 1889, стр. 263). Через десять лет Безродненские пещеры представляли собой «громадные помещения, ...,которые своим планом подобились святым Киевским пещерам» (Черкасов, 1889, стр. 266). Остаётся только догадываться, сколько человек потрудились, чтобы выкопать в твёрдой астраханской глине настолько обширные помещения, с длинными коридорами, идущими вверх и под уклон, с обрывистыми входами, тайниками и кельями – «коморками». По словам Черкасова, длина всех ходов Безродненской пещеры составляла «до 1000 сажень длины, значит, до двух вёрст» (Черкасов, 1889, стр. 267) – приблизительно четыре километра. Входов в пещеру сначала существовало два – первый начинался из жилой землянки Лукьянова, из подполья, и длился до большого «вертепа» – «моленного собора, сделанного наподобие часовни» (Черкасов, 1889, стр. 267). Второй вход был устроен значительно сложнее, в виде двух разветвлённых тайных лазов и следующего за ними пещерного коридора, уходящего под уклон и длиной «саженей 30» (Черкасов, 1889, стр. 267).

В 1878 году между сектантами произошёл первый крупный раздор, часть сектантов явилась в Царёвское полицейское управление с доносом на бывших братьев, после чего приставом 2 участка Царёвского уезда Ломтевым один из входов был обрушен. Скорее всего, обрушен был первый вход, из бывшей жилой землянки, потому что Черкасов в своей повести,

изданной в 1889 году, упоминает, что «существует и доныне... вход из пещерного коридора» (Черкасов, 1889, стр. 266).

Личные качества первого пещерокопателя, Андрея Лукьянова, имели большое значение для роста количества сектантов. По мнению Торчинова, «значительная роль лидера, высокая степень харизматичности» (Торчинов, 2005, стр. 498) – один из специфических признаков секты. Все последующие лидеры секты (сами себя они скромно называли «светилы посреди земли») – Логин Майков, Трофим, Паисий, Иоанникий и Никодим – также были людьми незаурядными, каждый в своём роде – то, что Торчиновым обозначалось как «рутинизация харизмы» (Торчинов, 2005, стр. 498), в секте так и не проявилось.

Лукьянов выделялся среди них как «старец-подвижник», «прорекатель-вещун» (Черкасов, 1889, стр. 268). Логин Майков отличался особым влиянием на женщин, во времена его руководства сектой большинство её членов составляли именно они. Кроме того, под началом Майкова были укреплены своды пещеры, выложены кирпичами, а по стенам сооружены подобия стасидиев – продолговатых лавок, предназначенных для захоронения членов секты – «тружеников-затворников». На стасидии было принято класть пожертвования и деньги, предназначенные на погребение сектантов.

Андрей Лукьянов и Логин Майков считались обладающими даром изгонять бесов из бесноватых – даром экзорцизма. Был разработан и часто применялся целый ритуал, подробно описанный Черкасовым, и состоявший в особом прохождении по коридорам Безродненских пещер с начертанием крестов на каждом повороте. Считалось, что с начертанием каждого креста (иногда кресты не изображались, а лишь накладывались, причём старообрядческим двуперстием) «отпустится страдальцу грехов, ...откачнётся от него бесов» (Черкасов, 1889, стр. 270). Прохождение сопровождалось особой, как писал Черкасов, «какой-то изменяющей бесов молитвой» (Черкасов, 1889, стр. 271). Пройдя все пещеры, страждущий исцелялся, оставляя, по словам Лукьянова, свои грехи (и вселившихся бесов) на заклятых крестами местах.

Помимо экзорцизма, Лукьянов занимался также целительством детей, также сопровождаемым особой «таинственной молитвой» (Черкасов, 1889, стр. 272). Эту молитву он читывал на воду и отдавал матери больного ребёнка с тем, чтобы она поила его этой водой. Существовало важное условие исцеления – женщина должна была «сохранять женскую чистоту» (Черкасов, 1889, стр. 272), иначе ничего не исполнится.

Со временем уровень целительского мастерства Лукьянова возрос настолько, что стали появляться исцелённые заочно – Лукьянов писал кресты на листах бумаги и отсылал их верующим, которые опускали листок с крестом в стакан воды и поили этой водой больного. Целебной также считалась земля, взятая в Безродненских пещерах.

Подобные ритуалы, конечно, интересны для изучения и классификации секты, и мы к ним ещё вернёмся. Важно отметить - есть

свидетельства (см. ниже) о попытке создания лидером секты Лукьяновым собственного Священного Писания. Это косвенно подтверждает фронтирный характер секты – Новый Завет должен возникнуть на территории, где Старый либо не работает, либо не соответствует фронтирной гетерохронии и гетеротопии. Это не космогоническая теория и не апокалипсис – это именно Завет между Богом (не Творцом) и избранным народом, регламентирующий взаимоотношения и определяющий наказания и награды.

К сожалению, не сохранилось письменных свидетельств создания пещерокопательского Нового Завета, судить о них мы можем лишь по приведённым в повести Черкасова устным сведениям паломников, посещавших Безродненские пещеры. В частности, в понедельник Страстной недели 1872 года Лукьянов рассказывал собравшимся сектантам и паломникам – «поклонникам пещерника» (Черкасов, 1889, стр. 305) о Страстях Христовых. По его словам, «Иисус Христос страдал не на 33 году от рождения, а в младенческом возрасте, и мучим был ... нечистыми духами – дьяволами. Бог Саваоф, повествует пещерник, просил сатану освободить из ада тех людей, которые страдали и мучились за Адамов грех. Сатана на то не согласился. Тогда Бог вдунул в девицу Марию, чрез старца Осипа (св. Иосифа – НК), дух святой и она зачала и родила сына – Христа, чтобы он установил истинный закон на земле, для избавления человеческого рода от вечных мук, так как не познавшие истинного пути, не только тогда, но и теперь, идут к дьяволу, а познавшие в рай пресветлый» (Черкасов, 1889, стр. 306-307). Далее Лукьянов рассказывает свою, чрезвычайно драматическую версию преследования и распятия Христа «жидами-дьяволами»; главным отличием от канонической в ней является возраст Христа – всё происходит со Христом-младенцем.

По словам А.А. Панченко, «священная история» русских мистических сект, устные легендарные сказания о сектантских лидерах и т.п., «обнаруживает тесную связь с традиционными крестьянскими легендами» (Панченко, 2004, стр. 423), не отличаясь, впрочем, богатством и вариативностью. С другой стороны, известный исследователь хлыстовщины и скопчества справедливо замечает, что до настоящего времени не существует «адекватного исследования этих (сектантских – НК) материалов» (Панченко, 2004, стр. 423). Скромно заметим, что введение в научный оборот преданий астраханских пещерокопателей трудно переоценить с точки зрения новизны исследования.

Как и многие лидеры сектантов, Лукьянов, по-видимому, обладал большим личным обаянием и даром проповедника. Черкасов писал, что в рассказах Лукьянова была одна «суемудрая бессмыслица» (Черкасов, 1889, стр. 308), но, по его же словам, «люди ...повинуются пещерокопателю, вверяются его водительству, исполняют всё по его наставлению и благословию ...верят ему, а не слову Божию и учению святой православной Церкви» (Черкасов, 1889, 308).

Нельзя утверждать, что сектанты-пещерокопатели обладали оригинальными или специфическими религиозными практиками и

отработанными ритуалами; учение их было чрезвычайно эклектично. В частности, перстосложение было старообрядческим, двуперстным. По этому поводу Лукьянов говорил: «...ныне все предалися щепоти, всевозможно остерегайтесь молиться этой антихристовой печатью; кладите старинный крест на себя, т.е. двуперстием» (Черкасов, 1889, стр. 308). Ещё пример – Великое славословие («Слава в вышних Богу» – НК), в православии исполняемое только в праздничные дни, у пещерокопателей пелось и в будние дни, на старообрядческий манер, с произнесением «Исус» (Черкасов, 1889, стр. 360).

Элементы хлыстовщины отчётливо видны в духовных стихах: «Кто по дню, кто по два (постится – НК), То Господу угодно; А кто три дня попустится, Грех по плоти умертвится. У кого разум твёрдый, Перетерпит и четвёртый. А кто пятый пострадает, Душа плотью завладеет. Кто ж седмицу окончат, Даром душу причащают, – Тот и Свят Дух получает И всех верных просвещает (выделение моё – НК)» (Черкасов, 1889, стр. 404). Отсылка к Святому Духу позволяет нам утверждать о безусловном влиянии хлыстовской идеологии. Поведение во время импровизированного пещерного богослужения также напоминает о хлыстовском радении: «поют женщины и девицы, их мужья и братья неблагозвучно, без порядку, с притопыванием, визгом, со смехом, с безнравственными шутками» (Черкасов, 1889, стр. 404).

Отношение к венчанным в церкви бракам хлыстовско-федосеевское: «В церкви бракосочетают молодых людей, но если они до брака не имели понятия о духовной любви (понятие «духовная любовь» снова отсылает к хлыстовству – НК) не были влюблены и до венца не познали друг друга, то и по принятии брака в церкви пребывают безбрачны. Дети, рождаемые от таких браков, незаконны и суть семя греха (учение поморцев – НК); такового мужа и жену не подобает иметь при себе, а довлеет отпустить» (Черкасов, 1889, стр. 410). И вывод: «В ком пребыла прежде брака любовь, в том сам Бог до конца будет присутствовать» (Черкасов, 1889, стр.410).

Напомним, что именно вопрос об отношении к браку и сексу зачастую становился критичным для внутреннего единства различных течений в старообрядчестве и сектантстве – достаточно упомянуть поморов и федосеевцев, хлыстов и скопцов. По словам Эткинда, «таинство брака заменялось таинством покаяния» (Эткинд, 2013, стр. 32) – и это одна из специфичнейших черт русских мистических сект и старообрядческих общин.

Впоследствии лидерами секты пещерокопателей было введено разделение паствы на безбрачных и брачных: безбрачные – это «мужи и жены, никогда не вступавшие в законный брак; брачные – это оставившие законную жену или законного мужа» (Черкасов, 1889, стр. 447). При этом бывшие супруги нередко продолжали проживать вместе в пещерах, называясь братом и сестрой. Рождение внебрачных детей грехом не считалось, но детей в пещерах не держали, отдавали «на воспитание» (Черкасов, 1889, стр. 447).

Выводы

Даже такой поверхностный анализ кредо пещерокопателей показывает нам как его эклектичность и вторичность по отношению к хлыстовству и учению поморов-безбрачников, ковылинцев-федосеевцев, так и попытку творения на их основе собственного учения. В него входили, с одной стороны, правила поведения для сектантов в общине и миру, с другой – создание своеобразного Нового Завета, своего, сектантского, Евангелия.

Несформированность доктрины секты пещерокопателей вовсе не свидетельствует об её незрелости – напротив, это является доказательством мистического характера секты, «ибо не она, а техника экстаза составляет её суть» (Торчинов, 2005, стр. 499)

Основными элементами учения пещерокопателей являлись доктрина о Святом Духе, нисходящем на «достойного человека», и отрицание церковного брака, что позволяет нам, в противовес укоренившемуся мнению о пещерокопателях как еноховцах, определить пещерокопательство как ответвление хлыстовства.

Систематическое представление о специфической культурной традиции секты пещерокопателей, понимание её топики и символики требуют дальнейших исследований и репрезентативных источников.

Библиографический список

1. Панченко А.А. (2004). *Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект*. ОГИ, 541.
2. Полева Ю.В. (2007). *Сектантское пещерокопательство на территории Волгоградской области*. Спелеология Самарской области, 88-97.
3. Романова А.П., Топчиев М.С. (2011). *Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия*. Сорокин Роман Васильевич, 112.
4. Романова А.П., Топчиев М.С. (2014). *Кавказ как вечный фронт*. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 284-291
5. Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В. (2014). *Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие*. Сорокин Роман Васильевич, 236.
6. Романова А.П., Якушенков С.Н. (2012). *Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России*. Инноватика и экспертиза: научные труды, 74-80.
7. Романова А.П., Якушенков С.Н. (2013). *Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях*. Вопросы философии, 49-55.
8. Саввинский И. (2002). *Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет её существования*. В кн: *Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет её существования: В 2 т. Т. 1. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг.* Фолиант, 623.
9. Семедов С.А. (2009). *Политические религии*. Власть, 81-83.
10. Торчинов Е.А. (2005). *Религии мира: Опыт запредельного*.

Психотехника и трансперсональные состояния. Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 544.

11. Черкасов И.(1889). *Повествование о безроденских пещерокопателях в Астраханской губернии.* Астраханские епархиальные ведомости, № 6-12, 14.

12. Эткин А. (2013). *Хлыст: Секты, литература и революция.* Новое литературное обозрение, 644.

13. Якушенков С.Н. (2015). *Фронтир как культурная парадигма.* Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 1(42), 288-298.

SECTARIANISM IN THE LOWER VOLGA FRONTIER IN THE XIX CENTURY: PESCHEROKOPATELEY SECT

Kanateva N.S.

Kanateva Natalia Sergeevna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, st. Tatishcheva 20a. E-mail: nessy71@mail.ru

The purpose of the article is in analyzing the ritual practice and internal rules of the Pescherokopateli sect, operating on the Low Volga frontier – the Astrakhan province in the middle of the 19th century. As well as the introduction of new data on the Russian mystical sects the key objective of the article is carrying out a comparative study of the Pescherokopatelis' rituals and their doctrine and the similar rituals of the Old Believers' communities and sects: the Pomors, the Fedoseevists in particular, and the Khlyst and the Scopic sects. The characteristics of the Sect leaders is provided. Based upon the study of the Pescherokopatelis' ritualism and internal regulations and their attitude to a religious marriage and sex, the Pescherokopatelis' pertaining to the Khlystian is approved.

The guidelines on the sectionalism intensification on the frontier territories are provided. There is also provided the data on the confessional population structure of the Astrakhan province, according to which the Low Volga frontier is considered as one of the hearts of the sectionalism in the South of Russia. The article states about forming of the missionary orthodox Astrakhan Cyril and Methodius Fellowship as a centrally-controlled organization, which stands against sectionalism and dissent and implements the discourse of the Russian Orthodox Church of the end of the 19th century, aimed at the «internal mission» conduct.

The comparative analysis is the methodological framework of the research.

Keywords: the Low Volga frontier, sectarianism, pescherokopateli, hlystovschina, Old Believers, frontimen.

References:

1. Panchenko A.A. (2004). *Hristovschina and Skopchestvo: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects.* OIG, 541.

2. Poleva Y. V.(2007). *Sectarian pescherokopatelstvo in the Volgograd region.* Speleology Samara Region, 88-97.

3. Romanova A.P., Topchiev M.S. (2011). *Religious policy and religious Caspian security.* Roman V. Sorokin, 112.

4. Romanova A.P., Topchiev M.S. (2014). *Caucasus as a perpetual frontier.* Caspian region: politics, economy, culture, 284-291

5. Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Hlysheva E.V. (2014). *Nizhnevolzhsky frontier: cultural memory and cultural heritage*. Roman V. Sorokin, 236.
6. Romanova A.P., Yakushenkov S.N. (2012). *Frontirnaya theory: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the south of Russia*. Innovation and expertise: scientific papers, 74-80.
7. Romanova A.P., Yakushenkov S.N. (2013). *Alien as an objective reality, given us in sensation and reflection*. Problems of Philosophy, 49-55.
8. Savvinsky I. (2002). *Historical note on the Astrakhan diocese for 300 years of its existence*. In: *Essays on the History of the Astrakhan diocese for 400 years of its existence: In 2 t. T. 1. Essays on the History of the Astrakhan diocese from 1602 to 1902*. Foliant, 623.
9. Semedov S.A. (2009). *Political religion*. Vlast, 81-83.
10. Torchinov E.A. (2005). *Religions of the World: Experience beyond. Psychotechnics and transpersonal state*. Azbuka-classic. Petersburgskoye Vostokovedenie, 544.
11. Cherkasov I. (1889). *The story of bezrodenskih pescherokopatelyah in Astrakhan province*. Astrakhan Diocesan Gazette, № 6-12, 14.
12. Etkind A.M. (2013). *Khlyst: Sects, Literature and Revolution*. New Literary Review, 644.
13. Yakushenkov S.N. (2015). *Frontier as a cultural paradigm*. Caspian region: politics, economy, culture. № 1 (42), 288-298.

**КОНСТРУКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА
ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ¹**

Хлыщева Е.В.

Хлыщева Елена Владиславовна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: culture_mar@mail.ru

Аннотация. Межкультурная коммуникация в границах «свой-чужой» на территории фронта способствует появлению новых культурных паттернов, которые начинают определять современные формы культурных и социальных контактов. Однако сохраняющиеся стереотипы в плоскости «чужой-другой» последовательно воспроизводятся обществом, вступая в противоречие с изменяющимися социокультурными реалиями, когда мощные миграционные потоки сталкивают культуры между собой.

Гетеротопия ломает сложившиеся стереотипы и конструирует новое целостное пространство, которое требует теоретического осмысления. Цель данной статьи - анализ теоретических конструктов взаимодействия «своих» - «других» - «чужих»: презумпция равенства культур, когда приветствуется свободная конкуренция культурных традиций и возможность добровольного их усвоения; «новый национализм»; «русский проект»; мультикультурализм, неоевразийство, и выявление их потенциальных возможностей с точки зрения культурной безопасности. В современном обществе гетеротопия проявляется в разновекторной направленности дихотомии «свои-чужие». Однако межкультурный диалог как коммуникативный процесс более связан с феноменом транскulturации, свидетельствующим об открытости поликультурного общества в гетерогенный мир.

Ключевые слова: гетеротопия, миграционные процессы, «свой-чужой», стереотип, симулякр, фронт, культурная безопасность.

Введение

Глобализационный процесс влечет за собой обязательную трансформацию культурных паттернов, выводящую на признание «чужого, как иного, но равноправного» (Robertson, 1998, с. 46). Такое признание предопределяет культурный диалог, учитывающий процессы «гибридизации» культуры, национальную и региональную специфичность, где инонациональное рассматривается как ценностно значимое для расширения национального менталитета.

Однако, в реальности этнические группы иммигрантов и «исторические» национальные меньшинства позиционируют, как правило, уникальность только своей культуры, своего образа жизни даже в рамках поликультурных обществ. Это вносит серьезный дисбаланс в сложившуюся систему культурной идентификации и нарушает культурный паритет, не способствуя стабилизации общества. Напротив, нарочитая демонстрация этнических и конфессиональных признаков Чужого сильно затрудняет социальную интеграцию, приводя к еще большему разделению и даже

¹ Выполнено при поддержке РГНФ проект №15-33-11172а(ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

обособлению минорити-групп.

Противоречия и конфликты в данной ситуации переходят с межличностного уровня на социальный, затрагивая отношения между социальными группами, а «Чужой» - с индивидуального плана на уровень «социального типа», что выводит проблему признания Чужого на новый, более сложный этап. При таком подходе динамика и многообразие социокультурных явлений интерпретируется через разнообразие социокультурных типов, которые должны быть скоординированы с культурной системой общества. Возможен даже вариант выбора другой модели личности, которая будет больше соответствовать данной культурной среде.

Зоны пересечения культур – фронтальные территории – отличаются высокой степенью «пестроты», что повышает степень рисков этноконфликтных ситуаций. В интересах культурной безопасности на таких территориях предпочтительнее формировать модель транскультурного пространства. Однако это процесс длительный, а его динамика определяется логикой поэтапной универсализации формата культуры и появлением разнообразных модусов ее локального содержания.

Цель данной статьи – анализ теоретических конструктов взаимодействия «своих» - «других» - «чужих» и выявление их потенциальных возможностей с точки зрения культурной безопасности. Изменение социокультурного пространства влечет за собой необходимость трансформации механизма адаптации как своих, так и чужих, что представляет определенную трудность ввиду проблематичности перехода на новый уровень осознания самой проблемы.

Методы и подходы

Базовой методологией исследования является гетеротопный подход, позволяющий по-новому рассмотреть привычные культурные явления, ломая сложившиеся стереотипы и помогая выйти на более конструктивный уровень межкультурного общения. Гетеротопии конструируются как пространства, ломающие привычные стереотипы межкультурных контактов, предлагая их альтернативные репрезентации. Изменение картины мира и новое отношение к гетеротопии представляет собой жизненную необходимость.

Предлагаемые теоретические конструкты выработки адекватных механизмов сосуществования культур требуют тщательного анализа. Для этого используется комплексная система методов, в основе которой лежит сравнительная аналитика.

Анализ теоретических конструктов межкультурного взаимодействия

Когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями жизненно важно согласие относительно общих норм поведения, официального языка, праздников, внешнего вида, а также соотношения властных полномочий государственного и местного уровня,

прав и обязанностей индивидов и сообществ. Решить эти вопросы бывает непросто, поскольку у представителей этнокультурных групп существуют устоявшиеся мнения о том, что считать правильным и неправильным, хорошим и плохим, а потому они не готовы с легкостью изменить свое поведение и образ мысли.

Кроме того, важной характеристикой фронтирных территорий является высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных контактов. Поэтому процесс коммуникации здесь нацелен прежде всего на практический контакт представителей разных культур, эффективность которого определяется многими причинами, в частности:

- степени адаптации к культуре стороны-реципиента;
- равными правами культурных меньшинств и культуры большинства;
- правом свободного выхода из группы, т.е. правом человека не быть причисленным автоматически к определенной культурной, религиозной, языковой группе лишь по факту своего рождения.

Последняя причина представляется одной из самых значимых, хотя и трудно достижимых. Этнокультурные симулякры, основанные на обязательном сохранении и воспроизведении народных традиций, искусственны и не могут решить реальных проблем адаптации, а только приводят к напряженности в отношениях минорити-групп, между которыми необходимо не позиционировать «свою специфику», не создавать «беспорядок неуместного и сближения несовместимого» (Фуко, 1994, с. 34), а искать точки «соприкосновения», чтобы избежать конфликта культур, «определить общее место для тех и других» (Фуко, 1994; с. 35).

Выявление конструктивных тенденций взаимоотношений с чужим/другим сегодня актуально для всех стран. Гетеротопические пространства совмещают «несовместимое», демонстрируя возможность культурного диалога вместо фанатичного отстаивания своей этнической исключительности. Межкультурное взаимодействие осложняется тем, что право быть иным логически порождает неравенство, а льготы только стимулируют консервацию привычных образов поведения, но не нацеливают на их ликвидацию. Как следствие – происходит этнокультурное расслоение общества, этнизация социальных отношений и политизация повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «своего» и «чужого».

Культурное многообразие диктует необходимость выработки адекватных механизмов сосуществования. Только в этом случае концепт «свой – чужой» может стать культуuroобразующим, т.е. формирующим современную культуру, так как соприкосновение с другой культурой в обязательном порядке приводит к выходу за границы установленной нормы, расширяя диапазон взаимодействия. Поэтому современный фронт не столько разделяет, сколько объединяет, «буквально навязывая контакты, предполагая через столкновение прийти к конструктивному культурному диалогу и взаимодействию» (Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, с. 74). Фронт не бывает монокультурным, он «разнороден, подвижен, хаотичен»

(Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, с. 35), поэтому люди фронта живут по своим законам, «создавая уникальный временной и пространственный континуум, ориентированный на будущее» (Романова, Якушенков, Хлыщева, 2014, с. 36).

С этой точки зрения фронтиром можно назвать и Астраханский регион, территория которого всегда являлась (и является) контактной зоной разных народов, где царили свои законы. Здесь, как в плавильном котле, формировался новый этнический характер с особыми традициями, предпочтениями, говорами и норовом, но отличающийся большой толерантностью к иноэтническим компонентам. Однако сами процессы формирования такого типа шли сложно и противоречиво, принимая порой деформированные формы квазинациональных культурных традиций.

Одной из существенных трудностей межкультурных контактов по-прежнему остается опора на стереотипы, которые последовательно воспроизводятся обществом, исходя из культурных паттернов в плоскости «свой – чужой» и определяют культурное взаимодействие. Однако со временем стереотипы вступают в противоречие с изменяющимися социокультурными условиями, еще более затрудняя взаимопонимание культур, а впоследствии вообще мешая их взаимодействию. Поэтому изменение социокультурного пространства влечет за собой необходимость трансформации механизма адаптации как своих, так и чужих, что представляет определенную трудность ввиду проблематичности перехода на новый уровень осознания самой проблемы.

Специфические черты культуры складываются исторически в ходе приспособления определенного социокультурного сообщества к условиям существования. В реальной жизни культурные контакты во многом обусловлены наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их «притяжением - отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций» (Мурзина, 2003, с. 16). Иногда дистанция между представителями разных культур настолько велика, что «договориться» между собой бывает крайне сложно. Прежде всего это касается мигрантов, прибывающих в Европу, США, Россию из стран Азии, Африки, Латинской Америки: большая часть мигрантов в мировоззренческом, конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношении настолько отлична от местного населения, что преодолеть такой барьер за короткий срок невозможно. Препятствия на пути социальной интеграции приводят к обособлению приезжих и созданию «закрытых» этнических сообществ, где сохраняются культурные паттерны «родины». Кроме того, такие группы характеризуются общностью экономической деятельности, что придает каждой группе четкую маркировку.

Для сближения культур важным являются не размеры территории или численность населения и даже не наличие природных ресурсов, а культурные и психологические факторы: уровень национального самосознания и способность к самореализации. Именно поэтому даже схожие требования представителей отдельных групп основываются «на совершенно различных

групповых особенностях» (Бенхабиб, 2003, с. 67). Возможны и тупиковые ситуации, вызываемые не столько уважением к позиции «другого», сколько страхом перед ним. Чтобы этого не произошло С. Бенхабиб предлагает социальную доктрину, основываясь не на признании равенства культур, а на «презумпции их равенства» (с. 68), когда приветствуется свободная конкуренция культурных традиций и возможность добровольного их усвоения. В обществе, где демократические принципы одинаково применимы ко всем и каждому, невозможно насильственное встраивание различных традиций в социум. Иммигранты, попадая в другую страну, вольны перенять ее культурные принципы, сохранить собственные, частично усвоить традиции «новой родины», но главное – все они обязаны придерживаться норм, существующих в том обществе, куда они переехали.

Однако, хотя ни одна культура не способна динамично развиваться без взаимодействия с иными культурами, у межкультурного взаимодействия есть и обратная сторона. Всегда может найтись более сильная, более агрессивная культура, которая в случае непосредственного межэтнического контакта путем прямого или косвенного давления вызовет в другой радикальные изменения. Такой культурный контакт может привести к полной или частичной ассимиляции одной нации другой с полной утратой более слабой из них своей картины мира. Поэтому способность одного народа осваивать достижения другого, не подменяя своих – один из главных показателей жизнеспособности его культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная.

В антиномии свое/чужое сфера «Чужого» расширяется, вследствие чего «Свое» воспринимается менее масштабным и более хрупким по отношению к Чужому. Это приводит к стремлению оградить свою культуру от угрожающего ей «Чужого». Как следствие, наблюдается возрождение национализма, хотя и в новом значении «явления, имеющего объективный характер и не связанного с ситуативными или субъективными моментами» (Боришполец, 2001, с.122), что в определенной степени констатировало факт утраты государством монополии на исключительное представительство или распоряжение культурной и эмоциональной лояльностью граждан. Актором, с которым государство разделяет данную монополию, является этнополитическая элита, представляющая «локальные сегменты многосоставных общественных систем» (Боришполец, 2001, с. 123). Этот «новый коллективизм» (Бек, 2003, с. 48) связан с попыткой свести роль индивида к его существованию в качестве носителя культуры меньшинства. Наблюдается парадоксальное сочетание процессов глобализации, модернизации и фундаментализма, поскольку возрождение национализма стало глобальным феноменом.

Проявления «нового национализма» крайне разнообразны. Это могут быть «устремления локальных национальных общностей, включенных в структуры многосоставных политических систем» (Боришполец, 2001, с. 124); «устремления государства к централизованной интеграции и созданию

модели «государство-нация» (Боришполец, 2001, с. 125) и т.д. Являясь инициатором конфликтных ситуаций такой национализм становится серьезным вызовом в современном обществе и не способствует, а, напротив, препятствует межкультурному диалогу.

Противоположная тенденция проявляется в проектах, свободных от всех видов общепринятой идентичности и стандартного поведения. Цель таких проектов – создание общества, в котором «множественные местоимения «мы» и «они» не будут иметь постоянного обозначаемого» (Гайслер, 2002, с. 104). Одним из ярких представителей такого проекта является Ю. Кристева (Кристева, 2002), которая призывает понять мир «Чужих», ибо «только чужое обладает всемогуществом» (Kristeva, 1993, p. 105). Но самое главное – это умение «признать Чужого в самом себе» (Kristeva, p.105), ведь если Чужие все, тогда «никто никому не Чужой: не обладая сильным чувством тождества, никто не может воспринимать окружающих как Других» (p. 106). Только такое видение ведет к самому совершенному виду индивидуальной свободы.

Однако проект вызывает сомнения, ибо, рассматриваемый в отрыве от своего прошлого, индивид «обречен на обеднение и сужение своей культурной сферы» (Уолцер, 2000, с. 107). Основу инкультурации индивида всегда составляла традиционная культура, которая служит «обеспечением воспроизводства порядка социально-бытовых и культурных отношений» (Костина, 2011, с. 102). Но и культура не может существовать в «единожды заданном варианте своих пределов» (Костина, 2011, с. 108), являясь динамической системой, что предполагает обязательный выход за установленные границы и трансформацию ее форм. Поэтому в современном обществе традиционная культура естественным образом утрачивает свое значение, а ее формы и механизмы функционирования имитирует массовая культура.

Еще один проект, все еще позиционируемый в России, так называемый «русский проект», нацеливает на достижение культурной гомогенизации и заключается в «редукции культурного разнообразия российской жизни» (Малахов, 2002) к православному канону и семантической перезагрузки слова «русский». Однако такой проект нежизнеспособен уже по той причине, что практика ассимиляции сегодня потеряла свой конструктивный потенциал. Идеал монокультурной однородности не достижим и по чисто демографическим причинам, так как даже в национально-территориальных объединениях титульные этнические группы чаще всего составляют менее половины населения. Как возможно «ориентироваться на модель государственной монокультуры в условиях многокультурного общества?» (Малахов, 2002). А, кроме того, такой вариант не выгоден с точки зрения экономического развития, так как приведет к оттоку квалифицированной рабочей силы. Немаловажно и то, что именно из этих регионов мигрирует значительная часть населения в поисках более приемлемых условий для жизни, а живущие в «русских» землях сородичи не слишком желают возвращаться в «свою» республику. В такой ситуации

держаться за монокультурный идеал, «а именно за образ России как русско-православной страны означало бы проявлять чудовищную глухоту к реальности» (Малахов, 2002, с. 56).

Немалый интерес вызвала интерпретация евразийства, выдвинутая в 90-е гг. XX в. российским политологом А.С. Панариным. Суть его версии сводилась к тому, что Россия, как наиболее развитая в экономическом, научно-культурном и военном отношении страна СНГ, должна стать интегратором постсоветского пространства в новую цивилизационную «ойкумену», «распространяя свои достижения во всех сферах и противодействуя национализму и изоляционизму» (2008, с. 123). Модель, предложенная им позднее, рассматривает евразийство как «культурно-цивилизационную альтернативу «атлантизму» и попыткам внедрения во всем мире западной модели развития» (1999, с. 256). Однако, поскольку данный проект имеет не политологический, а философско-культурологический характер, решения насущных проблем современного миграционного общества он предложить не может.

Компенсировать недостатки этой теории стремится международное «неоевразийское» движение, лидером которого является А. Дугин (2004; 2012; 2014), а главными идеологами – политолог Ш. Султанов, писатель А. Проханов, историк Б. Бедюров и др. Это скорее геополитический проект, целью которого является построение глобальной Империи Народов, объединенных на «принципах многополярности и возврата к традиционным ценностям, при этом не забывая заслуг прогресса, ставя его под контроль Вечности» (Дугин, 2011). Главными союзниками России-Евразии в данном проекте должны стать Евросоюз, Китай, Индия, исламские страны и другие страны «третьего мира», отношения с которыми оформляются в виде асимметричного альянса. Объединяет эти общности, по мнению Дугина, то, что все они являются конкурентами США. В целом, евразийство – это антиглобалистский проект, хотя оно не привязано жестко к евразийскому материкам как географическому объекту. Евразийство представляет собой планетарную стратегию, которая признает объективность глобализации и, соответственно, конец эпохи «национальных государств» (Etats-Nations), но вместе с тем предлагает качественно иной сценарий глобализации. Не однополярный мир и не единое мировое государство с единым мировым правительством, а несколько глобальных зон – полюсов. Это вариант многополярной глобализации.

Другой вопрос, насколько евразийская идея теоретически обоснована и осуществима на практике. Многие ведущие исследователи (Кобрин, 2008; Согрин, 2013; Каганский, 2001 и др.) считают евразийство «яркой апологией единства и места конкретного пространства» (Каганский, 2001, с. 444). Это «логика мифа, способ описания евразийского пространства – описание мифологическое; структура самого евразийства воспроизводит структуры мифа» (Каганский, с. 444). А.Дугин видит задачу неоевразийства в том, чтобы «синтезировать несинтезируемое – левое и правое, демократию и авторитаризм, преמודерн и постמודерн и т.д.» (2011). Все это не только не

просто, но почти невозможно и не сулит быстрой нормализации существующих конфликтов.

Выводы

Социокультурные трансформации современного мира привели к изменению картины мира и осознанию как отдельными людьми, так и социальными группами своего места в окружающем пространстве. Процесс подобного осознания всегда осуществляется через сопоставление ценностей и целей индивида или социальной группы с целями и ценностями иных индивидов, иных социальных и этнических групп, иных культур и вероисповеданий. Этот процесс неоднозначен. Он может сопровождаться усилением в массовом сознании ксенофобии, этнофобии и т.д. как реакции на встречу с «Чужим», что, как правило, связано с актуализацией существующих стереотипов, вызывающих еще больший рост неприязни, дискриминации и национализма. Тем самым, в гетеротопных пространствах реально существует угроза нарастания межэтнической, межконфессиональной, социально-экономической и даже политической нетерпимости.

В таком контексте представляется важным осознание множественности культур, многообразия мировоззрений и возможности разных оценок одного и того же факта носителями разных культур. Это не должно приводить ни к «охранительству» своей культуры от глобальных проникновений, ни к «новаторству», стремящемуся укрепить «Свое» за счет привнесения в него элементов «Чужого». В обоих случаях встает вопрос о разграничении Своего и Чужого. А потому необходима такая система культурной безопасности, где возможно решить проблему межкультурного, межнационального взаимодействия без силовых действий и экономических санкций. Это соответствует транскультурной модели, которая становится «эпистемой поликультурной модели, обращенной к коммуникации с Другим» (Мальковская, 2008, с. 202). Человек со множеством идентичностей легче адаптируется в обществе и понимает людей из различных культурных групп, а главное – он не относится предвзято к иным культурным традициям.

Межкультурный диалог определяется как «открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разные исторические корни» (Белая книга, 2008;17). А такой коммуникативный процесс связан уже с феноменом транскulturации, свидетельствующим об открытости поликультурного общества в гетерогенный мир.

Библиографический список:

1. Бек У. (2003) *Космополитическое общество и его враги*, Журнал социологии и социальной антропологии. VI, 1. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/537/877/1219/002_Bek.pdf

2. *Белая книга по межкультурному диалогу.* (2008) Страсбург- Москва,
3. Бенхабиб С. (2003) *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру.* М.: Логос.
4. Боришполец К.П. (2001) *Национализм как вызов глобальному развитию/ Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения.* МГИМО МИД России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
5. Гайслер Х. (2002) *Национальное государство или мультикультурное общество?* Русский журнал. 5(25)
6. Дугин А.Г. (2004) *Проект Евразия.* М.: Эксмо, Яуза.
7. Дугин А.Г. (2011) *О евразийской толерантности и ненависти к врагу.* URL: <http://avigdor-eskin.com>
8. Дугин А.Г. (2012) *Теория многополярного мира.* М.: Евразийское движение.
9. Дугин А.Г. (2014) *Евразийский ревани России.* М.: Алгоритм.
10. Каганский В.(2011) *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей.* М.: Новое литературное обозрение.
11. Кобрин К. Р.(2008) *От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Сауда),* Неприкосновенный запас. № 3 (59). URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_59/2678-ot-paternalistskogo-proekta-vlasti-k.html
12. Костина А.В. (2011) *Массовая культура как феномен постиндустриального общества.* М.: Издательство ЛКИ.
13. Кристева Ю. (2002) *Чуждые самим себе: мечта об исключительности, Керни Р. Диалоги о Европе.* М.: Весь Мир.
14. Малахов В.С. (2002) *Зачем России мультикультурализм? Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ.* М.
15. Малахов В.С. (2002) *Осуществим ли в России русский проект, Отечественные записки.*3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_14-pr.html
16. Мальковская И.А. (2008) *Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации.* М.: ЛКИ.
17. *Модное слово «Евразия»* (2002). URL: <http://evraz-info.narod.ru/78.htm>
18. Мурзина И. Я. (2003) *Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореф. ... дис. д-ра наук / И. Я. Мурзина.* Екатеринбург.
19. Панарин А.С. (1999) *Россия в циклах мировой истории.* М.: МГУ.
20. Панарин А.С. (2008) *Философия политики.* М.: Новая школа.
21. Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В. (2014) *Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие.* Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич.
22. Согрин В. В.(2013) *Три исторические субкультуры постсоветской*

России, *Общественные науки и современность*. № 3. С.91-105.

23. Уолцер М. (2000) *О терпимости*. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. Книги.

24. Фуко М. (1994) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.

25. Kristeva J. (1993) *Nations without Nationalism*. N.Y.: Columbia University Press.

26. Robertson R. (1998) *Globalization : Social Theory and Global Culture Theory, Culture & Society*. London: Sage Publications.

CONSTRUCTS OF CROSS-CULTURAL INTERACTION ON THE FRONTIER'S TERRITORIES: TO A PROBLEM OF CULTURAL SAFETY

Khlysheva E.V.

Khlysheva Elena V., Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, str. Tatishcheva, 20a. E-mail: culture_mar@mail.ru

Cross-cultural communication in the borders «our-stranger» on the frontier's territories promotes emergence of new cultural patterns that start define modern forms of cultural and social contacts. However, the remaining stereotypes in the «our-stranger» plane consistently are reproduced by society, conflicting with the changing sociocultural realities when powerful migratory streams push together cultures among themselves.

Heterotopia breaks the developed stereotypes and designs new complete space that demands theoretical judgment. The purpose of this article - the analysis of theoretical constructs of interaction «our - another - stranger»: a presumption of cultural equality, when free competition of cultural traditions and possibility of their voluntary assimilation is welcomed; «new nationalism»; "Russian project"; multiculturalism, neoeurasianism and identification of their potential opportunities from the point of view of cultural safety. In modern society, the heterotopia is shown in a multi-vector orientation of a dichotomy "our" and "stranger". However, cross-cultural dialogue as communicative process is connected more with the transculturation phenomenon testifying about openness of polycultural society to the heterogeneous world.

Keywords: heterotopia, migration processes, "our" and "stranger", stereotype, simulacrum, frontier, cultural safety.

References:

1. Beck U. (2003) *Cosmopolitan society and its enemies*, Magazine of sociology and social anthropology. VI, 1. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/537/877/1219/002_Bek.pdf

2. *The white book on intercultural dialogue*. (2008) Strasbourg - Moscow,

3. Benhabib S. (2003) *Claims of culture. Equality and a variety during a global era*. M.: Logos.

4. Borishpolets K.P. (2001) *Nationalism as a call to global development / the World and Russia on a threshold of the XXI century*: Second Gorchakovsky readings. MGIMO MFA Russia. M.: "The Russian political encyclopedia" (ROSSPEN).

5. Gaysler X. (2002) National state or multicultural society? *Russian magazine*. 5(25)
6. Dugin A.G. (2004) *The project of Eurasia*. M.: Eksmo, Yauza.
7. Dugin A.G. (2011) *About the Euroasian tolerance and hatred to the enemy*. URL: <http://avigdor-eskin.com>
8. Dugin A.G. (2012) *Theory of the multipolar world*. M.: Euroasian movement.
9. Dugin A.G. (2014) *Euroasian revenge of Russia*. M.: Algorithm.
10. Kagansky B.(2011) *Cultural landscape and Soviet manned space: Collection of articles*. M.: New literary review.
11. Kobrin K. P.(2008) From the paternalistic project of the power to schizophrenia: "orientalism" as the Russian problem (on Edward Said's fields), *The Emergency ration*. No. 3 (59). URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_59/2678-ot-paternalistskogo-proekta-vlasti-k.html
12. Kostina A.V. (2011) *Mass culture as phenomenon of post-industrial society*. M.: LKI publishing house.
13. Kristeva Yu. (2002) Alien to itself: dream of exclusiveness, *Kerni R. Dialogues about Europe*. M.: Whole world.
14. Malakhov V.S. (2002) Why Russia multiculturalism? *Multiculturalism and transformation of Post-Soviet societies*. M.
15. Malakhov V.S. (2002) Can we carry out the Russian project in Russia, *Domestic notes* 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_14-pr.html
16. Malkovskaya I.A. (2008) *Many-sided Janus of open society: Experience of critical judgment of society faces during a globalization era*. M.: LKI.
17. *Fashionable word "Eurasia"* (2002). URL: <http://evraz-info.narod.ru/78.htm>
18. Murzina I. Ya. (2003) *Phenomenon of regional culture: life and consciousness*: abstract of the thesis of PHd / I. Ya. Murzina. Yekaterinburg.
19. Panarin A.S. (1999) *Russia in the cycles of world history*. M.:MGU.
20. Panarin A.S. (2008) *Policy philosophy*. M.: New school.
21. Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Hlyshcheva E.V. (2014) *Lower Volga frontier: cultural memory and cultural heritage*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilyevich.
22. Sogrin V. V. (2013) Three historical subcultures of Post-Soviet Russia, *Social sciences and present*. No. 3. Page 91-105.
23. Yoltser M. (2000) *On tolerances*. M.: Ideya-Press: House intelligence. Books.
24. Foucault M. (1994) *Words and things. Archeology of the humanities*. SPb.
25. Kristeva J. (1993) *Nations without Nationalism*. N.Y.: Columbia University Press.
26. Robertson R. (1998) *Globalization : Social Theory and Global Culture Theory, Culture & Society*. London: Sage Publications.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

**РОЛЬ МИССИОНЕРСКИХ СТАНЦИЙ В РАСПРОСТРАНЕНИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Кудряшова Ю.А.

Кудряшова Юлия Александровна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта Ylyub@mail.ru

Статья посвящена анализу специфики межкультурных коммуникаций на этапе существования фронта в Африке. Автор рассматривает деятельность миссионеров по распространению христианства и европейской культуры, прежде всего, образования, среди местного населения, показывая противоречивость этого процесса и его влияние на трансформацию местных обществ. Необходимо изучать это продвижение, его политические, экономические и социальные результаты, а также человека, который существовал в этих условиях. Часто взаимодействие народов носило конфликтный характер, в ходе которого европейская и африканская культуры взаимно адаптировались друг к другу путем заимствования отдельных традиционных элементов. Обусловленные этими заимствованиями изменения вынуждали представителей данной культуры приспосабливаться к ним, осваивая и используя эти новые элементы в своей жизни. В результате этого человек в большей или меньшей степени достигал совместимости с новой культурной средой. Иными словами происходил процесс аккультурации. В современном мире термин «аккультурация» используется для обозначения процесса и результата взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры донора). Исследования в области аккультурации актуализировались в конце XX в. С одной стороны это связано с глобализационными и миграционными процессами, с другой – возросшим интересом к проблеме межкультурной интеграции как в прошлом, так и в настоящем.

В статье рассматривается явление аккультурации как результат деятельности английских христианских миссий в Западной Африке во второй половине XIX в. в аспекте межкультурной коммуникации. Важнейшей целью и результатом аккультурации является долговременная адаптация к жизни в чужой культуре. Она характеризуется относительно стабильными изменениями в жизни как пришлых, так и местных народов в ответ на требования окружающей среды. С одной стороны туземцы оценивали европейцев с точки зрения их полезности местному обществу, с другой, сами миссионеры понимали необходимость адаптации к климатическим, социальным, экономическим и иным особенностям жизни туземцев. В статье показана организация жизни в миссионерской станции, определены приоритетные направления деятельности миссионеров среди туземцев, такие как образовательная политика, врачебная деятельность, торговля, развитие сельского хозяйства. Несомненно, важна также идея о том, что миссионерские станции представляли собой особую территорию проживания европейцев и африканцев, некий симбиоз экономического, социального и духовного взаимодействия народов.

Ключевые слова: миссионеры, аккультурация, миссионерские станции, межкультурный диалог, образование, образ «другого», христианство, народы Западной Африки ибо и йоруба.

На протяжении длительного времени европейская экспансия и ее столкновение с неевропейским миром остается весьма актуальной темой исследования как российской, так и зарубежной историографии, в то время как культурный контакт афро-европейского миров и как следствие их культурная трансформация остается все еще недостаточно изученной. С одной стороны взаимоотношения европейцев и туземцев часто носили конфликтный характер. С другой, африканский фронт был зоной интенсивного коммерческого, духовного и дипломатического взаимодействия. Во многом этому способствовала организация жизни в миссионерских станциях.

В 1804 г. первые миссионеры Центрального Миссионерского Общества (ЦМО) (преподобный П. Хортвиг и М. Реннер) были посланы во Фритаун (главный город Сьерре - Леоне). Впоследствии, в основном из репатриантов, здесь была создана Западноафриканская миссия, объединившая несколько районов, в том числе, район Фритауна, включавший сам город и близлежащие деревни (Киссей, Вилберфос, Веллингтон), а также речной, морской и горный районы. В разное время здесь работали миссионеры Е.Джонс, Ч. Рейчордт, Ф. Кейгер, Я. Колс, В. Квокер и другие. (The Nigerian story, 1978, p. 256)

В 1842 г. в Бадагри прибыли миссионеры Г. Таунсенд и Э. Вилхелм, которые совместно с Т. Фрименом открыли на Рождество церковь. В 1845 г. здесь появились агенты ЦМО. В том же году в другой город Йорубаленда – Абеокуту – прибыл вместе с женой Анной Дэвид Хиндерер (член Центрального миссионерского общества, английский миссионер, одним из первых основавший миссионерскую станцию в Западной Африке среди народа йоруба). Тем самым было положено начало формирования Йорубской миссии. В нее входили станции, основанные на побережье Гвинейского залива (Бадагри, Отта), а также собственно района Абеокуты. В разное время здесь работали: в Абеокуте - Г. Таунсенд (1836 г.), С. Голлмер (1851 г.), Э. Попер (1859 г.); в Ибадане с 1849 г. Д. и А. Хиндерер; в Иджайи – А. Манн (с 1852 г.). Были открыты станции в Ойо, Ифе, Илеша. (Proceedings of the CMS for Africa and the East, 1861, p.14)

В 1851 г. преподобный М. Голлмер и африканец Э. Мартин наладили работу миссионерского дома в Лагосе. Согласно статистике ЦМО к 60 гг. XIX в. Йорубская миссия насчитывала 9 станций, 46 африканских агентов, 1863 местных христиан, 17 школ, в которых обучались 555 учеников. (Proceedings of the CMS for Africa and the East. 1861, p.55). Соглашение, заключенное ещё в 1841 г. между миссионерами и ифо Оссайи из Абоха – было первым записанным договором вождя ифо о принятии миссионеров. В шестом пункте данного документа сказано, что «христианам какой-либо нации или страны, которые миролюбиво ведут себя во владениях вождя, не будут мешать в их попытках обучать тех, кто желает быть обученным» (Nwabara S. 1978, p. 47). В июле 1857 г. было подписано соглашение между С. Кроутером и оби Аказуа об основании станции в г. Онитше.

В 1841 г., 1854 г. в результате Нигерской экспедиции в 500 милях от

побережья была создана Нигерская миссия со станциями в г. Онитша, г. Игбебе и других. (A brief view of principles...1860, P. 11.) Наибольшим влиянием здесь пользовались миссионеры Д. Тейлор, С. Кроутер, Т. Олдхэле. Например, Д. Тейлор возглавлял миссию в Онитше с 1857- 1868 гг. К 80 годам XIX в. Нигерская миссия имела 11 станций, в том числе 4 в Дельте Нигер, Осомари, Асаба, Апенсо. В 1861 г. появились станции в Окассе, в 1864 г.- в Бонни. В 1867 г. ЦМО основало миссию в Брасе. А центром миссионерской активности в Старом Калабаре становится Грик Таун. (Isichei E.1973, P. 91.)

В октябре 1877 г. миссионеры и торговцы заключили договор с королём и вождями Онитши, в котором последние уступали европейцам собственные фактории, разрешали на своей территории «любую британскую торговлю», оговаривали цены, запрещали человеческие жертвоприношения, так как «этот обычай был неприятен королеве и народу Британии», а также обещали «принять всех миссионеров какой-либо христианской деноминации», что живут среди них. . (Ayandele E. 1966, P. 79.)

Ярким примером противостояния миссиям является борьба между их сторонниками и противниками в Южной Нигерии. Начало миссионерской работы в Старом Калабаре связано с королём В. Пипплом. В 1848 г. он обратился к Объединённому Пресвитерианскому Миссионерскому Комитету в Эдинбурге с просьбой направить к ним миссионеров, обещая оплачивать все расходы миссий в своём королевстве в течение двадцати лет. В 1867 г., когда королём Бонни становится Георг Пиппл, формируется оппозиция миссии во главе с его братом Джайа (король Опобо). Несмотря на то, что последний признавал эффективность технологической стороны европейской цивилизации, он полагал, что миссионеры представляют самую большую опасность для процветания Опобо. (Ayandele E. 1966, P. 82.) В 70 гг. XIX в. в Бонни, Око, Джамбо и других местах Южной Нигерии вожди также начали сожалеть о своём доверительном отношении к миссиям.

Отношение к миссионерам зависело не только от их взаимодействия с местными правителями, но также оценивалась их деятельность с точки зрения их полезности для африканского общества. Например, организация собственного хозяйства миссионеров способствовала развитию сельского хозяйства окружающих народов. Рассмотрим устройство одной из миссионерских станций – в Бадагри (остальные миссии имели аналогичное устройство). Миссионерский дом и церковь располагались на центральной площади. Двери миссионерского дома всегда были открыты для гостей (тем самым, европейцы уважили африканский обычай гостеприимства). Полы были покрыты циновками, стены обклеены обоями, окна застеклены. Однако здания станций были построены из местных материалов. Миссионерский дом и церковь окружали, с одной стороны, жилые постройки: школа-интернат, дома, в которых жили работники. С другой стороны – мастерские, кухня, дом переводчика и охрана. Особняком стояли конюшни и вдовый приют. В школах-интернатах жили ученики местной школы (она, как правило, располагалась в миссионерском доме). Станция была окружена деревьями,

непосредственно к ограде миссии примыкал дом вождя. Труд местных жителей использовался на полях и плантациях (они также располагались вдоль центральной улицы станции). Предпочтение отдавалось выращиванию овощей и риса. (Ajayi A. 1965, P.208-209.). По вечерам миссионеры устраивали чаепития для детей из миссионерских школ. Д. Хиндерер (миссионер в Ибадане) отмечал, что «дети были одеты в европейские платья, встречи всегда начинались с пения гимнов и молитвами, дети ели хлеб и пирожные» (British Africa. 1969, P.31). Другой миссионер - епископ Т. Бауэн (работал в Сьерре - Лионе) также описывал ежедневные службы миссионеров: «Наши службы проходили на открытом воздухе; некоторые регулярно посещали молитвенные встречи; другие были кандидатами для крещения. Многие входили в маленькую церковь и приносили с собой своих идолов...» (Proceeding of the CMS for Africa...1861, P. 30)

Отмечая влияние религии на душу и ум человека, миссионеры пытались распространить среди своих черных прихожан нормы и ценности западной цивилизации. Подчеркнём, что распространение европейской науки, техники и коммерции никогда не рассматривалось европейцами как самоцель, но всегда считалось важнейшим методом проникновения христианства в жизнь местных народов. Действительно, миссионеры внедрились достижения западной цивилизации (предметы быта, станки, медицинские знания, книги), но в тоже время «не хотели создать класс культурных подражателей европейцам» (Sanneh L. 1983, P. 88). Исследователь британских миссий, долгое время работающий в Африке, С. Нейлз отмечал, что миссионеры желали создать новую и особую Африку. Они основывали новые поселения, освобождали детей-рабов, людей, которые по каким-либо причинам теряли свою связь с племенем, преступников, бежавших от правосудия (кроме убийц); они строили школы и институты, занимались просветительской работой, поощряли желание молодых людей учиться мастерству, которое могли преподавать только белые (Neills S. 1966, P. 71). Миссионеры поощряли разведение наиболее важных для Африки культур, а местных жителей старались обучить основам сельского хозяйства. Например, в 1859 г. миссионерами был разработан проект выращивания хлопка в Абеокуте, согласно которому английское правительство, по ходатайству миссии, обязалось прислать в Африку 200-300 джинов (хлопкоочистительных машин) и пять - шесть прессов (Sanneh L. 1983, P. 90).

В 1862 г. в этом районе для возделывания хлопка было отведено уже 240 акров земли, нанято 150 рабочих. Через два года обрабатываемая площадь и количество рабочих удвоились. Миссионеры организовали техническую школу (ею руководили четыре священника), в которой обучалось 125 учеников (сто изучали аграрные науки, остальные – технические). Однако, хлопок – слишком капризная культура для африканского континента. Поэтому, очень скоро европейцы отказались от распространения этой культуры и стали выращивать какао и производить пальмовое масло. (Sanneh L. 1983, P. 90.)

Другой сельскохозяйственный проект был разработан в 1895 г.

доктором Моджола Агбеби совместно с Э. Блайденом (чёрным священником). Основное внимание в нём уделялось производству кофе, какао при помощи выпускников технического института, созданного Э. Блайденом. На землях около г. Иджебу - Оде была создана ферма, помимо кофе и какао здесь производили сахарный тростник, каучук, пальмовое масло. Здесь работали около 800 фермеров, обученных европейцами. В разработке этих и других проектов большая заслуга принадлежала миссионеру Д. Кокеру (он был сторонником Г. Венна и считал, что необходимо способствовать формированию экономической основы будущей африканской независимости). Огромную часть своего богатства Д. Кокер потратил, путешествуя и пропагандируя производство кофе, а также вкладывая средства в развитие местных церквей. Следует отметить, что лозунг «Библия и плуг» являлся одним из основных, с которым миссионеры приходили во внутренние районы Африки основывать станцию (The Nigerian story, 1978, P. 19). С этой целью миссионеры основывали современные фермы, присуждали награды за вклад местных жителей в развитие этой отрасли хозяйства (Ajaḡi J. 1959, P. 70). Например, в 40 гг. XIX в. фермы, где разводили крупный рогатый скот, были построены в Бонни, Бадагри, Ибадане, Онитши.

В некоторых районах миссионеры контролировали торговлю, как, например, в Абеокуте – производство и торговлю пальмовым маслом. (Groves C. 1969. P. 468). Кроме плантационных хозяйств, миссионеры основывали ботанические станции (например, на Золотом Берегу и в Лагосе), в которых молодёжь обучалась лучшим способам культивации и производства продукции для использования, как на внутренних рынках, так и для экспорта. В сентябре 1893 г. было принято решение об основании ботанических станций в Дельте Нигера. Глава каждой станции получал около 200 ф. ст. в год. Это должно было привлечь местных жителей к обучению мальчиков основам сельскохозяйственных наук. Ботанические станции являлись своеобразными школами, в которых теоретическое образование сочеталось с практикой и обучение продолжалось от 4 до 5 лет. (Ajaḡi A. 1965, P. 167).

Миссионеры завоевали позиции на Чёрном континенте не только благодаря тому, что способствовали созданию экономической и промышленной основы для процветания африканцев, но также развитием медицинских знаний. Миссионерские госпитали играли не меньшую роль в становлении системы здравоохранения в Западной Африке, чем миссионерские школы – в сфере образования. Некоторые африканцы становились квалифицированными медиками и основывали собственные медицинские пункты под контролем миссионеров. Позже стали возникать школы, дающие основы медицинских знаний. Большое внимание уделялось изучению таких болезней, как чума, дизентерия, тиф, а также основ акушерства. Миссионеры проявляли интерес к вакцинации против оспы. Каждая миссия содержала медицинских агентов, а некоторые миссионеры сами имели медицинское образование, например, А. Хьюэн стал известным доктором в Калабаре. С. Кроутер Младший, основал диспансер в Абеокуте в

1852 г., открытый три раза в неделю. У него было 20 пациентов. С помощью миссионеров начали работать медицинские школы, в которых изучали анатомию, физиологию, ботанику (Ажауи А. 1965, Р. 160).

Как правило, к европейским лекарям африканцы обращались в том случае, если местные знахари (дибия) оказывались бессильными. Однако, африканская молодёжь, приобретающая медицинские знания, изучала, в том числе и местную медицину. Местные знахари обладали обширными знаниями трав и кореньев и их сочетаний. Поэтому, миссионеры пытались создать современный тип африканского доктора – местный знаток трав, воспитанный на европейских научных методах (Ажауи А. 1959, Р.336.).

Одним из первых врачей, отвечающих данным требованиям, был Д. Хортон. В письме к Г. Венну он отмечал, что был одним из первых африканцев, «которым правительство Её Величества дало образование и направило в армию в качестве ассистента хирурга, чтобы употребить это благородное искусство на благо соотечественников и тех европейцев, которые пожелают воспользоваться моими услугами» (Ажауи А. 1965, Р. 257).

Таким образом, следует отметить, с одной стороны, возросший интерес африканцев к сельскому хозяйству, торговле, медицине; с другой стороны - значительную роль миссионеров в удовлетворении этого интереса. Поскольку возрастает необходимость использовать труд местного населения в миссиях, и вслед за этим неизбежность обучения африканцев основам экономического, медицинского, духовного образования, увеличивается значимость образования в целом, как духовного, так и светского. Нужно было «не только научить негров читать, писать и считать, но сделать их полезными для себя» (Ауанделе Е. 1966, Р. 82).

Как правило, вожди игнорировали моральное и религиозное воспитание. Школы были нужны им для приобретения профессиональных знаний: считать зерна, выжимать пальмовое масло, получать сахар или строить лодки (Ажауи А. 1965, Р. 133). Африканцы хотели видеть своих детей грамотными в силу многих причин: необходимостью правильно истолковывать местные церемонии, занимать разнообразные должности в государственной иерархии и т.д. (Thompson T.1958, Р. 89.). Другой миссионер Д. Шон (станция Ойо) с удовольствием говорил о школе для мальчиков, основанной здесь в 1841 г., в которой насчитывалось 150 школьников, «все хорошо читали, правильно отвечали на вопросы из библейской истории и знали арифметику (Schon J. 1958, Р. 122.).

Миссионер станции Иджайи М. Крукшенк отмечает, что родители тысячи детей посылают в школы, образованных людей местные вожди использовали в качестве писцов (каждая деревня имела не менее одного писца) (Ауанделе Е. 1966, Р. 284). У многих правителей были секретари, чаще всего собственные сыновья. Услуги секретарей и писцов оплачивались высоко, обычно жалованье составляло около 10 пенсов. Известны случаи, когда платили примерно 4 фунта (Cruickshank J.1958, Р. 136).

Таким образом, следует отметить постепенное развитие системы европейского образования в Африке. Однако важно различать

направленность миссионерских школ и учебных заведений, образованных правительством. С одной стороны, миссионеры стремились развивать духовное образование (как отмечает И. Айяндеде, они «фанатично отстаивали религиозную концепцию школ» (Ayandele E. 1966, P. 286.) С другой стороны, правительство и массы были заинтересованы в развитии прагматического образования, которое подготавливало к жизни.

Христианские миссии выработали определённый школьный стандарт, делая акцент на моральном и духовном развитии человека, прежде всего как проповедника идей Господа, будущий пасторов. Однако дети жаловались родителям, что им достаточно религиозных инструкций, которые дают в церкви и воскресных школах. Тем не менее, родители приводили своих детей в дом миссионера, поскольку, помимо религиозных знаний, здесь обучали чтению, письму, арифметике; девочек – шитью; в станции поддерживалась строгая дисциплина и поощрялся ручной труд. Как правило, в миссиях существовала только система начальных и женских школ.

В марте 1853 г. А. Хиндерер писала: «У нас сейчас хорошая маленькая дневная школа. Некоторые приходят регулярно, я дала им голубые рубашки. Наш дом мал, и многие приходят в конце дня. Пришли девочка и мальчик, дети вождя Олунлайа... Всего собирается около тридцати детей» (The Nigerian story...1978, P. 270.). В 1855 г. здесь была открыта Воскресная школа, 40-50% учеников составляли взрослые. В том же году в Ибадане открыли дневную школу для мальчиков и девочек.

Следует отметить, что в школах отсутствовали занятия ручным трудом и физическими упражнениями. Как отмечал миссионер Д. Граф, «умственное перенапряжение приводило к физической слабости и укорачивало жизнь» (Nwabara S. 1978, P. 45). Он наблюдал за сыном короля, мальчиком 13 лет, который учился рано утром и поздно вечером. Д. Граф пытался сказать учителю и королю, что «очень умные дети – больны», однако, безуспешно, слишком сильны были аргументы последних в защиту образования (Graf D. 1998, p.14).

Постепенно осознание необходимости физического труда пришло к миссионерам. Многие из них имели фермы, на которых стали работать дети по 4-5 часов. Как правило, утром в течение 4-5 часов шли уроки, затем мальчики отправлялись на ферму, а девочки шили (Ajayi A.1965, P. 141.). Миссионеры не вводили академического образования, считали, что физический труд является наиболее важным фактором в деле привлечения учеников в школу. Очень часто миссионерские станции располагались рядом с торговыми поселениями. Например, в г. Онитши миссионерский дом располагался в 2 километрах от торговой станции. Торговцы финансировали школу, созданную Д. Тейлором (Nwabara S. 1978, P. 50.).

ЦМО также финансировало свои миссионерские станции и школы. Например, в 1882 г. общество открыло 9 начальных школ (814 человек) в Лагосе, вложив в них 3703 фунтов. В 1910 г. из 120 школ Йорубской миссии 9 финансировало ЦМО. Ещё один источник дохода миссионерских школ и выплаты жалованья учителям – воскресные пожертвования и плата за

обучение. Например, плата за обучение в начальных школах Йорубаленда колебалась от 4 до 6 фунтов ежемесячно, в неприграничных средних школах от 44 до 66 фунтов в год. Во внутренних районах страны – от 3 до 6 фунтов ежемесячно. С 1911 г. богатые родители ибо, чьи дети получали английское образование, платили жалованье учителям и приобретали школьное оборудование. В Западноафриканской и Йорубской миссиях на образование тратили соответственно 3,5 % и 2,5 %. Лишь в Нигерской миссии образовательная статья расходов составляла примерно 14 % доходов. (Ajaú A. 1965, P. 289).

Миссионеры имели монополию на начальное образование. Как правило, в миссиях существовала только система начальных и женских школ. Среднее образование давалось обычно в интернатах, готовых принять детей из большого географического региона (Isichei E.1995. P.270.)

Многие миссионеры не доверяли профессиональным школам, так как после получения образования студенты оставляли миссию ради гражданской службы или уходили в коммерцию (особенно были популярны профессии клерка и медика, поскольку их жалованье составляло примерно 500 фунтов). Кроме того, миссионеры лишались толковых помощников в миссиях, поскольку, более умные студенты предпочитали изучать светские предметы, в то время как менее талантливые вынуждены были довольствоваться религиозным образованием. Однако не все миссионеры были негативно настроены против профессионального образования, в связи с чем во второй половине XIX в. миссионерские общества стали открывать грамматические школы.

В 1845 г. ЦМО открыло первую грамматическую школу для мальчиков во Фритауне (её возглавил преподобный Т. Рейтон), в ней преподавали математику, историю географию, греческий, английский, музыку, латынь. В 1849 г. здесь же среднюю школу открыло Веслейанское Методическое общество. Первыми учениками грамматических школ стали сыновья вождей.(Sanneh L.1983, P. 135.) В 1849 г. грамматическая школа ЦМО была открыта в Лагосе во главе с Т. Маккалеем. Из 25 мальчиков - учеников школы родители восьмерых были меценатами, четырнадцати - торговцы, священник, плотник. Нигерский бизнесмен Д. Девис пожертвовал школе 50 фунтов на покупку книг. В расписание помимо уже перечисленных выше предметов были включены элементы Евклидовой геометрии, латинская грамматика, естественная философия. Таким образом, к концу XIX в. следует отметить превосходство общего образования над специальным в средних школах.

Г. Венн поддержал миссионерские школы, так как они давали возможность сформировать местный средний класс и обучать африканскую молодёжь многим профессиям. Например, миссионерская школа в Онитше воспитывала каменщиков и столяров. Её выпускники соорудили многие миссионерские дома, делали мебель для администрации. (Ajaú A. 1965, P. 297.)

В 1878 в Лагосе была создана методистская школа для мальчиков.

Группа богатых купцов попросила миссионеров открыть школу для их детей, вложив в неё 500 фунтов. Жёны миссионеров преподавали девочкам уроки рукоделия и домоводства, например, М. Слессор преподавала в Калабаре в 1876 г. в миссионерской школе. К концу XIX в. ЦМО имело Грамматические школы в Лагосе, Онитше, Ибадане, Иджебу Оде, Абеокуте; женскую школу и грамматическую школу памяти Дениса в Лагосе (Nduka O.1964. P. 25).

Согласно переписи населения в Сьерра-Леоне, проведённой в 1860 г., 22% детей и молодёжи обучались в таких школах. К 1900 г. в восточных провинциях Нигерии англиканская церковь имела 61 школу; в центральных – 73; в западных – 196. (Nduka O.1964. P. 14). В 1912 г. ЦМО имело 41 школу в Онитше, Асаба, Авка, Оверри (5230 учеников, из которых 4643 мальчика и 587 девочек) (Nwabara S. 1978, P. 64).

Промышленный бум, как отмечает И. Айанделе, способствовал росту высшего образования и грамотности в целом, причём она росла так быстро, что, например, книжный магазин ЦМО в Иджебу вводил квоту на продажу книг в одни руки в этом районе Йорубаленда (Ayandele E. 1966, P. 291). В связи с этим усилился интерес правительства в целом к образованию, и в частности к миссионерским школам. В 1882 г. был принят образовательный декрет, а в 1908 г. – циркуляр колониального секретаря, в которых подчёркивалась необходимость выплаты правительством жалованья учителям, а также запрещение задержек оплаты педагогам в миссионерских школах. Помимо открытия собственных школ, правительство финансировало учебные заведения, открытые при содействии миссионеров, что выражалось в предоставлении грантов. Например, Хасскому Благотворительному институту предоставили грант в размере 500 фунтов в 1886 г. (Ayandele E. 1966, P. 297). Между 1895-1900 гг. Пресвитерианская миссия получила 500 фунтов на строительство школ. Согласно декрету 1882 г., представление грантов основывалось на хорошей организации, дисциплине и конечном результате обучения. К 1912 г. 91 миссионерская школа получала гранты. В 1900 г. Институт Хоупа Водделла получил от ЦМО 250 фунтов для открытия индустриального факультета. К 1905 г. сумма правительственных грантов, представленных миссионерским школам и высшим учебным заведениям, составила 2490 фунтов (Nwabara S. 1978, P. 62). Как отмечал Ф. Лугард, в законе о грантах (1916 г.) 20% от всей суммы грантов шло на оплату служащим школ, 10% вкладывали в строительство школьных зданий; остальную часть тратили на выпускные экзамены и приобретение учебной литературы (40% и 30 % соответственно) (Neills S. 1966, P.66).

К 1911 г. в центральных провинциях работало 28 правительственных и 45 миссионерских школ; в западных провинциях 10 правительственных и 186 миссионерских учебных заведений; в восточных – 22 правительственных и 107 миссионерских школ. В 1912 г. ЦМО имело 41 школу в Онитше, Асаба, Авка, Оверри (в них обучались 5230 учеников, из которых 3800 получили образование на родном языке) (Nwabara S. 1978, P. 65).

Кроме того, миссионерские организации финансировали отправку африканских детей для продолжения учёбы в Англию, тем самым, повышая

интерес к европейскому образованию как форме профессионального образования. В 1880 г. только в Нигерии количество образованных людей составило 54. В то же время упал авторитет миссионерских школ, дававших исключительно основы счёта и письма, и акцентировавших своё внимание на религиозном обучении. Однако следует отметить, что миссионеры учили детей и молодёжь понимать обычаи и религию, способствовали сохранению местных языков. Службы в миссиях велись на местных языках, на них же шло обучение в начальных школах (Ajayi A. 1959, P. 340).

Миссионеры делали это, так как понимали, что религиозное обучение будет наиболее эффективным, если его будут вести на родном языке. Г. Венн с помощью немецких и английских лингвистов пытался создать систему орфографии не только для йоруба, но, если возможно, для всех африканских языков. Помимо изобретения письменности для местных языков, миссионеры пытались сохранить литературную норму языка, переводили Библию. В 1849 г. был создан «Словарь языков ибо»; в 1862 г. - «Принципы грамматики эфик и образцы языка ». В 1860 г. Д. Тейлор перевёл на диалект ибо четыре Евангелия. В 1866 г. - Новый Завет, который автор послал для публикации в Англию. Черный священник С. Кроутер опубликовал букварь ибо. Использование местных языков и создание письменности способствовало объединению народов, формированию связей между различными этническими группами. Например, народ ибо говорил на трёх родственных диалектах и не имел общего стандартного языка; его создание и выработка литературной нормы - заслуга миссионеров - переводчиков Библии. Создавая языковую норму, общую для ряда родовых объединений, миссионеры-лингвисты способствовали росту этнического, а не племенного самосознания и складыванию народностей.

Помимо развития образования, медицины, местных языков, миссионеры способствовали развитию градостроительства, прежде всего каменных построек. Например, в 1864 г. Г. Таунсенд начал строить первое каменное здание в Абеокуте; Д. Тейлор во Фритауне собирал деньги для аналогичного строительства. Как уже было отмечено, индустриальные отделения институтов готовили каменщиков, а в Лагосе, Абеокуте, Онитше и других местах открывали фабрики по производству кирпича.

Таким образом, взаимодействие христианства и африканской культуры было сложным и неоднородным процессом, имеющим собственную логику развития, не всегда напрямую связанную с колониальной политикой метрополии.

Библиографический список:

1. *A brief view of the principles and proceedings of the Church Missionary Society.* L., 1860.-18 P.
2. Ajayi J. *Henry Venn and the policy of development* // Journal of the Historical Society of Nigeria. 1959. Vol. 1 №4. P. 70.
3. Ajayi, J. *Christian missions in Nigeria. 1841- 1891. The making of a*

- New elite* / J. Ajayj. - L.: Longmans, Green and Co, 1965- 317 P.
4. Ayandele, E. *The Missionary Impact in Modern Nigeria. 1842- 1914* / E. Ayandele. - L.: Longman, 1966 - 369 P.7.
 5. *British Africa*. L., 1969.-32 P.
 6. Cruickshank J. *Growth of literacy // Pagent of Ghana*. L. 1958- P. 136.
 7. Graf D. *Missionary Tour to Labaya Country- 1850 // History and culture*. 1998. № 1.
 8. Groves C. *Missionary and humanitarian aspects of imperialism from 1870- 1914// Colonialism in Africa. 1870- 1960 . Vol. 1. Cambridge, 1969. P. 468.*
 9. Ilogy E. *Christianity and Ibo culture/ E. Ilogy - Leiden, 1974-198 P.*
 10. Isichei E. *The Ibo people and the Europeans/ E. Isichei - New York: St. Martin's Press, 1973-409 P.*
 11. Nduka O. *Western education and the Nigerian cultural background / O. Nduka – Ibadan: Oxford U.P, 1964- 168 P.*
 12. Neills S. *A History of Christian Missions/ S. Neills L.: Cambridge University Press, 1966- 528 P.*
 13. Newbery C. *The Western Slave coast and its rulers/ C. Newbery.- Oxford: Clarendon, 1961- 221 P.*
 14. Nwabara S. *Iboland: a century of contact with Britain 1860-1960. N.Y. , 1978. P. 47.*
 15. *Proceedings of the CMS to Africa and the East*. L., 1861. – 18 P.
 16. Sanneh, L. *West African Christianity / L. Sanneh. - L.: C. Hursy & Company, 1983- P. 245.*
 17. Schon J *Christian educatuon. 1841// Pagent of Ghana*. L. 1958- P. 122.
 18. *The History of Christianity in West Africa / edited by Ogbu Kalu. - L.: Rex Collings, 1978- 187 P.*
 19. *The Nigerian story*. Ibadan, 1978- 231 P.
 20. Thompson T. *The First Missionary // Pagent of Ghana*. L. 1958- P. 136.

THE ROLE OF THE MISSIONARY STATIONS IN THE DISSEMINATION OF EUROPEAN MODELS OF EDUCATION IN WEST AFRICA IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY.

Kudryashova Y.A.

Kudryashova Yuliya Aleksandrovna Ph.D. (History), associate Professor
Astrakhan State University, 20a Tatishcheva st., Astrakhan, 414041, Russia
E-mail: Ylyub@mail.ru

The article analyzes the specifics of intercultural communication at the stage of existence of the frontier in Africa. The author examines the activities of missionaries in spreading Christianity and European culture, education, among the local population, showing the inconsistency of this process and its impact on the transformation of local societies. Need to study this promotion, its political, economic and social outcomes, including humans, which existed in these circumstances. Often the interaction of peoples conflicted character, during which European and African culture are mutually adapted to each other by borrowing some traditional elements. These borrowings due to changes forced the representatives of this culture

to adapt to them, mastering and using these new elements in your life. As a result, people to a greater or lesser extent, have achieved compatibility with the new cultural environment. Thus, in the interaction of cultures, the adaptation of man to the elements of a new culture the process of acculturation. In today's world the term "acculturation" is used to denote the process and result of the mutual influence of different cultures, in which all or part of the representatives of one culture (the recipient) take on the norms, values and traditions of another (the donor culture). Research in the field of acculturation has resulted in the end of XX century. On the one hand this is due to globalization and migration processes, with another – the increased interest in the problem of intercultural integration in the past and in the present.

The article discusses the phenomenon of acculturation as a result of the activities of the English Christian missions in Western Africa in the second half of the XIX century in the aspect of intercultural communication. The most important objective and outcome of acculturation is a long-term adaptation to life in a foreign culture. It is characterized by relatively stable changes in the lives of both migrant and local peoples in response to the demands of the environment. On the one hand the natives has been evaluated by the Europeans from the point of view of their usefulness to the local community, with other missionaries understood the need to adapt to climatic, social, economic and other peculiarities of life of the natives. The article describes the organization of life in the missionary station, identified priority activities of the missionaries among the natives, such as educational policy, medical practice, trade, the development of agriculture. Certainly, important also is the idea that missionary stations were a particular area of living of Europeans and Africans, a symbiosis of economic, social, and spiritual interaction of the peoples.

Key words: missionaries, acculturation, missionary stations, intercultural dialogue, education, the image of "the other", Christianity, the people of West Africa for Yoruba.

References:

1. *A brief view of the principles and proceedings of the Church Missionary Society*. L., 1860.-18 P.
2. Ayandele, E. *The Missionary Impact in Modern Nigeria*. 1842- 1914 / E. Ayandele. - L.: Longman, 1966 - 369 P.7.
3. Ajayj, J. *Christian missions in Nigeria. 1841- 1891. The making of a New elite* / J. Ajayj. - L.: Longmans, Green and Co, 1965- 317 P.
4. Ajayi J. *Henry Venn and the policy of development// Journal of the Historical Society of Nigeria*.1959.Vol. 1 №4.P. 70.
5. *British Africa* . L., 1969.-32 P.
6. Cruickshank J. *Growth of literacy // Pagent of Ghana*. L. 1958- P. 136.
7. Groves C. *Missionary and humanitarian aspects of imperialism from 1870- 1914// Colonialism in Africa. 1870- 1960 . Vol. 1*. Cambridge, 1969. P. 468.
8. Graf D. *Missionary Tour to Labaya Country- 1850 // History and culture*. 1998. № 1.
9. Ilogy E. *Christianity and Ibo culture/ E. Ilogy* - Leiden,1974-198 P.
10. Isichei E. *The Ibo people and the Europeans/ E. Isichei* - New York: St. Martin's Press,1973-409 P.
11. Nduka O. *Western education and the Nigerian cultural background / O. Nduka* – Ibadan: Oxford U.P, 1964- 168 P.
12. Neills S. *A History of Christian Missions/ S. Neills* L.: Cambridge

University Press, 1966- 528 P.

13. Newbery C. *The Western Slave coast and its rulers/ C. Newbery.*- Oxford: Clarendon,1961- 221 P.

14. Nwabara S. *Iboland: a century of contact with Britain 1860-1960.*N.Y. ,1978. P. 47.

15. *Proceedings of the CMS to Africa and the East.* L., 1861. – 18 P.

16. Sanneh, L. *West African Shristianity / L. Sanneh.* - L.: C. Hursy & Company, 1983- P. 245.

17. Schon J. *Christian educatuon. 1841// Pagent of Ghana.* L. 1958- P. 122.

18. *The History of Christianity in West Africa / edited by Ogbu Kalu.* - L.: Rex Collings, 1978- 187 P.

19. *The Nigerian story.* Ibadan, 1978- 231 P.

20. Thompson T. *The First Missionary// Pagent of Ghana.* L. 1958- P. 136

СЕВЕРНЫЕ ПРОВИНЦИИ ИРАНА В ИСТОРИИ РУССКОГО ФРОНТИРА В ПРИКАСПИИ

Кулаков В.О.

Кулаков Владимир Олегович, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: jahondor@mail.ru

Целью статьи является обоснование возможности применения теории фронта к изучению процессов межкультурного взаимодействия народов в южной части Прикаспия. Основная задача - с помощью анализа конкретных исторических фактов подтвердить гипотезу о том, что северные провинции Ирана представляли собой важную и неотъемлемую часть обширной зоны русского фронта в Прикаспии. Традиционный подход в изучении истории Каспийского региона оставляет за рамками исследования многие факты экономического, политического, социально-культурного характера, свидетельствующие о том, что Прикаспийские области Ирана стали, как и Нижнее Поволжье, своеобразной контактной зоной двух народов. Во многом благодаря этому она и сегодня является главным форпостом развития отношений России и Ирана. Такой аспект исследований северных провинций Ирана остается совершенно неизученным как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Во многом это объясняется тем, что ученые уделяли внимание Северному Ирану только в русле истории общих русско-иранских отношений или в контексте глобального противостояния России и Англии за сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В свою очередь теория фронта позволяет увидеть во всем многообразии картину межкультурного взаимодействия, сложившуюся на разных берегах Каспийского моря.

Ключевые слова: Иран, фронт, прикаспийский регион, межкультурное взаимодействие, контактная среда, культурно-историческая общность.

Введение

В настоящее время Каспийский регион благодаря своим богатым биологическим и энергоресурсам играет важную геополитическую роль в международных отношениях. Сейчас к нему относят пять стран, непосредственно выходящих к озеру-мору (Россию, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан). Но на протяжении нескольких столетий Каспийское море являлось внутренним морем для двух государств – Российской империи и Персии, а в двадцатом веке Советского Союза и Ирана. Такая ситуация привела к тому, что по обоим берегам (северному и южному) этого уникального водоема сложились своеобразные культурно-исторические общности, для изучения и анализа которых актуально использовать термин «фронт», которым традиционно обозначают точки соприкосновения двух и более разных по своему происхождению и развитию культур. Согласно определению основателя теории фронта Ф. Тернера – это «точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование нового общества» (Тернер, 2009, с. 304). Однако в дальнейшем теория фронта получила свое развитие не только в контексте противостояния «варварства» и «цивилизации», но и затрагивая не менее

сложные вопросы, «связанные с осознанием в полной мере проблемы контактных зон» (Якушенков, Якушенкова, 2010, с. 109).

Регион Нижней Волги с момента своего вхождения в состав России довольно быстро стал отправной точкой распространения российских интересов в Прикаспии. С течением времени он в полной мере приобретает статус своеобразной контактной зоны, в которой находит взаимодействие друг с другом пришлое и коренное население. Одним из таких процессов является проникновение и развитие в Северном Прикаспии элементов персидского влияния и культуры. «Персы» (под которыми в источниках понимались гилянцы, собственно персы, азербайджанцы и другие народности Персидской державы), главным образом, купцы, стали появляться в русской Астрахани почти сразу после ее основания в 1558 г. О русско-персидской торговле и персидских купцах в Астрахани писали Дон Хуан Персидский, Энтони Дженкинсон и другие европейские путешественники XVI- н.XVII вв. (Исторические путешествия, 1936, с. 125). В конце XVI века или в первой четверти XVII в. возникли первые астраханские гостинные дворы: Гилянский и Бухарский, на основе которых в Астрахани и сформировалась персидская диаспора. Фронтирная среда, сложившаяся в Астрахани, была в достаточной степени привлекательной для живших здесь персов, многие из них принимали русское подданство. Более подробно этот процесс рассмотрен нами в предыдущих статьях (Кулаков, 2015, с.14).

Похожая ситуация складывалась и на противоположной, южной стороне Каспийского моря – в северных областях Ирана, где различные исторические события на протяжении веков способствовали появлению здесь обширной территории русского фронта. Они вполне обоснованно позволяют говорить о том, что данная методологическая парадигма применима к изучению процессов взаимодействия местного населения приморских районов Ирана и русских поселенцев, проживавших на этих землях на протяжении длительного времени. До сих пор, о чем свидетельствуют личные наблюдения автора в провинции Мазандаран, среди жителей преклонного возраста сохранились добрые и положительные воспоминания о том времени, когда на севере Ирана были расквартированы советские войска в годы Второй Мировой Войны.

Такой аспект исследований северных провинций Ирана остается совершенно неизученным как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Во многом это объясняется тем, что ученые уделяли внимание северу Ирана только в русле истории общих русско-иранских отношений или в контексте глобального противостояния России и Англии за сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Однако такой подход оставляет за рамками исследования многие факты экономического, политического, социально-культурного характера, свидетельствующие о том, что Прикаспийские области Ирана стали, как и Нижнее Поволжье, своеобразной контактной зоной двух народов. Именно поэтому и сегодня она является главным форпостом развития отношений России и Ирана. В свою

очередь теория фронта позволяет увидеть во всем многообразии картину межкультурного взаимодействия, сложившуюся на разных берегах Каспийского моря, но не разделенную, а наоборот соединенную им. В данной статье выделяются основные этапы развития русского фронта в южной части Каспия и дается их категориальная оценка. Основным методом исследования является анализ конкретных фактов, которые доказывают гипотезу о том, что северные провинции Ирана представляли собой важную и неотъемлемую часть обширной зоны русского фронта в Прикаспии.

Этапы формирования русского фронта в северных областях Ирана. Первое знакомство русских с южным берегом Каспийского моря состоялось еще в эпоху складывания Древнерусского государства. Бассейн Каспийского моря входил в сферу экономических интересов русов, по крайней мере, с IX века. Тогда по Каспию проходил путь, связывавший Восточную Европу со странами Востока. В 80-е гг. IX века арабский историк Ибн-Хордадбех описал путь русских купцов, который шел от северных областей славян по Черному морю через владения Византии, затем по Дону и Волге к столице Хазарии. Оттуда русы выходили в Каспийское море и свободно высаживались в любом месте побережья, либо плыли к Джурджану (современный Горган, столица провинции Голестан) и от него по суше достигали Багдада (Коновалова, 1999, с.108). Южное и восточное побережье Каспия формально входило в состав Арабского Халифата, но к IX в. здесь завершился процесс его распада на отдельные небольшие эмираты, возглавляемые собственными иранскими династиями. К началу X в. они вошли в орбиту влияния государства Саманидов, которое стало главным соперником Хазарии в регионе. Очевидно, что, нуждаясь в союзнике против усилившихся государств Прикаспия, хазарские правители могли прибегнуть к помощи русов, обладавших боеспособным флотом. Его использование русами стало новой страницей в истории региона (Заходер, 1967, с. 127).

Персидские и арабские авторы оставили сведения о нескольких походах русов на Каспий в IX-X вв. Персидский автор XIII в. Ибн-Исфандийар в своей «Истории Табаристана» сообщил о походе русов между 864 и 884 гг., на город Абескун, расположенный на юго-восточном побережье Прикаспия. Причиной рейда, в том числе, стала деятельность горцев Табаристана – дейлемитов, которые дестабилизировали торговлю, захватив ряд городов, включая Джурджан и Рей, где у русов были фактории (Заходер, 1967, с. 162). Но наиболее масштабное военное предприятие русов в Южном Прикаспии было совершено ими согласно описанию аль-Масуди в 913-914 гг. Проникнув на Каспий, русы разделились на отряды и начали грабёж городов на южном побережье. Удару подверглись Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун. Затем русы сместились к западному побережью, напав на Арран и Ширван (Гаркави, 1870, с.132).

Таким образом, уже в X в. начала формироваться территория русского фронта в Прикаспии, который к этому времени уже превратился в магистральную артерию между Восточной Европой, Ближним Востоком и Средней Азией. Первоначальным стимулом к развитию фронтальных

процессов в регионе явились экономические интересы русских купцов, выражением чего стали первые торговые фактории на севере Ирана. А дальнейшее развитие международных отношений здесь привело к военной составляющей фронта, которая выражалась как в грабительских набегах на прибрежные города, так и в непосредственной защите этих факторий.

В XI, отчасти в XII вв. торговля с востоком по-прежнему поддерживалась, несмотря на нашествие половцев, заполнивших южные степи и Поволжье и отрезавшие Каспийское море от Древней Руси (Бушев, 1973, с.43). Монголо-татарское нашествие резко и надолго ослабило экономические связи Руси со странами Востока, поэтому новый этап в развитии русского фронта в Прикаспии начинается с XVI в. Он связан с усилением экономических и политических связей Русского государства с мусульманскими странами региона и, в частности, с Персией. Кроме того, после завоевания Казани и Астрахани Волжско-Каспийский путь становится в руках Москвы средством непосредственного общения с народами Прикаспия.

Характерной чертой отношений, складывающихся в этот период в каспийской фронтальной среде, являлась взаимная заинтересованность в развитии торговли по Каспийскому морю и Волге, как со стороны России, так и со стороны Персии. Последняя была отрезана враждебной Турцией от европейского рынка. Начавшиеся турецко-персидские войны привели к полному прекращению торговли Персии с Европой. Черное море оказалось для нее закрытым, и она была вынуждена искать новых торговых путей. Торговля через Персидский залив только начала налаживаться и еще не имела практического значения. Оставался единственный путь – через Каспий и Русское государство. Казалось бы – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», однако в ситуации четырехсотлетней давности можно обнаружить прямые аналогии с современностью. Напряженные в последние годы отношения Ирана с Турцией, сегодня еще больше обострившиеся из-за сирийского конфликта, также приводят к повышению роли транзитной торговли по интермодальному коридору Север-Юг через Астрахань. А резкое ухудшение отношений самой России с Турцией также заставляет российское руководство прилагать максимальные усилия по развитию иранского направления своей внешнеэкономической деятельности. Это выражается, в том числе и в создании на территории Астраханской области свободной экономической зоны «Лотос», интерес к которой уже проявил иранский капитал. Эти факты говорят о том, что зона фронта, начавшая свое формирование на обоих берегах Каспийского моря несколько столетий назад, находится в процессе развития и сейчас, а экономические интересы в контексте международной обстановки продолжают оставаться одним из главных ее критериев.

В XVI в. с возрастанием роли каспийского торгового транзита правители Московского государства ясно осознают факт конкуренции в лице европейских стран за контроль за столь выгодным торговым путем. Активное развитие этой торговли было крайне необходимо для развивающихся

промышленных экономик государств Западной Европы, нуждающихся в бесперебойных поставках сырья – персидского шелка. Из европейских стран, добывавшихся права транзита в Персию, можно указать Англию, Голландию, Францию, германские герцогства – Голштинию, Бранденбург и др. (Зевакин, 1996, с.552). В такой ситуации правительству России было необходимо сосредоточить все усилия на закреплении в этом стратегически важном регионе. Первые проекты по расширению российского влияния на Каспии появились в XVII в. и были связаны с идеей включения северных провинций Персии в состав России. Речь идет о довольно любопытном плане захвата московским государством прикаспийских областей, в первую очередь персидской провинции Гилян. План голштинского посла Отто Бругемана состоял в том, что Россия при вооруженной и денежной поддержке Голштинии должна была захватить Гилян, Мазандаран и Астрабад (Зевакин, 1996, с.560). Конечно же, этот проект был довольно авантюрным и неприемлемым в тех условиях. Однако, как одно из начальных звеньев в подготовке России к наступлению на Закавказье и сопредельные с ним прикаспийские области Персии, проект Бругемана может быть отмечен. Он стал прологом к главным событиям, произошедшим во фронтирной среде каспийского региона в первой трети XVIII века, знаменующими собой завершение второго этапа истории русского фронта на севере Ирана. Речь идет о Персидском походе Петра I 1722 г. по окончании которого, персидская сторона уступала России свои прикаспийские провинции Гилян, Мазандаран, Астрабад, а также Ширван и Дагестан (Сычев, Волков, 1946, с.8).

Но, как известно, России не удалось в полной мере воспользоваться плодами своих военных успехов на Каспии. Резко осложнившаяся международная обстановка, в частности, ставшая реальной война с Турцией, к которой Россия еще не была готова, приостановила последовательное и твердое закрепление России на западном и южном берегах Каспийского моря. Оно было бы возможным, если бы Россия сумела эффективно включить полученные территории в свой хозяйственный оборот, что с учетом их экономической специфики, то есть производства «экзотических» продуктов – гилянского шелка, а также хлопка, шафрана, табака, нефти сделало бы русский торговый капитал крупным монополистом на этом рынке. Однако методы их эксплуатации носили скорее хищнический характер. Хозяйственное управление было возложено на местные военные оккупационные власти, которые одни ресурсы эксплуатировали сами, другие сдавали в аренду и, кроме того, взимали различные сборы с местного населения. Никакого контроля над этим военно-хозяйственным управлением организовано не было, отчего массово развивалось хищничество. Попыток развить новые хозяйственные культуры, организовать торговлю и транспорт не делалось. Таким образом, оккупированные прикаспийские провинции оказались нерентабельны: доходы были незначительны и не покрывали огромных расходов, тратившихся на содержание армии в прикаспийских провинциях. Поэтому, когда в Персии наступила известная политическая устойчивость в лице Надир шаха и создалась гарантия от появления турок на

Каспийском море, Россия нашла возможность вернуть оккупированные ею области в 30-е гг. XVIII в.

Однако непосредственное включение прикаспийских провинций Персии в состав России явилось важной вехой в истории становления русского фронта на севере Ирана. Российские военные, колонисты, дельцы, получили как первый опыт освоения данных земель, так и вступили в многосторонние контакты с местным населением. Если раньше они носили исключительно торговый характер, то теперь выразились в длительном совместном проживании на одной территории. И, несмотря на то, что конкретный результат этого взаимодействия оказался неудачным, пограничные контуры фронтальной среды, такие как колонизация, освоение, межкультурное взаимодействие, ментальные противоположности, наиболее зримо проявившиеся несколько позже, окончательно сформировались здесь именно в первой трети XVIII в.

XIX век занимает особое место в истории русского фронта в северных провинциях Ирана. На его вторую половину и начало XX в. приходится апогей экономического и политического присутствия России в этой стране. Это позволяет выделить указанный период времени в третий этап развития русского фронта на южном Каспии. Именно в это время на севере Ирана полностью сформировались основные векторы взаимодействия между пришлым (русским) и коренным (иранским) населением этих областей, что дает возможность говорить об окончательном формировании здесь контактной фронтальной среды, продолжающей развиваться в этом направлении и в настоящее время. Царское правительство поддерживало переселение русских в Северную Персию. К 1914 году в Северной Персии проживало от 20 до 30 тыс. русских переселенцев. Колонизация земель осуществлялась, в том числе земледельческими товариществами. Так, только в Астрабадской провинции было образовано четыре крупных товарищества с общей площадью арендованной земли 23000 десятин (Бессонов, 1915, с.87). Наиболее крупным торгово-промышленным предприятием на севере Ирана являлось рыболовное хозяйство Лианозовых. Фирма Лианозова представляла собой крупное, хорошо оснащенное, современное промышленное предприятие. В 1873 г. С.М. Лианозов получил у персидского правительства концессию на право ловли рыбы во всей южной части Каспийского моря. На постоянной работе у Лианозовых было занято до 4 тыс. рабочих, приезжавших из различных районов Ирана и соседних стран (Абрамов, 2002, с.97).

После создания русской морской станции на острове Ашур-Ада (1842 г.) и Ново-Петровской крепости на Мангишлаке (1846 г.) астраханские купцы-рыбопромышленники из армян и русских основывают здесь торговые фактории, скупая у туркмен продукты рыбного промысла. К началу 80-х гг. астраханские рыбопромышленники из армян уже прочно обосновались в форте Александровском (Ново-Петровское укрепление на Мангишлаке было впоследствии переименовано в форт Александровский). Подавляющее большинство из них имело семьи, собственные дома, содержало лавки с

разным мелочным и мануфактурным товаром (Агаев, 1965, с.32).

Эти примеры свидетельствуют о том, что со второй половины XIX века эпоха русского фронта на севере Ирана вступила в свою классическую стадию, характеризующуюся непрерывным потоком русского населения на данные территории, постоянным и многосторонним взаимодействием с местными жителями и вовлечением их в хозяйственную деятельность, организованную здесь русскими.

Данный факт нашел свое отражение и в культурно-языковой специфике фронтальной среды на севере Ирана. Эти земли, а также проживающие на них люди стали объектом внимания известных российских писателей и поэтов: В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Грибоедова, В. Хлебникова. Во многом благодаря знакомству с особенностями персидского менталитета в северных областях этой страны, он создавали в своих произведениях общий образ Ирана и иранцев для русских читателей. Еще в древнерусской литературе формируется специфический образ Ирана как сказочной, манящей и непознанной страны, сочетающей в себе иной тип мироустройства. В то же время уже первые произведения об Иране (А. Никитина, Ф. Котова) служат развенчанию подобных стереотипных представлений. Социально-политические отношения и постоянные контакты русских людей с Персией приносят в произведения долю реалистичности, оставив за собой право на художественный вымысел (Мутамедия, 2008, с. 70). При изображении Персии в древнерусской литературе акцент ставится на том, что люди Персии живут по законам не христианской, а мусульманской, «инакомыслящей» религии. По этой причине в исторических песнях более позднего времени (XVII в.) разграбление этой страны считалось делом благостным, признавало в русском человеке, решившем заняться грабежом соседней земли, не только храброго, смелого героя, но и борца за правую веру и народ. В этой связи показателен образ Стеньки Разина, воспетого во многих жанрах устного народного творчества.

Также важным обстоятельством, свидетельствующем о том, что северные области Ирана имели в начале XX в. все черты русской фронтальной среды, является процесс языкового взаимодействия и проникновение в систему персидского языка значительного пласта русских заимствованных слов, обозначающих жизненно важные понятия и имеющих широкое распространение в языке-реципиенте. Среди них можно назвать, во-первых, технические и военные термины: ['āftāmāt] - автомат, ['āpārāt] - аппарат, [berīgād] - бригада, ['ātriyād] - отряд, заимствованные персидским языком в результате политических и научно-промышленных связей между Россией и Ираном в XIX-н. XX вв. И, во-вторых, русские слова, проникшие в фарси гораздо раньше, в результате торговых контактов, в которых север страны играл первостепенную роль: ['eskenās] - ассигнация, [červons] - червонец, [pūt] - пуд, [samāvar] - самовар, [lodkā] - лодка, [ātāmān] - атаман. Все эти слова и в настоящее время не являются архаизмами и имеют широкое хождение в персидском языке, однако, в первую очередь среди жителей

Гиляна и Мазандарана.

Выводы

В длительном процессе формирования зоны русского фронта на севере Ирана можно выделить три этапа. Ранняя стадия (IX-X вв.) характеризовалась первыми контактами русского населения с персоязычными народами южного Прикаспия в эпоху Киевской Руси, которые носили главным образом торговый характер. Но уже на этом этапе, который условно можно назвать предфронтиром, появляются признаки собственно фронта, то есть закрепление на данных территориях в виде торговых факторий русских и их защита с помощью военной силы. Второй этап (XVI- первая треть XVIII в.) представляет собой активную фазу развития фронтальных отношений в регионе, главным толчком к которому стал прямой выход России к Каспийскому морю при Иване Грозном. На этом этапе произошло непосредственное включение в состав Российской империи северных провинций Ирана и сделана попытка их хозяйственного освоения. В этот период изменился сам характер контактов во фронтальной среде, торговые черты которого пополнились опытом взаимоотношений в условиях длительного совместного проживания. Третий этап развитого или зрелого фронта характеризуется высшей стадией экономического и политического присутствия России на севере Ирана и приходится на XIX - н. XX века. На этом этапе степень взаимоотношений пришлого и коренного населения достигла такой стадии, когда последнее было массово включено в хозяйственную деятельность русских промышленников, а северные диалекты персидского языка пополнились значительной базой русскоязычной лексики. Таким образом, можно увидеть, что в начале XX века северные области Ирана были полностью включены в обширную зону русского фронта в Прикаспии и обладали всеми чертами контактной зоны двух разных народов и их культур. На протяжении столетий этот факт делал возможным интенсивное развитие отношений между Россией и Ираном, а активно развиваемый потенциал фронтальной территории на обоих берегах Каспия способствует этому процессу и в настоящее время.

Библиографический список:

1. Абрамов А.Е. (2002). *Русские концессии в Прикаспийском Иране в конце XIX века: к проблеме путей и методов проникновения российского капитала в Иран. Актуальные проблемы юриспруденции*. Владимир: ВГПУ, Вып. 3.
2. Агаев Х. (1965). *Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в.* Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. - Ашхабад: Туркмениздат.
3. Баева Л.В. (2014). *Типология и проблемы изучения южно-русского фронта*. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. №2 (22).
4. Бессонов Б.В. (1915). *Русские переселенцы в Северной Персии*.

Петроград: Издание Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия.

5. Бушев П.П. (1973). *Русско-иранские контакты (до конца XVI века)*. Вопросы истории, №4.

6. Гаркави А.Я. (1870). *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X века по Р.Х.)* СПб.: Типография А.О. Цедербаума.

7. Заходер Б.Н. (1967). *Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II*. Издательство «Наука», Москва.

8. Зевакин Е.С. (1996). *Москва и Голитиния на Каспии*. Альманах «Арабески истории» Вып. 5-6 «Каспийский транзит» Т. 2. Изд-во: ДИ-ДИК. Москва.

9. *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. (1936)*. Сталинград: Краевое книгоиздательство.

10. Коновалова И.Г. (1999). *Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения. Восточная Европа в исторической ретроспективе*. Москва.

11. Кулаков В.О. (2015). *Персидские компоненты в нижневолжском фронтире: история и современность*. Каспийский регион, №4. С. 14-19.

12. Мотамедния, М. (2008). *К вопросу о специфике создания образа Ирана в русской литературе*. Гуманитарные исследования. № 1. С. 69-73.

13. Сычев С.И., Волков В.К. (1946). *Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях*. Москва: изд-во МИД.

14. Тернер Ф.Дж. (2009). *Фронтир в американской истории*. Москва: Весь Мир.

15. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2010). *Американский фронтир и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге*. Каспийский регион, №1. С. 109-114.

NORTH PROVINCES OF IRAN IN THE HISTORY OF RUSSIAN FRONTIER IN THE CASPIAN REGION

Kulakov V.O.

Kulakov V.O., Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, str.
Tatishcheva, 20a. E-mail: jahondor@mail.ru

The aim of the article is to prove the applying of the frontier theory in the study of processes of intercultural communications of peoples not only in the north but also in the southern part of the Caspian Sea region, i.e. the expansion of its geographical scope. The main task is to confirm, using the analysis of specific historical facts, the hypothesis that the northern provinces of Iran is an important and integral part of the vast Russian frontier zone in the Caspian region. Traditional approach in studying of Caspian regional history leaves outside of research many facts of economic, political, social and cultural character, testifying that Caspian provinces of Iran became, as well as Lower Volga region a peculiar contact zone of two people. Largely because of this and today it is the main outpost of Russia and Iran relations. Such aspect

of researches of the northern provinces of Iran remains unstudied both in domestic, and in a foreign historiography. This is largely explained by the fact that scientists have paid attention to the north of Iran only in line with the general history of Russian-Iranian relations, or in the context of the global confrontation between Russia and England for influence in the Middle East. But the frontier theory allows to see the picture of cross-cultural interaction which developed on different coasts of the Caspian Sea in all variety.

Key words: Iran, frontier, Caspian region, cross-cultural interaction, the interaction area, cultural-historical community.

Reference:

1. Abramov A.E. (2002). *Russian concessions in the Caspian Iran at the end of the XIX century: the problem of the ways and methods of penetration of Russian capital in Iran*. Actual problems of jurisprudence. Vladimir State Pedagogical University, (3)
2. Agayev H. *Relations between the Caspian Turkmens and Russia in the XIX century*. Ashgabat: Institute of History, Archaeology and Ethnography.
3. Bayeva L.V. (2014). *Typology and problems of studying of the southern Russian frontir*. Bulletin of the Volgograd state university. 2 (22)
4. Bessonov B.V. (1915). *The Russian immigrants in Northern Persia*. Petrograd: Edition of Resettlement management of Head Department of land management and agriculture.
5. Bushev P.P. (1973). *Russian-Iranian contacts (before the end of the XVI century)*. Problems of history, №4.
6. Garkavi A.Y. (1870). *Tales of Muslim writers about the Slavs and Russians*. St. Petersburg: Printing S.A. Tsederbaum.
7. Historical travels. *Excerpts from the memoirs and notes of foreign and Russian travelers on the Volga in the XV-XVIII centuries*. (1936). Stalingrad.
8. Konovalova I.G. (1999). *Crusades of Russ to Caspian Sea and the Russian-Khazar relations. Eastern Europe in historical perspective*. Moscow.
9. Kulakov V.O. *Persian elements in the Lower Volga Frontier: past and present*. Caspian region, №4.
10. Motamednia, M. (2008). *To a problem of the specifics of creating an image of Iran in the Russian literature*. Humanities research. №1.
11. Sychev S.I., Volkov V.K. (1946). *The Soviet-Iranian relations in pacts, conventions and agreements*. Moscow: Publishing House of Foreign Ministry.
12. Turner F.J. (2009). *Frontier in American history*. Moscow.
13. Yakushenkov SN Yakushenkova OS (2010). *The American frontier and Russian analogies in the Lower Volga region*. Caspian region, №1.
14. Zakhoder B.N. (1967). *Caspian collection of information about Eastern Europe. Volume II*. «Science» Publishing House, Moscow.
15. Zevakin E.S. (1996). *Moscow and Holstein in the Caspian Sea*. Almanac "Caspian transit ", Moscow.

ЛЮДИ ФРОНТИРА

ФРОНТИРМЭН, ОХОТНИК, ВОИН¹

Романова А.П.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а.
Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru

Территория фронта порождает или притягивает определенные типы личности, которые в той или иной степени становятся ее отражением, символом. Целью данной статьи является выявление специфики одного из таких фронтальных типов, к которому в полной мере подходит понятие – фронтисмен (frontiersman). На американском фронте это, в терминологии американского исследователя Р.Слоткина, «охотник», на южнороссийском (кавказском) – «кавказец». Основным методом исследования является сравнительный анализ этих двух фронтальных образов в диахронном аспекте. В процессе их анализа выявились общие для обоих образов черты – маргинальность, авантюризм, свободолюбие, социально-культурная промежуточность между разными культурами: культурой индейцев и белых, прежде всего англоязычных колонистов; культурой кавказских народов и русской культурой. Это выражается в наличии трансгрессивных изменений, прежде всего в области вестиментарной и алиментарной культуры. Тем не менее для американского фронта характерна большая мифологизация этого образа на государственном уровне, выражающаяся не только в его литературной или кинематографической обработке, но и во включении ряда мифологизированных персоналий в образовательный процесс. В отличие от «охотника», фронтальный образ «кавказца» всегда был привязан к государствообразующему социальному институту – армии или чиновничеству. Он не подвергался такой принимаемой на всех уровнях мифологизации, поскольку для российской историографии как царского, так и советского периода всегда был амбивалентен.

Ключевые слова: фронт, фронтисмен, фронтальный тип личности, охотник, кавказец, маргинал, алиментарная и вестиментарная культура.

Введение

Некоторые территории порождают или притягивают определенные типы личности, которые в той или иной степени становятся ее отражением, символом, трендом и т.д. Они превращаются в героев мифов и легенд. О них пишут книги и снимают фильмы. Они олицетворяют это пространство. Таким пространством для многих стран и прежде всего для США является фронт. Освоение фронта, территории подвижной границы, будучи изначально частью американской истории, описанное и проанализированное Д. Тернером (Turner, 1996) и его последователями, стало для Америки основой формирования национальной идеи. Жизнь на фронте начали мифологизировать. Появились первые романы о фронте (Д. Фенимор

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».

Купер), а потом и художественные фильмы.

В XX веке фронтир превращается в символ американской свободы и независимости, а люди его осваивающие, становятся героями Дикого Запада. В фильмах, романах и многочисленных биографиях описываются различные типы фронтирных личностей, которые вызывают неизменный интерес у читателей и зрителей, и становятся хрестоматийными.

Но фронтир не является этапом исключительно американской истории. Черты фронта, выделенные Ф. Тернером и позже систематизированные отечественными исследователями (Шиловский & Резун, 2005; Басалаева, 2012; Якушенков, 2015) анализируются применительно к Мексике, Индии, Канаде, Афганистану, Австралии, России и ряду других стран, подробнее об этом смотри у (Якушенков & Романова 2012; Романова & Топчиев 2014). Причем Россия богата сразу несколькими, отличающимися друг от друга фронтами: сибирский, дальневосточный, южнороссийский (кавказский) и т.д.

Каждый фронтир рождает свои образы, основанные на тех типах личности, которые являлись наиболее характерными именно для данного фронта. Так М. Ф. Ершов для сибирского фронта выводит некий обобщающий тип - искателя приключений, торговца, охотника, сборщика ясака - главное - носителя маргинальных начал. «Это были, в первую очередь, люди поступка. Они плохо вписывались в формирующиеся общественные структуры на осваиваемых землях. Их мир характеризовался повышенной тревожностью, агрессивным поведением и избыточной энергетикой... Они не отличались особой коммуникабельностью, толерантностью или склонностью к рефлексии и к компромиссам» (Ершов, 2011, стр.129).

Для нашего исследования мы берем фронтирный тип личности к которому в полной мере подходит понятие – фронтисмен (frontiersman) и попытаемся выявить специфику его образов на американском и южнороссийском (кавказском) фронтире. На американском фронтире это, в терминологии американского исследователя Р.Слоткина, «охотник», на южнороссийском (кавказском) – «кавказец».

Методология исследования

На данном этапе исследования мы не пытаемся сформировать полную типологию фронтирных личностей ни применительно к фронтиру вообще, ни к какому-либо конкретному историческому фронтиру.

Подробную типологизацию фронтирных личностей для американского фронта предложил в своих работах Р.Слоткин (Slotkin, 1973). Анализ мифологизированных фронтирных образов (пионера, траппера, виджилянта, ковбоя) осуществила в своей диссертации Д.С.Панарина (Панарина, 2012). Были проанализированы и отдельные фронтирные образы (хунхуз) применительно к дальневосточному фронтиру (Меряшкина, 2014; Ершов, 2010).

За основу для описания данного типа фронтисмена мы взяли статью известного американского исследователя Ричарда Слоткина “Dreams and

Genocide: The American myth of Regeneration Through Violence”, который, анализируя фронтирную мифологию, выделил несколько фронтирных типов, характерных прежде всего для американского фронта. На первом этапе исследования мы рассматриваем один, на наш взгляд наиболее репрезентативный и мифологизированный тип – это так называемый фронтирмен, или в терминологии Слоткина - охотник (Hunter).

Охотник на Диком Западе

Слоткин в вышеупомянутой статье дает характеристику фронтинного типа личности — «охотник». Охотник — человек, который по собственной воле вступает на фронтир как на территорию дикости и становится ее героем, хозяином, как своей судьбы, так и судьбы этой дикой территории. Он близок к «темным силам животного мира». Его опыт — это приобщение к первобытным силам индейского бытия. Отсюда даже внешне он «Другой», не похож на типичного «бледнолицего». Фронтирный охотник в определенной степени пария. Он находится вне закона, грубоват, не отличается изысканной речью. Он социопат и предпочитает дикую чащу светскому обществу (Slotkin, 1971, pp.43-44).

Этот образ, этот тип фронтирной личности амбивалентен. С одной стороны, он белый, т. е. его место на постоянно расширяющейся стороне фронта. По определению он должен быть вместе с белыми. По рождению он белый, но одновременно он погружен в «индейскую дикость». Он близок к индейцам, понимает их язык и обычаи. В этом его сила, основа его «власти», поскольку он лучше приспособлен к выживанию в диких условиях. Но это и его слабость с точки зрения «расовой частоты». По сути, он находится в пространстве «между»: своими и чужими, цивилизацией и дикостью, реальностью и мифологией.

Такой образ жизни обусловлен во многом его любовью к свободе от «цивилизационных институтов». По сути этот тип личности ближе к индейской стороне фронта, нежели к североамериканской.

Он воплотился в таких классических, по мнению Слоткина образах как Даниель Бун, Кожаный чулок, Дэви Кроккет. Двое из перечисленных (Даниэль Бун и Дэви Кроккет) – это реальные исторические личности, третий – литературный герой, мифологизированный типаж, вобравший в себя обобщенные черты этого фронтирного типа личности.

Даниель Бун (1734-1820) – легендарная фигура, авантюрист, прирожденный охотник. Его биография обросла легендами, в которых правда и вымысел смешались воедино. Его личность уже при жизни была мифологизирована Джоном Филсоном в биографическом очерке «Приключения полковника Дэниела Буна», где повествование ведется от лица самого Буна. (Filson, 1997). Сюжет мемуаров – описание фронтирного диалога Буна и поселенцев Бунсборо с индейцами (от жизни в индейском плену, спасения дочери из индейского плена, до военных действий с ними же).

Его внешний вид типичен для охотника. Слегка наивные гравюры,

иллюстрирующие мемуары Тимоти Флинта, представляют нам его образ в шапке из енотовой шкуры с болтающимся хвостом при каждом движении, легкой куртке из оленьей кожи, типичной для американских охотников, в гетрах с бахромой, мокасинах или мягких туфлях. Вместо примитивной веревки — настоящий ремень с пряжкой и металлическая пороховница (Амух, 1988).

Еще Ф. Тернер дает Буну ряд характеристик – великий первопроходец, охотник, торговец, скотовод, фермер и землемер (Тернер, 2009, стр.26) К этому надо добавить еще и тот факт, что Бун был воином. Флинт в своем тексте обозначает его как полковника.

В кинематографе (фильм «Даниэль Бун» (1936) с Джорджем Обрайеном в главной роли) история Д.Буна становится совсем оторванной даже от его весьма приблизительной и мифологизированной биографии. Мифологизации образа Буна посвящена глава монографии Р. Слоткина (Slotkin, 1973).

Бун не является просто частью исторического прошлого США. Он становится хрестоматийной личностью, с одной стороны олицетворяющей собой историю фронта, с другой представляющей определенный идеологический сигнификат, образец для подражания. Ему посвящены специальные школьные уроки, с методическими разработками для учителей с видеоматериалами и всеми дидактическими приложениями (Daniel Boon..). «До сих пор его имя символизирует для американцев победу, успех. Его именем названы несколько природных парков, школ, семь графств и даже американская подводная лодка. Имя Д. Бун используется и как нарицательное, к примеру, группы бойскаутов называют «сыновья Д. Буна»» (Якушенкова, 2012, стр.225-226).

Блестящим литературным воплощением «охотника» явился Натаниэль Бампо (Кожаный Чулок, Зверобой, Соколиный (Ястребиный) Глаз, Следопыт, Длинный Карабин.) – герой пенталогии Финемора Купера. Взятые вместе пять романов: «Пионеры» (1823), «Последний из могикан» (1826), «Прерия» (1827), «Следопыт» (1840), «Зверобой» (1841). - художественная история американского фронта, история движения американской нации с востока на запад (История, 1991).

В образе охотника Натаниэля Бампо, Финемор Купер попытался воспроизвести ту американскую идентичность, которая была характерна для поколения его родителей. Он сконструировал этот образ согласно своим юношеским воспоминаниям и представлениям о фронтисмене. «Ветры и морозы придали коже охотника медно-красный оттенок. Над его серыми глазами нависали кустистые брови, почти совсем седые; морщинистая шея по цвету несколько не отличалась от лица и была совсем открыта, хотя под курткой виднелся ворот рубахи из клетчатой домотканой материи. Куртка эта, сшитая из выдубленных оленьих шкур волосом наружу, была туго перепоясана пестрым шерстяным кушаком. Его ноги были обуты в мокасины из оленьей кожи, украшенные, по индейскому обычаю, иглами дикобраза; кроме того, он носил гетры из того же материала, перевязанные над

коленями поверх потертых штанов из оленьей кожи, — за эти-то гетры поселенцы и прозвали его Кожаным Чулком. Через его плечо был перекинут ремень, на котором болтался большой бычий рог, столь тщательно выскобленный, что сквозь стенки просвечивал хранившийся в нем порох. С широкого конца к рогу было искусно приделано деревянное донце, а с узкого он был плотно закупорен деревянной же затычкой. Рядом с рогом висела кожаная сумка, и охотник, закончив свою речь, достал из нее мерку, аккуратно отмерил порох и принялся перезаряжать свое ружье. Когда он поставил его перед собой, уперев приклад в снег, дуло поднялось почти до самого верха его лисьей шапки (Купер, 1999, стр.4). Он изобразил его как вымирающий тип, бездомного человека, застрявшего между двумя мирами. Куперовский Бампо - это мост между старым миром и новой Америкой, так же как и у реальных фронтисменов, его алиментарная и вестиментарная культура носит следы трансгрессии индейской культуры.

Еще одно, менее известное литературное изображение фронтирного типа «охотник» — Крис Кэррол в романе Майн Рида «Белая скво». Здесь опять проявляются его типичные черты. «Это был лесной охотник, внешне грубоватый, но по характеру мягкий, как ребенок. Он отвергал формальности и ограничения цивилизации..... Для Криса Кэррола настоящим домом служили дремучий лес, пустынная саванна или бездорожные трясины, и он горько сожалел о том, что несколько дней ежегодно приходилось ему проводить среди тех, для кого удовольствие — чужое общество. И он всегда радостно встречал день, когда мог взять ружье, повесить на плечо сумку для добычи и снова начать свои одинокие странствия» (Рид, 1998, стр. 6). В этом образе отражены все основные черты этого фронтирного типа. Крис Кэррол наделен всеми чертами положительного героя, но его жизнь так же — в пространстве «между». Он держит нейтралитет по отношению к обоим мирам, вернее он пытается остаться в стороне. В основе его поведения лежит глубокая порядочность и любовь к свободе. Как и Нати Бампов его образе подчеркивается вестиментарная и алиментарная трансгрессия, а так же определенная асексуальность.

Еще одним реальным воплощением этого образа Р.Слоткин считает Дэви Крокета, которому он так же посвящает целую главу в монографии (Slotkin, 1985). Дэви Крокетт (1786—1836) реальное историческое лицо, как и предыдущие исследуемые нами фигуры - «охотник». Крокетт является типичной фронтирной фигурой. Судя по его описаниям, в том числе и в мемуарах и экранному воплощению например в серии фильмов пятидесятых годов: *Davy Crockett Indian Fighter* (1954); *Davy Crockett Goes to Congress* (1955); *Davy Crockett at the Alamo* (1955); *Davy Crockett, King of the Wild Frontier* (1955), он так же, как и предыдущие персонажи заимствует индейскую вестиментарную культуру. В его жизнеописаниях он показан сильным, отважным, свободолюбивым, прекрасным стрелком, охотником на медведей. Описанию медвежьей охоты вплоть до схватки с медведем один на один, только с охотничьим ножом, посвящена значительная часть его мемуаров (Crockett, 1834, pp.174-194). Этот же эпизод, став эпическим,

присутствует и в фильме «Davy Crockett, King of the Wild Frontier». Позднее, когда фигура Крокетта мифологизировалась прежде всего в образовательном и познавательном альманахе, носящем его имя, издававшемся в сороковых годах девятнадцатого века (The Crockett almanac. Containing sprees and scrapes in the West. Life and manners in the backwoods, and exploits and adventures on the praries), охота на медведей трансформировалась в путешествие по штату на ручном медведе. О мифологизации этой фигуры написано много (Shackford, 1956; Derr, 1983; Slotkin, 1985). Однако, надо учитывать, что Крокетт уже не просто «свободный стрелок» – он военный и политик. В силу этого образ Крокетта является еще и воплощением американской мечты и демократических начал. Неграмотный, но храбрый и честный Крокетт, получивший титул короля фронта и олицетворяющий его, становится реальным политическим деятелем. Гибель Крокетта в битве при Аламо тоже способствует его посмертной мифологизации. Достаточно упомянуть, что на экране его образ воплощали более двадцати раз.

Таким образом, обобщая базовый тип фронтальной личности, характерной для американского фронта, можно выделить следующие черты: амбивалентность, культурную промежуточность, заимствования иноэтнической (индейской) вестиментарной и алиментарной культуры, определенную асексуальность, игнорирование традиционных социальных институтов и иерархических отношений, близость к природе, последующую мифологизацию и героизацию образов. Наиболее выпукло эти черты отражены в литературных образах фронтисменов.

Кавказец на южнороссийском фронте

Попробуем определить базовый тип фронтальной личности, характерный для кавказской зоны южнороссийского фронта. Так же, как и применительно к североамериканскому фронту, мы будем рассматривать его в диахронном аспекте.

Возьмем, с нашей точки зрения, наиболее близкий к американскому «охотнику» тип личности на кавказском фронте - «кавказец». Сразу хотим заметить, что в отношении фронтальных типов личности этот термин употреблялся не по отношению к представителям кавказских народов, а чаще всего к российским офицерам, не просто долгое время служившим на Кавказе, а приобретшим специфические характеристические черты. В последствие этот термин стал применяться и к чиновникам, служившим на Кавказе. Словосочетание «настоящий кавказец», наряду с такими понятиями как порядочность, твердость, трудолюбие и т.д., граф И.И.Воронцов - Дашков использовал для характеристики тех черт, которые необходимы чиновнику, служащему на Кавказе (Исмаил-заде, 2000). Для анализа мы возьмем два ярких образа офицеров – кавказцев – это литературный герой М.Ю. Лермонтова Максим Максимович и реальное лицо - офицер, декабрист А.И.Якубович. Хотя к кавказцам в той или иной степени можно причислить многих выдающихся деятели литературы, служивших на Кавказе (А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.А. Бестужев-Марлинский и

т.д.) и выдающихся офицеров (А.П. Ермолов, П.Д. Цицианов, Ф.Ф. Торнау) и чиновников (И.И. Воронцов-Дашков, Р.А. Фадеев), именно личность А.И. Якубовича по своему характеристическому типу и общественному статусу близка к американским фронтисменам.

Одним из первых ввел этот термин и дал характеристику «кавказцу» М.Ю. Лермонтов в очерке «Кавказец» (1841). Позже Ф.Ф. Торнау (1874) публично использовал это понятие для заголовка своего очерка (Торнау, 2008). Первое, что отмечает Лермонтов в характеристике «кавказца» – это его «промежуточность», нахождение в состоянии «между». Будучи этническим русским, «кавказец», тем не менее, является культурно ориентированным на Кавказ. Лермонтова поражает «способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить» (Лермонтов, 2013, стр. 50). «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское, склонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих из России» (Лермонтов, 2011, стр. 45). Таким образом, «кавказец», как и «охотник» занимает маргинальное положение в социуме. Его маргинальность проявляется и во внешнем виде. «Лицо у него загорелое и немного рябоватое» (Лермонтов, 2011, стр.45), «смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду» (Лермонтов, 2013, стр. 49).

«Кавказцу» присущи многие из специфических черт, выделяемые нами у «охотника». «Кавказец» заимствует вестиментарную и алиментарную культуру у «аборигенов», т.е. кавказских этносов. «Кавказец» предпочитал горскую одежду не только потому, что она была ему удобна, хотя этот фактор тоже играл свою роль. «Одежда Кавказского корпуса с тех же ермоловских времен была не менее удобной» (Гордин, 2006). Для «кавказца» она представляла собой некий символический атрибут. «Он еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетть у ямщика» (Лермонтов, 2011, стр.45). «Черкесский» костюм, надеваемый «только в важных случаях и сшит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней» (Лермонтов, 2011, стр.45). олицетворял романтику Кавказа, которой наделял его «кавказец». Так А. Якубовича поэт-декабрист Степан Нечаев назвал Кавказским рыцарем (Азадовский, 1956), романтиком был Максим Максимович, трепетно относившийся к Бэле и переоценивавший дружбу Печорина. О романтическом восприятии русскими Кавказа хорошо написано у российского историка Я. Гордина (Гордин, 2006).

Так же как и «охотник», «кавказец» может быть асексуален. Офицеры-кавказцы часто вообще не имели семьи, как, например А. Якубович или персонаж «Героя нашего времени» Максим Максимович, который «запастись женой не догадался раньше,- так теперь уж, знаете и не к лицу» (Лермонтов, 2013, стр.53).

Важной характеристической чертой «кавказца» была его любовь к свободе, авантюризм, бесшабашность, отчаянная смелость в бою. Кавказец -

блестящий и храбрый офицер.

Если для «охотника» его офицерский чин не является доминирующей характеристикой, не даром у литературных воплощений этого типа (Нати Бампо и Криса Кэррола) она отсутствует, то для «кавказца» его институциональная принадлежность является ведущей - он либо офицер, либо чиновник.

Таким образом, так же как и «охотник», фронтирный тип личности - «кавказец» противоречив и амбивалентен. Так биография А.Якубовича лучшая тому иллюстрация. А.Якубович (1792-1845) – личность полумаргинальная. С одной стороны, дворянин хорошего происхождения, блестящий выпускник Московского университетского благородного пансиона (Золотая доска), с другой, бретер, тип которого нашел свое воплощение в Долохове (Головачев, 1906, стр. 227), прекрасный стрелок, сосланный на Кавказ за участие в двойной дуэли.

Якубович был человеком величайшей храбрости, тяжело раненый в боях, но вернувшийся в строй, заслуживший уважение, как офицеров, так и рядового состава. «Жизнь Якубовича на Кавказе прошла в постоянных и отчаянных боевых подвигах, о которых вспоминали еще в конце 30-х годов» (Головачев, 1906, стр. 275-276). Якубович принял кавказский образ жизни, занимался набегам, отдавая добычу команде, заимствовал горскую вестиментарную культуру. Полюбив Кавказ, одним из первых, Якубович начал писать о нем. В ноябре 1825 г в «Северной пчеле» появилась статья «Отрывки о Кавказе (из походных записок), подписанная - А.Я. К настоящему моменту принадлежность их Якубовичу доказана (Азадовский, 1956).

Однако в период декабристского восстания, когда на него возлагались большие надежды и ответственность, Якубович повел себя неоднозначно. С одной стороны предлагал разбить питейные дома, позволить грабеж (Головачев, 1906, стр. 275), с другой, не выполнил своего предназначения на Сенатской площади и неудачу предприятия часто связывают с его неадекватными действиями (Азадовский, 1956). Закончил свою жизнь в ссылке. Якубович послужил прототипом главного героя незаконченного произведения А.С. Пушкина «Роман на Кавказских водах», возможно, что Лермонтов некоторые черты личности Печорина заимствовал у Якубовича.

Личности многих из офицеров Кавказцев (Ермолов, Якубович, Бестужев) мифологизировались в кавказском культурном ландшафте, но это практически всегда было временно, узко локализовано и не на общегосударственном уровне.

Выводы

И на американском, и на южнороссийском (кавказском) фронтах одни из базовых типов личности, соответственно, «охотник» и «кавказец» в силу обусловленности спецификой любого фронта, имеют много общего. Общность образов заключается в их амбивалентности, полумаргинальности, выдающейся храбрости и бесшабашности, активной вовлеченности в

процессы межкультурных контактов, наличии трансгрессионных процессов, происходящих с их личностями, заимствованиях вестиментарной и алиментарной культуры. Однако в отличие от «охотника», образ «кавказца», практически всегда институционализирован (армия или чиновничество), что делает его представителем официальной власти. Может быть, в силу этого мифологизация образа «кавказца» всегда оставалась на уровне своей офицерской или чиновничьей среды и никогда не носила общегосударственного масштаба. Ни один из героев Кавказа, даже «проконсул» Ермолов не превратился в общегосударственный символ фронта, как например, Даниэль Бун или Дэви Кроккет в США. Возможно, это было связано с тем, что в отличие от загнанных в резервации и почти уничтоженных индейцев, которые практически на тот момент не влияли на создание общеамериканского мифа, народы Кавказа оставались в рамках своего исторического культурного ландшафта и являлись полноправными гражданами России. В отличие от США кавказский фронт не был центральной частью российской истории, в столицах и на европейской части России, он воспринимался как периферийные процессы, горцами, вообще, воспринимался как война, завоевание, поэтому в горской среде к «кавказцам» относились как к захватчикам, а не как к героям, и даже в советское время в г. Грозном регулярно сносили голову памятнику Ермолову.

Библиографический список:

1. Азадовский, М. К. (1956). *О литературной деятельности А. И. Якубовича*. Лит. наследство. 60 (1), стр.271-282.
2. Басалаева, И.П. (2012) *Социально – философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера*. ВЕСТНИК Кем ГУКИ. 21, стр.20-28. *Критерии фронта: к постановке проблемы*. Теория и практика общественного развития : электрон. науч. журнал. URL: <http://www.teoria-practica.ru/> (дата размещения: 20.02.2012; 0,48 п. л.).
3. Головачев, П.М. (1906) *Декабристы 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени*. Москва: Издание М. М. Зензинова.
4. Гордин, А.Я. (2006) *Русский человек и Кавказ. Культура и общество*. Альманах Фонда им. Д.С. Лихачева. 2-3, стр.112-131.
5. Ершов, Д. В. (2010). *Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на дальнем востоке*. Москва: Центрополиграф.
6. Ершов, М. Ф. (2011). *Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири*. | Вестник угроведения. ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ 4 (7), стр.125-135
7. Замятина, Н.Ю. (1998). *Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах*. Общественные науки и современность. 5. стр. 75–89.
8. Исмаил-заде, Диляра. (2000). *Настоящий кавказец*. Родина. 1-2. стр.82-86.

9. *История зарубежной литературы XIX века* (1991). Н.А.Соловьева (ред). Москва: Высшая школа.
10. Купер, Ф. (1999). *Пионеры, или У истоков Сосквеганны*. Москва: Терра.
11. Лермонтов, М.Ю. (2013). *Герой нашего времени*. Москва: Азбука-Аттикус.
12. Лермонтов, М.Ю. (2011). *Кавказец*. *Дипломатика*. 3, стр.45-46.
13. Майн Рид, Томас. *Белая скво*. Пермь: Стрелец, Пермское книжное издательство, 1998
14. Меряшкина, Е. В. (2014). *Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья*. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 4 (60) , стр.175-180.
15. Панарина, Д.С. (2013). *Мифы и образы сибирского фронта*. *Культурная и гуманитарная география*. 2. (1). URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/60> (дата обращения: 09.03.2014).
16. Панарина, Д. С. (2011). *Феномен фронта в культуре Америки и России : США и Сибирь : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01*. Москва.
17. Романова, А.П. & Топчиев, М.С. (2014). *Кавказ как вечный фронт*. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. (3) стр. 284–291.
18. Торнау, Ф.Ф. (2008). *Из воспоминаний бывшего кавказца. Воспоминания кавказского офицера*. Москва: «АИРО-XXI век».
19. Шиловский, М. В. & Резун, Д. Я. (2005). *Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Новосибирск: Сова.
20. Якушенков, С.Н. (2015). *Фронт как культурная парадигма*. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 1, стр. 288-298
21. Якушенков, С.Н. & Романова, А.П. (2012). *Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России*. *Инноватика и экспертиза: научные труды*. 2 (9), стр. 74-80
22. Якушенкова, О.С. (2012) *Культурное наследие американского фронта*. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 4.стр. 254-261
23. Amyx, Clifford. (1988 January) *The Authentic Image of Daniel Boone*. *Missouri Historical Review*, 82 (2), pp .153-154
24. Crockett, David. (1934). *A Narrative of the Life of David Crockett of the State of Tennessee*. Philadelphia: E.L. Carey and A. Hart.
25. *Daniel Boone and the American Frontier. Teachers' Guide*.| ghm-media-2.discoveryeducation.com/v2.7/danielboon/boone_tg_only.pdf (Дата входа 19.11. 2015)
26. Derr, Mark (1983). *The Frontiersman : The Real Life and the Many Legends of Davy Crockett*. New York, NY: William Morrow

27. Filson, John (1994). *The Adventures of Col. Daniel Boon. American lives. An anthology of autobiographical writings*. The university of Wisconsin press. pp.211-226

28. Shackford, James Atkins. (1956). *David Crockett: The Man and the Legend*, Chapel Hill: University of North Carolina Press,

29. Slotkin, Richard (1971 Summer) *Dreams and Genocide: The American myth of Regeneration Through Violence*. The Journal of Popular Culture, V(1), pp.38-59.

30. Slotkin, R. (1973) *Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600-1860*. Middletown: Wesleyan University Press.

31. Slotkin, R. (1985). *The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800-1890*. N.Y.: Harper Perennial.

32. Turner, F. J. (1996). *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publication.

A FRONTIERSMAN, A HUNTER, A WARRIOR

Romanova A.P.

Romanova Anna Petrovna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Tatishchev Str., 20a. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

The frontier territory generates or attracts particular personality types, which become its reflection, symbol to a certain extent. The article purpose is to define the specificity of one of these frontier types that corresponds fully to frontiersman concept. According to American researcher, R. Slotkin's terminology, in American frontier it is «a hunter»; in South-Russian (Caucasian) one – «a Caucasian». Diachronic comparative analysis of these two frontier images is the main method of the research. During the analysis their common features have been found out – marginality, adventurism, love of freedom, the state of socio-cultural intermediacy between different cultures: the Indians' culture and the white men's culture, especially that of English-speaking colonists; the Caucasian peoples' culture and Russian culture. It is shown in transgressive changes, primarily in the field of vestimentary and alimentary culture. However, American frontier is characterized by this image being more mythologized at the governmental level that appears not only in its literature and cinematographic adaptation, but in implementation of some mythologized personaliae into educational process. Contrary to «a hunter», «a Caucasian» frontier image has been always connected with a social institution, related to the development of the state, – an army or bureaucracy. It was not exposed to such a wide all-levels mythologization as it had always been ambivalent both for imperial and Soviet Russian historiography.

Key words: a frontier, a frontiersman, frontier personality type, a hunter, a Caucasian, a marginal person.

References:

1. Azadovsky, M. K. (1956). *About literary activity of A. I. Yakubovich*. Litas. inheritance. 60 (1), pp.271-282.

2. Basalayeva, I.P. (2012) *Social and philosophical bases of the concept of a frontier F. J. TURNER*. MESSENGER Kem. GUKI. 21, pp. 20-28; *Criteria of a frontier: to statement of a problem*. Theory and practice of social development: electron. Science magazine. URL: <http://www.teoria-practica.ru/> (date of placement: 20.02.2012; 0,48 items of l.).
3. Golovachev, P.M. (1906) *86 portraits of Decembrists, type of Petrovsky plant and 2 household drawings of that time*. Moscow: Zenzinov's edition,
4. Gorgin, A.Y (2006) *Russian man and Caucasus. Culture and society*. The almanac of Fund of D.S. Likhocheva.4-3, pp. 112-131.
5. Yershov, D. V. (2010). *Hunkhuz: unsolemn war. Ethnic gangsterism in the Far East*. Moscow: Tsentropoligraf.
6. Yershov, M. F. (2011) *Images of a frontier at colonization of North America and Siberia. Messenger of an ugrovedeniye*. HISTORY, ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY. 4 (7), pp.125-135.
7. Zamyatina, N. Y. (1998). *A development zone (frontier) and its image in the American and Russian cultures*. Social sciences and modernity. 5, pp. 75–89.
8. Ismail –beck, Dilyara. (2000). *Real Caucasian*. Homeland. 1-2, pp. 82-86.
9. *History of foreign literature of the XIX century* (1991). Moscow: The higher school.
10. Cooper, F. (1999). *Pioneers or At Soskveganna's sources*. Moscow: TERRA.
11. Lermontov, M. Y. (2013) *Hero of our time*. Moscow: Azbuka-Attikus.
12. Lermontov, M. Y. (2011) *Caucasian*. Diplomats. 3, pp. 45-46.
13. Mayne Reid, Thomas. *White Squaw*. Perm: Sagittarius, Perm book publishing house. 1998
14. Meryashkina, E. V. (2014) *Image of a hunkhuz in prose of writers of the Far East abroad*. Messenger of the Kemerovo state university. 4 (60), pp. 175-180.
15. Panarina, D.S. (2013). *Myths and images of the Siberian frontier. Cultural and humanitarian geography*.1(2). URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/60>
16. Panarina, D. S. (2011). *The phenomenon of the frontier in the culture of America and Russia : the US and Siberia : the dissertation ... the candidate of cultural science : 24.00.01*. Moscow.
17. Romanova, A.P. & Topchiyev, M. S. (2014). *Caucasus as eternal frontier*. Caspian region: policy, economy, culture. 3, pp. 284-291.
18. Tornau, F.F. (2008) *From memoirs of the former Caucasian. Memoirs of the Caucasian officer of M., “AIRO- sentury”*.
19. Shilovsky, M. V. & Rezun, D. I. (2005). *Siberia, end of the XVI — beginning of XX century: the frontier within the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Novosibirsk: Owl.
20. Yakushenkov, S. N. (2015). *The frontier as a cultural paradigm*. The Caspian region: politics, economy, culture. 1, p. 288-298.
21. Yakushenkov, S. N. & Romanova, A. P. (2012). *Frontier theory: a new*

approach to understanding the socio-political and economic situation in the South of Russia. Innovation and expertise: scientific works. 2 (9), pp. 74-80.

22. Yakushenkova, O.C. (2012) *Cultural heritage of the American frontier. Caspian region: policy, economy, culture. 4, pp. 254-261.*

23. Amyx, Clifford. (1988 January) *The Authentic Image of Daniel Boone. Missouri Historical Review. 82(2), pp. 153-154*

24. Crockett, David (1934). *A Narrative of the Life of David Crockett of the State of Tennessee.* Philadelphia: E.L. Carey and A. Hart.

25. *Daniel Boone and the American Frontier. Teachers' Guide.* ghm-media-2.discoveryeducation.com/v2.7/danielboon/boone_tg_only.pdf

26. Derr, Mark (1983). *The Frontiersman : The Real Life and the Many Legends of Davy Crockett.* New York, NY: William Morrow.

27. Filson, John. (1994) *The Adventures of Col. Daniel Boon. American lives. An anthology of autobiographical writings. (Ed. Robert F. Sayre) The university of Wisconsin press pp.211-226.*

28. Shackford, James Atkins. (1956). *David Crockett: The Man and the Legend,* Chapel Hill: University of North Carolina Press.

29. Slotkin, Richard (1971 Summer) *Dreams and Genocide: The American myth of Regeneration Through Violence.* The Journal of Popular Culture, V(1), pp.38-59.

30. Slotkin, R. (1973) *Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600-1860.* Middletown: Wesleyan University Press.

31. Slotkin, R. (1985). *The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800-1890.* N.Y.: Harper Perennial.

32. Turner, F. J. (1996). *The frontier in American history.* N.Y.: Courier Dover Publication.

**ХАН БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ ДЖАНГИР – ЧЕЛОВЕК НИЖНЕВОЛЖСКОГО
ФРОНТИРА**

Ермуханова Н.А.

Ермуханова Нагима Аблихатовна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: monadragona@mail.ru

Статья посвящена изучению фронта на территории Нижнего Поволжья. Нижневолжский фронт – это зона постоянного взаимодействия разных народов, где исторически проживали и взаимодействовали многочисленные этнические группы: русские, татары, ногайцы, казахи, а также различные народы Кавказа. Фронтирное пространство – это зона межэтнической и межконфессиональной аккультурации, ассимиляции разных этносов. В статье рассматривается появление нового этнополитического объединения казахов на территории Нижней Волги. Букеевская орда интересовала дореволюционных этнографов, чиновников, писателей. Чиновники рассматривали Букеевское ханство как шанс заселения пустовавших земель Нижнего Поволжья с целью дальнейшего хозяйственного освоения. территория Букеевского ханства имела общую границу с Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. Как отмечали дореволюционные исследователи, именно близкое соседство с русскими поселениями, контакты казахов–кочевников с его жителями оказали значительное влияние на развитие этого этнополитического объединения. Кроме этого, большую роль сыграл хан Букеевской орды Джангир. Джангир был посредником между миром российских властей и миром казахов. Современники хана замечали, что в нем сочетается европейская образованность, великосветское поведение в лучших традициях русской аристократии с менталитетом восточного человека, убежденного мусульманина. С использованием концепции фронт анализируются некоторые мероприятия внутренней политики хана Джангира на проблему взаимодействия русских и казахов на территории Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: фронт, Нижнее Поволжье, нижневолжский фронт, Букеевская орда, хан Джангир.

Нижнее Поволжье исторически представляет собой пограничье, местом, где встречаются и взаимодействуют между собой разные этносы. На протяжении всей истории региона существовали периоды, когда на территории происходило соприкосновение двух и более разных по развитию культур. В научной англоязычной литературе такие локальные точки, имеющие большую временную протяженность, называют термином «фронт».

Отечественные ученые С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова обратили внимание, что на территории Нижней Волги возникла ситуация, близкая к ситуации американского фронта. Хотя южный фронт в России развивался совершенно по другому сценарию, авторы считают «несмотря на множество несовпадений и даже кардинальных различий, сопоставление американского фронта с российским аналогом на Нижней Волге дает нам богатую пищу для размышлений» (2010, стр. 114). Нижневолжский фронт являлся контактной зоной разных народов, где царили свои законы. «Здесь русская речь перемежалась татарской, калмыцкой, черкесской, украинской

или персидской. В этом культурном пограничье, как в плавильном котле, формировался свой этнический характер, со своими традициями, предпочтениями, говором и нором» (Якушенков, Якушенкова, 2010, стр. 113).

По мнению вышеуказанных исследователей, «эта этническая полифония, да и определение «народная губерния» как нельзя лучше говорят за себя, подтверждая нашу мысль, что перед нами типичная фронтальная территория» (Якушенков, Якушенкова, 2013, стр. 8).

Нижнее Поволжье представляет собой своеобразную зону, где исторически проживали и взаимодействовали многочисленные этнические группы: русские, татары, ногайцы, казахи, а также различные народы Кавказа и Закавказья. Нижневолжский фронт – зона межэтнической и межконфессиональной аккультурации, ассимиляции разных этносов.

В первой половине XIX века на территории Астраханской губернии образуется Букеевская орда. В 1801 году султан Младшего жуза Букей с группой подвластных ему казахских семей переселился с приуральской степи на правобережную сторону Урала.

В докладе Сената императору Александру I о просьбе султана Букея мы читаем следующую информацию: «о желании Киргиз-Кайсацкой орды хана Букай султана, Нурали ханова сына, быть с подвластным ему народом и подданстве государя императора всероссийского, и о позволении ему и народу киргискому кочевать между Уралом и Волгою и заводить, где удобные сыщется, в лесных местах селения на зимнее прибежище, о определении к нему 100 человек казаков Астраханского казачьего полку и о поручении его со всем подвластным ему киргизским народом генерал-майору и командиру этого полка Попову – 5 числа апреля 1801 года на оное получил высочайшее повеление блаженной и вечно достойной памяти от государя императора Павла Петровича от 11 марта, в котором изображено: председательствующего в Ханском совете Киргиз-Кайсацкой Малой Орде Букея султана, сына Нурали ханова, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, утверждаю во всей силе ваше представление» (Вяткин, 1940, стр. 256-268).

К концу декабря 1801 в междуречье Урала и Волги переселился Букей-султан с некоторыми подвластными ему семьями казахов в количестве 183 кибитки, или 740 человек, и его любимый брат султан Шигай со своим семейством. Этой миграцией небольшой группы казахов на внутреннюю сторону Урала для постоянного кочевания, по существу, было положено начало процессу постепенного заселения казахскими родами Младшего жуза территории заволжских степей, входившей тогда в состав Астраханской губернии Российской империи (Жанаев, 2002, стр. 5).

Дореволюционные ученые-этнографы, писатели, чиновники, священники обращали свое внимание на Букеевскую орду, или как ее называли Внутренняя Киргизская орда в силу разных причин. В первую очередь, интерес был обусловлен государственными целями. В пределах внутри Российской империи было создано этнополитическое образование

казахов-кочевников, которое рассматривалось российскими властями как шанс заселения пустовавших земель Нижнего Поволжья с целью дальнейшего хозяйственного освоения. Во-вторых, территория Букеевского ханства имела общую границу с Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. Как отмечали дореволюционные исследователи, именно близкое соседство с русскими поселениями, контакты казахов-кочевников с его жителями оказали значительное влияние на развитие этого этнополитического объединения, так А.Н. Харузин в своем произведении «Киргизы Букеевской орды» так поясняет это событие: «Переход части населения киргизской орды по сею сторону Урала есть факт, заслуживающий большого внимания, чем это может показаться при первом взгляде на дело. Несколько десятков тысяч киргизов, беспокоивших наше правительство в продолжение многих лет, были отделены от обширного киргизского племени, а впоследствии закрывшеюся казацкой уральской линией, окончательно отрезаны. Эта группа киргизов, образовавшая, так называемую, Меньшую, Внутреннюю или Букеевскую орду, потеряла всякую связь с своим соплеменниками, утратила многое из своего оригинального быта, ослабла, если так можно выразиться, нравственно, потеряла под собою национальную почву. В киргиз-букеевце мы лишь отчасти узнаем его средне-азиатского соплеменника. Это племя значительно ушло от своих зауральских собратьев в цивилизации (в хорошем и дурном смысле). Уже П.И. Небольсин (1852) в своих «Очерках Волжского низовья» пишет, что киргизы Внутренней орды рознятся от зауральских киргизов тем, что, будучи отовсюду окружены русскими, более ознакомились с нашей гражданственностью и утратили диковатость и буйную воинственность своих «заречных» соплеменников. П. Медведский говорит об этом следующими словами: «Находясь более полу столетия в близких отношениях с русскими, они успели далеко опередить своих зауральских соплеменников; нам даже не раз доводилось слышать мнение, что если сличить быт кочевых народов Ставропольской губернии с бытом Внутренней орды, то перевес – в отношении степени гражданского развития, – останется на стороне последних» (Харузин, 1888, стр. 20).

Поэтому закономерно, что дореволюционных исследователей привлекала историческая фигура последнего правителя Букеевской орды хана Джангира (1824-1845 гг.), которому подавляющее большинство из них отводило роль просвещенного проводника европейской цивилизации в слабо освоенных степных окраинах Российской империи.

В 1815 году умирает первый хан Внутренней орды. Как сообщается в послании оренбургского военного губернатора управляющему Азиатским департаментом И. А. Вейдемейру, «располагающий на Астраханских степях в Рын-песках хан Букей Нуралин, быв одержим водяною болезнью, скончался мая 21 дня» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 54 Л.2). Из прошения вдовы Атан Букеевой императору Александру I мы видим, что после смерти хана Букея у него остается малолетний сын Джангир. «При смерти же своей сделал завещание, чтобы после его владеть помянутым киргизским народам

на всех тех правах, какими были ему Вашим Императорским Величеством предоставлены, родному сыну моему от меня рожденному по имени Джагер Букееву, от роду 14 лет имеющему, по малолетству же его впредь до совершенного возраста определил к нему для управления киргизским народом родного брата своего султана Сагая Нуралиева» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5 Л. 94 об. – 95 об.). 24 октября 1816 года в городе Уральске назначенный российскими властями правителем Внутренней Орды Шигай Нуралиев был приведен к присяге. Молодой наследник с матерью были вынуждены примириться с положением вещей.

Как отмечает И. С. Иванов¹, составитель биографии «Джангер, хан Внутренней Киргизской орды», отношения между дядей и племянником были напряженные. Пример брата был для Шигая слишком соблазнительным, чтобы не попытаться стать ханом Внутренней Орды. «Вследствие этого, 29 октября 1816 года поступила от нескольких родоначальников к военному губернатору просьба о возведении правителя орды в ханство; но князь Волконский отклонил ее. Тем не менее Шигай не отказался от своего намерения и в конце 1822 года представил новое прошение киргизских старшин о возведении его в ханское достоинство; но, опасаясь соперничества Джангера, старался вместе с тем очернить его перед начальством. Запрошенный Джангер оправдался в клеветах дяди и при этом сообщил оренбургскому военному губернатору просьбу о допущении его, как достигшего совершеннолетия, на основании родительского завещания, к управлению Внутреннею Ордою. Такого же рода прошение было отправлено было им и к министру иностранных дел» (Иванов, 2001, стр. 22).

Военный губернатор Оренбургского края П.К. Эссен ходатайствовал о возведении Джангира на ханский престол. «Подтверждая о недозволенных искательствах Султана Шигая, находит, что по сведениям оренбургского пограничного управления не видно ничего, что могло бы сблизить Султана сего с достоинством ханским. Напротив того, Султан Джангир по качествам своим снискал уважение и доверенность не только между киргизцами, но и от российских жителей, смежных с Букеевской ордою губерний. Астраханский и саратовский гражданские губернаторы подтверждают сие в полной мере. Генерал Эссен, получив от старшин, прибывших из Букеевской орды, доверенность, данную от народа оной для испрошения высочайшего соизволения на утверждение избранного им Султана Джангира в сан правителя и хана, ходатайствует о возведении его в сие достоинство» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л.104-105 об.). Обряд возведения Джангира в ханское достоинство состоялось в Уральске 26 июня 1824 года (Иванов, 2001, стр. 24).

После этого события в архивах сохранился интересный документ, позволяющий увидеть точку зрения российских должностных лиц по отношению к казахам Букеевской орды. Полковник Берг в своем рапорте управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде по случаю возведения в ханское достоинство хана Джангира в Уральске акцентирует

¹ И.С. Иванов – председатель Временного совета по управлению Внутренней Букеевской ордой. Собрал огромный массив архивных данных про деятельность хана Джангира.

внимание на различия между казахами Букеевской орды и Малой: «Окруженные со всех сторон христианами – поданными Империи, Киргизы Букеевской орды совершили ощутимый сдвиг к началам цивилизации. Спокойствие царит среди десятка их родов. Их управляющие и старшины ценят преимущества мирного существования и заняты лишь сохранением и приумножением своих многочисленных и прекрасных стад. Торговля, которой они занимаются, год от года становится все более значительной. Среди них находятся уже такие, кто приписан ко второй и даже к первой купеческой гильдии. Большинство из Султанов уже говорят по-русски» [РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.]. Благодаря этому документу, мы видим, как фронтальное пространство Букеевская Орда влияет с экономической и социальной точки зрения на живущих в ней казахов. Кроме этого, документ служит свидетельством особого отношения российских властей к Внутренней киргизской орде. Красной линией проходит мысль среди документов и исследовательских работ дореволюционных ученых о том, что фронтальное пространство Букеевской орды – это зона, отличающаяся от традиционных орд казахов особой ментальностью и образом жизни.

И здесь же полковник Берг пытается подчеркнуть мысль об использовании Внутренней Киргизской орды как пример для воздействия на казахов Малой орды: «Генерал-губернатор Оренбурга удачно воспользовался огромным стечением Киргизов–Букеевцев в Уральске, чтобы воздействовать на настроение кочевников Малой Орды. Он пригласил принять участие в торжествах Султана Каратая со множеством Киргизов Малой орды. В присутствии сих последних генерал Эссен был особенно щедр на похвалы и знаки доброжелательности по отношению к киргизам-букеевцам. Были розданы подарки 420 лицам из свиты нового Хана. Торжества, развлечения, скачки на лошадях, гимнастические упражнения были проведены со вкусом и великолепием, возможными в этих местах. Мы ничего не упустили, чтобы показать киргизам Малой орды, сколько выгод представляет жизнь в мире и согласии» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.).

Рапорт обращает внимание на Джангира как на посредника в межкультурном диалоге между русскими и казахами: «Нового хана, хотя он весьма молод, слушают и уважают даже старцы, потому что он умеет хранить их обычаи и в то же время демонстрировать воспитание светское, которое он получил в Астрахани. Он в совершенстве владеет литературой на своем языке, говорит и пишет на другом, достаточно хорошо по-русски. Он прекрасно осознает преимущества, которые ему даст цивилизация над всеми его соотечественниками, и усердствует, чтобы получить у генерал-губернатора разрешение отправить в Оренбург своего младшего брата вместе с другими молодыми Султанами, тем более что там уже открыт Неплюевский корпус» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.). В силу разных обстоятельств, молодому хану пришлось выполнять функцию культуртрегера. По сути, хан Джангир является личностью фронтального пространства. Ведь кто такой человек фронта? В первую очередь, этот человек открыт для

нового, он отличается высокой восприимчивостью к новому, отказу от старого, традиционного образа жизни. «Хан Джангир также поделился с нами своим желанием обзавестись постоянным жилищем для шести зимних месяцев на берегу Каспийского моря. Большинство его султанов уверяли нас, что они последуют его примеру, убежденные в том, что им и всем ордынцам будет лучше жить зимой в домах и ограничить свою жизнь кочевников шестью месяцами теплого времени» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.).

Выступление Джангира на обряде возведения в ханское достоинство перед своими поданными о желание начать оседлую жизнь привело в дальнейшем к огромным сдвигам в жизни Букеевской орды. Огромное число дореволюционных исследователей Внутренней киргизской орды считало своим долгом подчеркнуть мысль, что хан Джангир сыграл огромную роль в превращении казахов из кочевников в оседлую нацию. С.И. Иванов в своем труде пишет следующее: «Заслуги хана Джангера в этом деле более значительны, что киргизы в то время не только не чувствовали расположения к оседлости, но, по словам, Железнова, «как огня» боялись оседлой жизни и много раз пытались снова уйти за Урал, но были удерживаемы силою оружия» (Иванов, 2001, стр. 39). В сознании казахов оседлость олицетворяло «душную курную избушку или землянку». Они связывали оседлое положение с понятиями крестьянства и солдатней.

Как считают некоторые исследователи, переход казахов к оседлости было одним из важных направлений внутренней политики хана Букеевской орды. «Основание первых стационарных населенных пунктов в регионе: в 1827 году – селения Хан-Калы, или так называемой ставки Торгун-Кала, расположенной на реке Торгун. За короткий период обе эти ставки превратились в основные административные, экономические и культурные центры ханства» (Жанаев, 2002, стр. 14).

Из выписки из журнала Азиатского комитета 1827 года о ходатайстве хана Джангира на построение дома позволяют увидеть отношение российских властей: «Граф Нессельрод при сем изъяснил о тех выгодах, ... кои могут произойти от устройства для Хана Джангира Букеева постоянного жилища, и кои главнейшие заключаются в том, что оно находится будет почти в середине кочевков управляемой им орды, и, следовательно, всякие сношения с ним киргизов и россиян получат значительное облегчение и удобство; не менее того полезно будет исполнением ... желания сего Хана показать новый опыт внимания Правительства к его образованности, усердию и попечения о вверенных ему киргизах, каковые достоинства обратили уже на него Монаршее благословление» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 120, Л.1-2об.).

Надо заметить, что молодой хан Букеевской орды являлся медиатором в межкультурном диалоге между миром российских властей и миром казахов-кочевников. Источники подтверждают, что в фронтальном пространстве Букеевской орды хан Джангир являлся и прямым и обратным транслятором. Молодой хан был субъектом передачи казахской культуры для

представителей Российской империи. Так же, Джангир транслировал российские ценности представителям своего народа. Современники хана Букеевской орды замечали, что в нем сочетается европейская образованность, великосветское поведение в лучших традициях русской аристократии с менталитетом восточного человека, убежденного мусульманина. «Все это в совокупности придавало личности Джангир хана в глазах российской научной общественности, царских чиновников разных уровней и самого императора Николая I некий особый «евразийский» колорит и большое личное обаяние, что являлось одной из важных предпосылок постоянно оказываемых ими хану Внутренней орды покровительства и поддержки во многих проводимых им мероприятиях среди казахского населения Волго-Уральского региона» (Жанаев, 2002, стр.10).

Другим не менее важным направлением преобразований во Внутренней орде являлось появление светского общеобразовательного учреждения для казахов. Хан Джангир еще до открытия учебных заведений в Букеевской орде старался способствовать образованию казахов посредством отправки детей в другие города на обучение. Но ему не всегда это удавалось. По словам Иванова, «в астраханской гимназии не было тогда пансионеров, а содержать детей на вои собственные средства киргизы не выражали желания» (Иванов, 2001, стр. 46). А в 1-ой казанской гимназии, где обучались дети разных национальностей для поступления в университет, хану Джангиру было отказано. Все привело к тому, что хан решил устроить в Букеевской орде свое собственное училище, которое и было открыто 6 декабря 1841 года. Хан понимал важность образования, поэтому в знаменитом письме к советнику Чуке Нуралиеву он высказал следующие мысли: «Известно вам, что в нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, ни и в разных науках, без чего нельзя хорошо выучиться закону правоверному, пророком Божиим нам данному, ни в особенности без познания грамоты быть хорошим должностным чиновником в Орде, именно, родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таких познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми и весьма замедляется течение как судебных, общественных, так в частных ваших исков в обидах» (Иванов, 2001, стр. 49). Открыв в Ставке училище, хан Букеевской Орды призывал свое окружение отправлять детей учиться. Надо заметить, что Джангир мог бы гордиться своим детищем. В первый год было засчитано 25 учеников, а уже в 1891 году через нее прошли несколько поколений – около двух тысячи детей.

Кроме образования, хан Джангир обращал пристальное внимание на медицину: «Желая, сколько возможно, способствовать ко благу подвластного мне народа, дать способы облегчить участь страждущих болезнями, я намерен устроить больницу, завести аптеку, обучить фельдшеров, как для прививания оспы, так и в помощи в болезни необходимых, равно и ко введению постепенно, правильного медицинского пользования. К предупреждению опасностей, могущих произойти от зарождающихся в скотах болезней, – обучить, по правилам науки, коновалов. Словом,

предпринять все меры по улучшению хозяйственной промышленности кочующего народа» (Иванов, 2001, стр. 53). По словам И.С. Иванова, в Букеевской орде появились врач (врач, сведущего не только в лечении внутренних болезней, но и в хирургических операциях, и в акушерском искусстве с определением ему достаточного жалованья, и особой суммы на лекарства), ветеринар и повивальная баба (Иванов, 2001, стр. 54). А с 1826 г. началось оспопрививание. К декабрю 1834 года были привиты 2123 мальчиков и девочек, в том числе и дети хана. Единственное, что не удалось хану – это открыть больницу. Она была открыта только в 1852 году.

Кроме социально-культурных преобразований, хан Джангир уделял внимание экономическим процессам. В 1833 году была учреждена ярмарка, на которую съезжались и казахи, и русские. По этому поводу есть замечательная статья А. Леопольдова «Отношение русских к киргизам». Автор с воодушевлением пишет о зарождающей дружбе между национальностями: «Многие из русских коротко знакомы с киргизами и видят, как говорится, хлеб и соль. Если русский приедет к киргизу, то последний приглашает его в свою кибитку, сажает на кошму, поит кумысом. Если киргиз приедет к русскому, то последний ставит лошадь его к сену, приглашает в избу, поит вином и кормит хлебом» (Леопольдов, 1856, стр. 64-65). А. Леопольдов подчеркивает мысль о важности торговли между народами: «Русские гуртпромышленники, с открытием каждой весны, спокойно ездят в Орду со значительными капиталами, покупают там скот, пользуются кредитом часто на одно слово или делают законные сделки по делам торговым. В особенности учреждение ярмарки в Рын-песках сблизило русских с киргизами и содействовало к развитию торговли, год от года увеличивающейся» (Леопольдов, 1856, стр. 64-65). Хан Джангир является неоднозначной личностью фронтального пространства на территории Нижнего Поволжья. В период его правления произошел ряд важнейших процессов в социально – экономическом и культурно – духовном направлениях. Но мы можем однозначно сказать, что деятельность хана Букеевской орды сыграла решающую роль в изменениях казахской ментальности. Джангир был порождением нижневолжского фронта. Рожденный в казахской среде, но уже с детства впитывающий российскую культуру, он являлся транслятором не только для своего народа, но и для Российской империи.

Библиографический список:

1. Жанаев, Б.Т. (2002) *История Букеевского ханства. 1801 – 1852 гг.:* Сборник документов и материалов. Составитель: Жанаев, Б.Т. & Иночкин, В.А. & Сагнаева, С.Х (ред). Алматы: Дайк-Пресс
2. Иванов, И.С. (2001) «Джангер, хан Внутренней Киргизской Орды», выпущенная в типографии Н.Л. Рослякова в г. Астрахани, 1895. *Букеевской Орде 200 лет. Книга 2.* Алматы: Олке

3. Леопольдов, А. (1852) Отношение русских к киргизам *Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. №5*, стр. 64-65.
4. Вяткин, М.П. (1940) *Материалы по истории Казахской ССР. 1758-1828. М.-Л. Т. 4*
5. РГИА. Ф. 1291. О.81. Д.5.
6. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 54.
7. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 120.
8. Харузин А. Н., (1888) *Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Выпуск первый. М.: Типография А.А. Левенсон и Со.*
9. Якушенков, С.Н., & Якушенкова, О.С. (2010) *Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. Каспийский регион: политика, экономика культура №1 (22)*, стр. 109-114.
10. Якушенков, С.Н., & Якушенкова, О.С. (2013) *Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий. Человек. Сообщество. Управление. №2*, стр. 4-15.

JAHANGIR THE KHAN OF THE BUKEY HORDE – MAN OF THE LOWER VOLGA FRONTIER

Ermukhanova N.A.

Ermukhanova Nagima Ablahatovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E - mail: monadragona@mail.ru

The article is devoted to the study of the frontier in the territory of the Lower Volga region. Lower Volga frontier is a zone of constant interaction between various nations, a place where numerous ethnic groups such as Russians, Tatars, Nogais, Kazakhs, as well as various peoples of the Caucasus, historically lived and interacted. Frontier space is a zone of ethnic and religious acculturation, assimilation of different ethnic groups. The article deals with the emergence of new ethno-political association of the Kazakh in the Lower Volga. The Bukey Horde attracted great interest of pre-revolutionary ethnographers, officials, and writers. Officials considered the Bukey khanate an opportunity to populate unoccupied lands of the Lower Volga region in order to further economic development. The territory of the Bukey khanate had a common border with the Astrakhan, Saratov and Orenburg provinces. As noted by the pre-revolutionary researchers, it is the close proximity of the Kazakh nomads to Russian settlements and contacts with its inhabitants that have had a significant impact on the development of ethno-political association. In addition, the significant role was played by Khan Jahangir of the Bukey Horde. Jahangir was a mediator between the world of the Russian authorities and the world of the Kazakh nomads. Khan Jahangir's contemporaries noticed that European education, the grand behavior in the best traditions of Russian aristocracy with the mentality of an Eastern man, a strong Muslim, were combined in his persona. With the use of the concept of frontier we analyze some of the Khan Jahangir's activities of internal policy on the problem of interaction between the Russian and the Kazakh in the territory of the Lower Volga region.

Keywords: frontier, Lower Volga, Lower Volga frontier, Bukey Horde, Khan Jahangir

References:

1. Zhanaev, B.T. (2002) *History of the Bukey Khanate. 1801 - 1852. The*

Collection of the documents and materials. Compiled by: Zhanaev, VT & Inochkin, VA & Sagnaeva, S.H. (eds). Almaaty : Dyke -Press

2. Ivanov, I.S. (2001) Dzhanger of the Khan Inner Kirghiz Horde, released in the printing N.L. Roslyakova in Astrakhan, 1895. *The Bukey Horde 200 years. Book 2*. Almaty: Olke.

3. Leopoldov, A. (1852) The Attitude of the Russian to the Kirghiz. *Samara Provincial Gazette. The informal part*. No. 5, pp 64-65.

4. Vyatkin, M.P. (1940) *Information on the history of the Kazakh SSR. 1758-1828*. M.-L. T. 4

5. *RSHA* (Russian State Historical Archives). F. 1291. O.81. S.5.

6. *RSHA*. F. 1291. Op. 81. D 54.

7. *RSHA*. F. 1291. Op. 81. D 120.

8. Kharuzin, A.N. (1888) *The Kirghiz of the Bukey Horde (anthropological and ethnological sketch)*. First edition. Moscow: A. A. Levenson's Publishing House.

9. Yakushenkov S.N., & Yakushenkova O.S. (2010) the American frontier and the Russian counterparts in the Volga region and the Lower Volga. *The Caspian region: politics, economy culture No. 1 (22)*, pp. 109-114.

10. Yakushenkov S.N., & Yakushenkova O.S. (2013) the Abundance of resources as one of the frontier areas. *Human. Community. Management. No. 2*, pp. 4-15.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ КАК МИКРОМОДЕЛЬ ФРОНТИРА И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Бичарова М.М.

Бичарова Мария Михайловна, Каспийский институт морского и речного транспорта, 414000, Астрахань, Россия, ул. Никольская, 6., Эл. почта: valkirija@inbox.ru

В настоящей статье рассматривается интернациональный брак как социокультурный феномен через призму проблемы культурной безопасности. Вопрос культурных различий рассматривается как важный сопутствующий фактор, влияющий на общение и взаимопонимание внутри такой семьи. На фоне сложных взаимодействий двух культур, каждая из которых обнаруживает свою самобытность или специфику, супруги начинают приспосабливаться к культурным особенностям партнера, осваивая новые элементы общения и поведения. В результате этого комплексного процесса партнеры, так или иначе, приходят к «культурному равновесию» в новой интернациональной культурной среде. Это равновесие, однако, довольно хрупкое, поскольку в процессе адаптации к новой культурной среде, человек не утрачивает привычки и нормы поведения, усвоенные им в родной культуре. Этот факт дает основание предположить, что интернациональная семья является своеобразной микромоделью фронтального пространства, некоей «приграничной зоной» между двумя странами, народами, культурами, религиями. Рассматривая интернациональную семью как микромоделю фронта, можно глубже понять специфику культурных процессов, отличающих фронтальное пространство от традиционной картины мира.

Ключевые слова: фронт, интернациональная семья, «чужой», аккультурация, адаптация, маргинализация, культурная безопасность

О том, что семья представляет собой микромоделю общества, отражая его особенности, тенденции развития, изменения и проблемы, в научном дискурсе говорят уже давно. Известно, что развитие института семьи и прогресс культуры – явления, тесно связанные друг с другом. Любые достижения человечества в процессе развития цивилизации находят свое отражение в семье, которая, в свою очередь, хранит и передает устои, традиции, моральные нормы, нравственные принципы и иные ценности, важные для человеческого общества. В духовном смысле семья – это одна из основ социокультурного развития цивилизации, которая принимает непосредственное участие в формировании морального и нравственного облика индивидуума. Во многом это участие осуществляется в процессе развития супружеских отношений, а также взаимоотношений между родителями и детьми и наоборот.

Национальную значимость семьи как универсального культурного концепта сложно преувеличить. Это всеобъемлющая ценностная категория, представляющая аксиологическую универсалию для любой культуры и цивилизации. В культурном сознании любой нации можно увидеть общие ценностные параметры, такие как общность, сплоченность, взаимовыручка,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект №15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

преданность и любовь всех членов семьи друг к другу, покровительство, преемственность, уважение к старшим поколениям, важность продолжения рода.

Как в русской, так и в западной культурах, семья определяется как основа жизненного уклада и во-первых, содержательно связывается с такими понятиями как «кров», «очаг», «брак», «дети», а во-вторых отражает преемственность какого-либо аспекта в пространственно-временном отрезке: «история рода», «кровное родство», «родовое гнездо», «фамилия». В то же время, с точки зрения ценностных ориентаций, понимание семьи в различных культурах может коренным образом отличаться. Так в российской культуре семья представляет средоточие основных жизненных ценностей, достатка, счастья, тесно связана с понятиями «дом» и «очаг» и ассоциируется с чем-то добрым, хорошим, теплым. Концепт «семьи» в русском самосознании масштабен и его признаки присваиваются довольно обширному кругу людей, близких и дальних, кровных и некровных родственников. Это отличает представителей русской культуры, к примеру, от англичан, для которых семья – это только самые близкие родственники: муж, жена и дети. Коннотация итальянского концепта семьи значительно шире, так как семьей итальянцы часто считают всех граждан государства. У французов семья ассоциируется не столько с понятиями сплоченности и поддержки, сколько с обременением, поскольку ценностные ориентиры французов несколько смещены в сторону индивидуализма (Любарт, 2005, стр. 9).

Все эти национальные различия в оценке и понимании семьи особенно остро проявляются в международном браке, когда в союз вступают партнеры, являющиеся представителями разных культур, имеющие разное происхождение, язык и, возможно, вероисповедание. С точки зрения семенных взаимоотношений вопрос культурных различий рассматривается как важный сопутствующий фактор, влияющий на общение и взаимопонимание внутри семьи. Исследуя феномен международного брака, ученые используют множество терминов, таких как межкультурный, межграницный, транснациональный, межэтнический и т.д., акцентируя, судя по всему, внимание на отдельных сторонах этого сложного и многогранного предмета исследования. Мы используем термин «интернациональный брак», являющийся, по нашему мнению наиболее всеобъемлющим и подразумевающим брак, не ограниченный рамками одной нации, а распространяющийся на несколько народов. Такой термин позволит нам рассматривать брак с иностранным партнером в нескольких аспектах: культурном, национальном, религиозном и пр.

Заклучая интернациональный брак, партнеры создают не только прочные связи между двумя людьми, между семьями, о также закладывают основу для тесного взаимодействия двух разных культур. Ценностное восприятие семьи многих людей определяется правилами поведения, традициями и нормами, принятыми в культуре, к которой они принадлежат, и это, безусловно, влияет на их поведение и поступки

внутри вновь созданной семьи. Поскольку «эти нормы очень отличаются в разных обществах и зависят от стереотипов и ожиданий, обусловленных культурой» (Heaton, 1996, p. 203), неизбежно возникновение некоторых противоречий, которые сглаживаются и устраняются в процессе адаптации. На фоне сложных взаимодействий двух культур, каждая из которых обнаруживает свою самобытность или специфику, партнеры начинают приспосабливаться к культурным особенностям партнера, осваивая новые элементы общения и поведения. В результате этого комплексного процесса супруги, так или иначе, приходят к тому, что можно назвать «культурное равновесие» в новой интернациональной культурной среде. Это равновесие, однако, довольно хрупкое, поскольку в процессе адаптации к новой культурной среде, человек не утрачивает привычки и нормы поведения, усвоенные им в родной культуре. Этот факт дает нам основание предположить, что интернациональная семья является своеобразной микромоделью фронтирного пространства, некой «приграничной зоной» между двумя странами, народами, культурами и/или религиями.

Фронтир, будучи специфическим пограничным состоянием, обуславливает возникновение особой картины мира, отвечающая новым условиям, в которых оказываются супруги, вступившие в интернациональный брак. В отличие от стереотипных норм поведения, тех, которые были бы очевидны и понятны в их собственной культуре, партнеры вынуждены формировать совершенно новые системы общения и поведения. Традиционная картина мира одного супруга, отражающаяся в его родном языке, литературе, культуре, идеологии и стереотипах, оказывается, не отвечает новым условиям, в которых сталкивается с иной картиной мира другого партнера, которая также наполнена сложной системой знаков и символов, отраженных в плодах интеллектуальной, материальной или творческой деятельности людей. Две национальные картины мира, сталкиваясь в микропространстве интернационального брака, становятся особой пограничной территорией, обладающей специфическими маркерами фронта, своеобразными историческими и культурно-символическими признаками, позволяющими говорить о фронтире как процессе и результате социального конструирования реальности (Turner, 1996).

Обратимся к некоторым признакам фронта, выделенным учеными на современном этапе, и сопоставим их с чертами, присущими интернациональной семье.

Чаще всего о фронтире говорят как о территории, за которой закрепляется так называемые фронтирующие социокультурные, «цивилизационные» группы, что определяет его этнокультурную неоднородность и провоцирует возникновение «подвижной границы». Как правило, одна группа, вступающая во фронтирное взаимодействие, является доминантной (она в большинстве), то есть, ориентирована на господство, претендующая на право владеть пространством, а другая – идентифицируется в эволюционистской системе координат – как «примитивное общество» (Тернер, с. 14). Таким образом, территория, на

которой сталкиваются две эти группы, становится «пространственной переходной зоной» (Родоман, 1999, с. 26–27), а фронтир рассматривается как маргинальная зона. На уровне интернациональной семьи такие явления легко сопоставить с процессом аккультурации при вступлении в отношения с партнером – представителем иной культуры, поскольку, один из супругов, так или иначе, становится «принимающей стороной», т.е. доминантной, а второй – «приемником» чужой семьи, которая в большинстве, иной социокультурной среды. Зачастую это происходит посредством маргинализации, когда в силу каких-то внешних либо внутренних причин, партнеру сложно сохранить собственную идентичность и одновременно невозможно получить новую, предположим, из-за дискриминации со стороны новой культуры. Так происходит потеря идентичности с собственной культурой, и отсутствует идентификация с культурой принимающего большинства.

Исходя из первой черты фронта, логически вырисовывается вторая его особенность – неравная численность фронтирующих групп (Басалаева, 2012, стр. 47). Применительно к интернациональной семье, собственно, этот критерий фронта становится причиной маргинализации одного из супругов и, как следствие, маргинальности семьи в целом, которая занимает промежуточное положение в социальной структуре общества и условно выходит за рамки нормы. Это обусловлено их особой маркированностью на фоне монокультурных браков, которые, естественно, численно преобладают. Показателем маргинальности интернационального брака становится, в первую очередь, возникновение недоверия, предубеждения к семье из-за принадлежности одного из супругов к иной этнической группе или конфессии, что выражается в частом акцентировании внимания на этом (напр., «она вышла замуж за мусульманина»).

Две вышеназванные черты зачастую становятся причиной возникновения третьей: амбивалентно-конфликтного взаимодействия фронтирующих групп. Социокультурная адаптация заключается в умении свободно ориентироваться в новой, другой культуре и обществе, решать повседневные проблемы в семье, в быту и профессиональной деятельности (Грушевицкая, 2002, стр. 2011). Очень важную роль здесь играет то, как принимающая семья и общество относятся к новой образовавшейся интернациональной семье. Зачастую на фоне стрессогенного воздействия чужеродной культуры, а также в силу отсутствия поддержки со стороны окружающих, адаптация к новой культуре выражается не в приспособлении, а в сопротивлении, попытке изменить среду своего нового обитания, что сводит на нет счастливые брачные отношения и удовлетворенность браком, приводя вместо этого к конфликтам вплоть до развода.

Таким образом, обоим супругам приходится преодолевать определенные трудности в процессе аккультурации. Этот процесс проходит посредством коммуникации. Равно как представители собственной нации приобретают в процессе взросления и обучения культурные особенности своей страны, то есть проходят инкультурацию, через взаимное общение и

взаимодействие, так и представители чужой нации, прибывая в принимающую страну, начинают знакомиться с ее культурой и овладевать необходимыми социальными и коммуникативными навыками через общение.

В связи с новыми непривычными условиями, в которых оказывается человек, проходящий аккультурацию в новом для него обществе, меняется его картина мира, происходят существенные изменения в структуре познания. Постигая систему организации другой культуры, они подстраивают свои собственные процессы под те, которые используют носители другой культуры.

Основным признаком того, что человек адаптировался к чужой культуре можно назвать то, насколько он приобрел соответствующие навыки поведения в конкретных бытовых и жизненных ситуациях: насколько он владеет языком, способен ли делать покупки, знает ли как платить налоги и т.п. На этой стадии формируется еще одна характерная черта фронта: дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтальных групп. Ф. Дж. Тернер, исследуя американский фронт, говорит о подобном влиянии на уровне социальных стратегий и приводит яркий пример того, как жители американских колоний поощрялись за добытые в бою с индейцами скальпы. «Одна из жительниц Хейверхилла получила свои 50 фунтов стерлингов за трофеи в десять скальпов» (Тернер, 1996, стр. 15). Конечно, на уровне интернациональной семьи, как микромоделей фронта, говорить о таких поощрениях приходится, однако это четко проявляется в психологическом и социокультурном аспектах. Адаптация в психологическом плане выражается в удовлетворенности своей жизнью в новой культуре. Речь идет и о хорошем расположении духа, психологическом здоровье, и о четкой сформированности личной и культурной самоидентичности. Социокультурная адаптация проявляется собственно в тех приобретенных навыках поведения в житейских ситуациях, о которых говорилось ранее. Добиться такого психологического и социокультурного равновесия довольно сложно в связи с присутствием вышеописанных фронтальных черт интернациональной семьи. Неизбежно, чужая культура, воспринимаемая человеком как нечто чужеродное, непривычно и порой даже опасное, оказывает стрессогенное воздействие на его психологическое состояние, которое сопровождается целым рядом негативных ощущений:

- напряжение из-за усилий, прилагаемых для достижения психологической адаптации;
- чувство потери из-за лишения друзей, своего положения, профессии, собственности;
- чувство одиночества (отверженности) в новой культуре, которое может превратиться в отрицание этой культуры;
- нарушение ролевых ожиданий и чувства самоидентификации;
- тревога, переходящая в негодование и отвращение после осознания культурных различий;
- чувство неполноценности из-за неспособности справиться с

ситуацией (Грушевицкая, 2002, стр. 2016).

На фоне таких ощущений человек начинает либо воспринимать культуру своего супруга как негативное явление, доставляющее ему неудобства и вызывающее негативные эмоции, либо переоценивает собственную культуру в отрицательную сторону, перестает воспринимать ее как ценность. Таким образом, когда в интернациональном браке встает вопрос о включении чужого культурного мира, социокультурных реалий, в свое привычное культурное сознание, можно говорить о проблеме культурной безопасности.

Проблема безопасности чрезвычайно сложна и многослойна, а само понятие «безопасность» распространяется на весьма широкие сферы: от государственной безопасности до безопасности жизнедеятельности. Причем появляются все новые сферы, требующие особого внимания к безопасности, в том числе культурная и конфессиональная.

Термин культурная безопасность достаточно новый и еще недостаточно разработанный теоретически. За рубежом первые определения культурной безопасности начали появляться именно в культурологическом ключе только в последние десятилетия, когда она стала трактоваться, прежде всего, как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» (Scott, 2004).

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется широко и включает в себя культуру и как объект, и как фактор обеспечения безопасности. «Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания... Это и защита культуры от угроз и одновременно создание условий для ее гармоничного развития» (Романова, 2013) Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных в обществе в целом культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо в этом случае замечание А.Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными (Флиер, 1998). Этноконфессиональная безопасность является частью культурной безопасности. Этот термин так же еще недостаточно устоялся, хотя в последние годы появляется в том или ином виде в научной литературе.

Этноконфессиональная безопасность представляет собой основу культурной безопасности и может быть представлена в том числе и как «система государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций и одновременно противодействий угрозам свободе

вероисповедания и межрелигиозному согласию (Нысанбаев, 2003, стр. 92).

Под этноконфессиональной безопасностью понимается как система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, а так же этнической идентичности, так и предотвращение конфликтов на конфессиональной и этнической почве. Под этноконфессиональной безопасностью может рассматриваться система условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающая или, по крайней мере, смягчающая конфликты, связанные с этноконфессиональной принадлежностью. В основе основной массы таких конфликтов лежит гипертрофированное восприятие «другого» человека как «чужого».

В отношениях между супругами интернациональной семьи, как в зеркале, отражаются проблемы культурной и этноконфессиональной безопасности, и главная причина – фронтальное пространство, в котором приходится сосуществовать представителям двух разных культур.

Каждая культура имеет множество символов и образов, а также стереотипов поведения, с помощью которых мы можем автоматически действовать в разных ситуациях. Когда мы находимся в условиях новой культуры, привычная система ориентации оказывается неадекватной, поскольку она основывается совсем на других представлениях о мире, иных нормах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия.

Процесс преодоления возникающих проблем и угроз очень похож на ступени адаптации после культурного шока, описанные К. Обергом. Первый период называют «медовым месяцем», потому что, оказавшись в другой стране супруги полны энтузиазма и надежд, к их приезду готовятся, их ждут, и на первых порах они получают помощь и могут иметь некоторые привилегии в «другой» семье. Этот период быстро проходит, и на втором этапе непривычная, «другая» окружающая среда и культура начинают оказывать свое негативное воздействие. Все большее значение приобретают психологические факторы, вызванные непониманием супруга, местных жителей, уклада жизни. Результатом может быть разочарование, фрустрация и даже депрессия. Поэтому в этот период мигрирующий супруг пытается убежать от реальности, общаясь преимущественно со своими земляками и жалуясь им на жизнь.

Третий этап становится критическим, так как культурный шок достигает своего максимума. Это может привести к физическим и психическим болезням. Часть супругов сдается, у них начинаются серьезные конфликты, непонимания, обиды и некоторые возвращаются домой, на родину. Но если семейные отношения дороги, то супруги находят в себе силы преодолеть культурные различия, учат язык, знакомятся с другой культурой, обзаводятся местными друзьями, от которых получают необходимую поддержку.

На четвертом этапе появляется оптимистический настрой, партнеры становятся более уверенными в себе и удовлетворенными своим положением в новом обществе и культуре. Приспособление и интегрирование в жизнь

нового общества продвигается весьма успешно.

Полная адаптация к новой культуре достигается на пятом этапе. Индивид и окружающая среда с этого времени взаимно соответствуют друг другу. Пять ступеней адаптации составляют U-образную кривую развития культурного шока, которая характеризуется следующими ступенями: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо.

Процесс аккультурации для обоих партнеров будет проходить в соответствии со стратегией, которую они выберут для себя. Маркофф предлагает следующие схемы взаимодействия культур:

– одностороннее приспособление: один партнер приспосабливается к культурным особенностям другого;

– попеременное приспособление: осознанно выбирается попеременно культурная модель поведения одного партнера, затем другого;

– компромисс: партнеры принимают решение действовать в соответствии с создавшейся ситуацией, не отдавая предпочтение ни одной из культур или моделей поведения;

– смешанное приспособление: объединение культур, когда партнеры, действуя строго в рамках своих культур, постоянно совмещают их.

– творческое приспособление: партнеры решают отказаться от своих собственных культурных традиций и стереотипов, и создают новые самобытные, характерные именно для их семьи, модели поведения (Markoff 1977, стр. 39).

Итак, интернациональную семью можно считать своеобразной микромоделью фронтального пространства, в котором взаимоотношения между супругами определяются системой культурно обусловленных индивидуальных, родительских, общесемейных и общечеловеческих ценностей, составляющих основу самоидентификации личности. Расхождение культурных ценностей, противопоставление «свой» – «чужой», пограничное положение такой семьи в обществе наблюдается на приватном уровне семейного общения, однако это есть отражение столкновения различных норм и традиций в декодировании одних и тех же знаковых систем разными культурами. В связи с этим разработка техник и моделей разрешения возникающих конфликтных ситуаций, связанных с культурными противоречиями и разногласиями в интернациональной семье, вероятно, может способствовать поиску способов предотвращения угроз культурной безопасности на уровне целого государства.

Библиографический список:

1. Басалаева, И. П. (2012) Критерии фронта: к постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*. № 2. с. 46-49.

2. Грушевицкая, Т. Г., Попков, В. Д. & Садохин, А. П. (2002) *Основы межкультурной коммуникации* : Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 211.

3. Любарт, М. К. (2005) *Семья во французском обществе: XVIII –*

начало XX века. М.: Наука, 2005. 296 с.

4. Нысанбаев, А. & Кадыржанов Р. Безопасность Казахстана. *Казахстанская правда*. 2003. с. 92.

5. Родоман, Б. Б. (1999) *Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии*. Смоленск.

6. Романова, А. П. & Топчиев, М. С. *Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия*. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011.

7. Романова А. П., Якушенков С. Н., Хлыщева Е. В. & Топчиев М. С. (2013) *Чужой и культурная безопасность*. Москва: РОССПЭН. 215 с.

8. Флиер, А. Я. (1998) Культура как фактор национальной безопасности. *Общественные науки и современность*. № 3.

9. Heaton, T. & Albrecht S. (1996) The changing pattern of interracial marriage. *Social Biology*. Vol. № 43. P. 203.

10. Markoff, R. (1997) Intercultural marriage: Problem areas. *Adjustment in Intercultural Marriage*. Honolulu. С. 39.

11. Scott, F. (2004) Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. *Northern Research Forum. Plenary on Security*. Yellowknife.

12. Turner, F. J. (1996) *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications. 375 p.

INTERNATIONAL FAMILY AS MYCRO-MODEL OF FRONTIER & CULTURAL SAFETY PROBLEMS

Bicharova M. M.

Bicharova Mariya Mikhailovna, Caspian Institute of Sea & River Transport, 414000, Astrakhan, Russia, 6 Nikolskaya St. E-mail: valkirija@inbox.ru

The international marriage as socio-cultural phenomenon is observed in the given article through the problem of cultural security. The question of cultural differences is studied as important attendant factor which influences on communication and understanding in such a family. On the background of interaction between two cultures while every one reveals its originality and specifics, marriage partners begin to adapt to cultural features of each other studying new elements of communication and behaviour. As a result of this complex process partners this or that way come to “cultural equilibrium” in new international cultural environment. This equilibrium, however, is rather fragile as during the process of adaptation to new cultural environment person doesn't loose customs and norms of behaviour acquired in his or her native culture. This fact lets us suppose that international family is a kind of micro-model of Frontier space, some “near-border zone” between two countries, peoples, cultures and religions. Investigating international family as micro-model of Frontier it is possible to better realize the specifics of cultural processes which differ Frontier space from traditional world picture.

Key words: frontier, international family, «Alien», acculturation, adaptation, marginalization, cultural security

References:

1. Basalaeva, I. P. (2012) Criteria of Frontier: to the question. *Theory & Practice of Social Development* (p. 46-49) No 2.
2. Grushevitskaya, T.G., Popkov, V.D. & Sadokhin, A. P. (2002) *Backgrounds of Intercultural Communication* : M.: UNITY-DANA, 2002. p. 211.
3. Lubart, M. K. (2005) *Family in French Society: XVIII – the beginning of XX century*. M.: Nauka. 296 p.
4. Nysynbaev, A. & Kadyrzhanov R. (2003) Security of Kazakhstan. *Kazakhstan Truth*. p. 92.
5. Rodoman, B. B. (1999) *Territorial areas and nets. Sketches on theoretical geography*. Smolensk.
6. Romanova, A. P. & Topchiev, M. S. (2011) *Confessional Policy and Confessional Security of Caspian Sea Region*. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich.
7. Romanova A. P., Yakushenkov S. N., Khlyshcheva E. V. & Topchiev, M. S (2013) *Alien and Cultural Security*. Moscow: ROSSPAN. 215 p.
8. Flier, A. Ya. (1998) Culture as Factor of National Security. *Social Sciences and modernity*. No 3.
9. Heaton, T. & Albrecht S. (1977) The changing pattern of interracial marriage. *Social Biology*. Vol. № 43. P. 203.
10. Markoff, R. (1977) Intercultural marriage: Problem areas. *Adjustment in Intercultural Marriage*. Honolulu. C. 39.
11. Scott, F. (2004) Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. *Northern Research Forum. Plenary on Security*. Yellowknife.
12. Turner, F. J. (1996) *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications. 375 p.

ФРОНТИР В МАСС-МЕДИА

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФРОНТИР КАК МЕТАФОРА¹

Довбыш Е.Г.

Довбыш Евгений Геннадьевич, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23,
Электронная почта: edovbysh@gmail.com

Данная статья анализирует феномен киберпространства и Интернета сквозь призму концепции фронта. Электронный фронт понимается как один из возможных типов, которые наряду с поселенческим и политическим, могут быть выделены в современном мире, переживающем процесс глобализации и информатизации. Автор сопоставляет «классический» и электронный фронты путем сравнения основных элементов: основных субъектов и институтов. Выделяются этапы становления электронного фронта. Автор заключает, что использование метафоры фронта хотя и имеют свои ограничения, в целом может быть весьма полезным в деле изучения современных социально-экономических, политических и культурных процессов, происходящих в условиях трансформации широкого контекста – смены технологических укладов.

Ключевые слова: электронный фронт, типология фронтов, Интернет, информационное общество, пионеры электронного фронта

В отличие от позапрошлого века, в 21 в. абсолютное большинство территорий всех континентов уже освоены, и с точки зрения того же 19 в., весь мир сегодня представляет относительно однородное пространство по степени приобщённости людей к плодам цивилизации. Однако это не означает, что фронт – феномен, принадлежащий историческому прошлому. Он существует и сегодня, но в другой форме, а именно: в виде подвижной границы между технологическими укладами, которая манифестируется в социально-экономической, социально-политической и культурной реальности современных обществ.

Многозначность термина «фронт» и его современные трактовки

Сегодня термин «фронт» используется с разным смысловым наполнением. «Основатель» концепции фронта американский историк Ф. Дж. Тернер не оставил однозначного определения. Он понимал под ним и процесс непрекращающейся экспансии, и «внешний край волны» продвижения поселенцев, и место контакта дикости и цивилизации, и местность с низкой плотностью населения (см.: Тёрнер Ф. Д., 2009).

Возможно, благодаря гибкости трактовки в 20 в. теория Ф. Дж. Тернера среди историков стала весьма влиятельной. В период с 1893 г. до начала Первой мировой войны, многие историки принимали эту идею как

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-03-00339 «Фронт сетевого общества как пространство политического взаимодействия»

должное. Образ фронта и связанные с ним образы колонистов, благодаря массовой культуре (фильмы-вестерны) прочно укоренились в американском массовом сознании. Вместе с тем, в настоящее время в научной среде наблюдается спад интереса к использованию теории фронта при изучении американской истории, о чем говорит сокращение публикаций по данной проблематике. А работы американских историков (см. работы Р. Слоткина: Slotkin, R., 1973, Slotkin, R., 1992), в которых делаются попытки обосновать конец эпохи фронта в истории США, наоборот пользуются большой популярностью. В американской историографии концепция фронта перестала занимать доминирующее место и используется учёными наряду с другими теориями для построения более сложных многофакторных моделей и объяснительных схем применительно к истории страны и для изучения современных процессов.

Использование концепции фронта предполагает решение нескольких проблем. Одна из них – это вопрос о допустимости переноса концепции, описывающей феномен, имевший место в истории нескольких стран, для объяснения событий прошлого и настоящего в других странах. Хотя в деле обоснованности использования концепции фронта в отношении других географическо-временных явлений был достигнут значительный прогресс и, даже (как в случае с изучением процесса освоения Сибири), были получены некоторые важные результаты, всё же этот вопрос подлежит дальнейшему обсуждению в профессиональной среде.

Широкому использованию концепции фронта и, что важно, однозначной интерпретации самого термина препятствует аксиологическая оценка, которая была заложена в него при первоначальном формулировании, на что указывают критики как идей самого Ф. Дж. Тернера, так и его последователей. Учёные, работающие в традиции постколониализма (см., например, релевантные работы: Dalley, H., 2014; Etulain, R. W., 1999; Singh, A., Schmidt, P., 2000), неоднократно указывали на то, что использование теории фронта предполагает в той или иной степени явное оценочное суждение на соотношение «цивилизованного» и «нецивилизованного», дикого, варварского при изучении истории США.

Вместе с тем, очевидно, что парадигма фронта располагает значительными ресурсами не только для осмысления исторического прошлого, но и для понимания настоящего. Причём эти ресурсы могут быть применены не только в исторической и географической науках, но, при условии осуществления предварительной работы с содержанием понятия, в других областях знания.

Так, категориальный анализ термина, проведённый А.П. Романовой и С.Н. Якушенковым (Романова А.П., Якушенков С.Н., 2012) показывает, что в современных науках можно выделить три основных содержательных наполнения термина «фронт»:

- фронт как территория между заселёнными и незаселёнными территориями (поселенческий);
- фронт как пограничная территория между двумя политическими

образованиями (политический);

- фронт как метафора чего-то нового.

В случае осмысления фронта в качестве метафоры, от первоначальной концепции остаётся образ подвижной границы, разделяющей старое и новое, передовое и отстающее, понятное и непонятное. Данная метафора подходит для описания сложных явлений, связанных с научным прогрессом и трансформацией общества, например, для осмысления феномена Интернета.

В этой статье мы проанализируем применимость метафоры фронта для понимания современных процессов, связанных с переходом к новому технологическому укладу. В частности, подробно остановимся на так называемом электронном (цифровом) фронте, выявим сходные черты этого феномена с «классическим» американским фронтом.

Типы фронта: поселенческий и политический

Для начала рассмотрим существующие типологии традиционного фронта. В дальнейшем это позволит описать внутреннюю структуру цифрового фронта и понять логику его развития.

Хотя хронологически первым в научной среде заговорили о фронте как границе между государствами, именно **поселенческому фронту** посвящены классические труды. Концепция Ф. Дж. Тернера предполагает, что поселенческий фронт обладает двойственной природой. Это одновременно и географический, и социальный феномен. Он состоит из пяти компонентов: 1) земля и территория, 2) динамика освоения этого пространства, 3) институты 4) социальные отношения и 5) политическая власть.

Поселенческий фронт – это процесс проникновения групп людей на незанятые, свободные пространства с целью их освоения. По мере продвижения колонистов создаются поселения, но что ещё более важно, создаются социальные и культурные основы нового (со)общества, возникающего по мере того, как фронт перемещается далее (в случае США – на Запад). Ф. Дж. Тернер под фронтом понимает скорее географический регион, который постепенно, в процессе заселения обогащается экономическими, политическими и социальными взаимодействиями. Поэтому фронт в традиционном смысле слова – это прежде всего социальные отношения, складывающиеся между людьми в момент освоения ими нового пространства.

В 20-м веке появилось несколько терминологических новаций в исследовании поселенческих фронтов. Были разграничены **первичный и вторичный поселенческий фронты** (выделенные Дж. Фридманом: Friedman J., 1996). Первичные фронты предполагают, что поселения создаются на новых, ещё необжитых территориях, располагающихся за пределами обитаемой ойкумены. При этом, обязательным признаком первичного фронта является создание нового общества. Этап первичного фронта заканчивается с установлением административных и/или государственных границ. Вторичный фронт – это освоение пространства,

которое не было освоено на первом этапе. Чаще всего это различные анклавные пространства – территориями со сложными географическими и климатическими условиями (пустыни, гористые местности), требующими дополнительных затрат для их освоения.

Можно говорить о том, что для всех разнообразных форм поселенческого фронта важную роль играет его субъект, непосредственный участник освоения новых территорий. Продвижение границ происходит благодаря активному участию индивидов, стремящихся приобрести некие блага и готовых понести издержки в ходе этого процесса. На продвигающейся границе осваиваемых территорий власть государства весьма условна, а ресурсы обширны, но на определённом этапе возникает потребность в том, чтобы произошло закрепление границ.

Акт установления границы предполагает вовлечение в процесс экстерриториальных субъектов, располагающихся за пределами фронтального региона (центральное правительство), преследующих цели реализовать свои властно-управленческие функции. Всё это приводит к формированию **политического фронта**, понимаемого как пространства по обе стороны границ. Такая логика преобразования поселенческого фронта в политический свойственна странам, возникшим в результате колонизации (США, Канада, Австралия). В то время как в европейских странах политический фронт принят в меньшей степени связывать с процессом освоения пространства, но рассматривать его в качестве рубежа между двумя государственными образованиями. Тем не менее, для европейской и американской трактовки феномена политического фронта характерно акцентирование его формально-юридических оснований, его абстрактности, тесно связанной с символической географией.

В условиях глобализирующегося мира у политического фронта появляется новое смысловое наполнение. Если раньше фронт существовал в виде разделительной черты, границы, то в условиях интенсивных социальных взаимодействий происходит «переключение» режима работы фронта, теперь это скорее **зона контакта**. В работе Дж. Розенау «Вдоль фронта: между внутренним и внешним» (см.: Rosenau, J. N., 1997) фронт – это граница-пространство, образовавшаяся в результате стирания различий между внутригосударственными процессами и мировыми.

Фронт как метафора: электронный фронт

Становление интернета, и бурное развитие связанных с ним форм общественно-политической активности, социокультурной трансформации обществ (ставших «информационными», «цифровыми» обществами) потребовало от научного мира создания соответствующих описательных моделей. С самого начала к процессу изучения интернета стали применять разного рода метафоры. Это можно объяснить тем фактом, что понимание сложных и новых вещей часто происходит за счёт соотнесения их с уже относительно изученными. Использование метафор для познания окружающей реальности помогает улавливать существующие закономерности и возможности, связи между объектами, которые в

противном случае бы остались незамеченными.

Одной из самых популярных метафор, применяемых к Интернету является метафора фронта (см., например: Batty, M., Barr, B., 1994; Dreyfus, S., Assange, J., 2012; Ludlow, P., 1996; Rheingold, H., 1993; Sterling, B., 2014; Vinge, V., Frenkel, J., 2001). Такое сопоставление не случайно, поскольку технологии, лежащие в основе современного Интернета, были разработаны в Америке, причём, связанные с ним индустрии стали развиваться наиболее активно в той части США, где историческая память о фронте остаётся сильной и сегодня – на Западном побережье, в той части страны, которая раньше называлась «диким западом». Более того, метафора фронта чаще всего используется в американском дискурсе (см.: White, R., Limerick, P. N., Grossman, J. R., 1994).

Метафора фронта в отношении интернета особенно укоренена в американской научной и научно-популярной литературе. Благодаря, в том числе, массовой культуре в общественном сознании американцев сложилось представление о фронте как об обширном неисследованном пространстве. Удалённость от Центра предполагает, что контроль со стороны правительства почти отсутствует, что важное место занимают принципы самоорганизации и саморегулирования, вырабатываемые по мере продвижения на Запад и создания нового (со)общества. На новой территории первопроходцам приходится создавать социальные нормы, формировать социальные институты. При этом со стороны Центра отсутствуют эффективно действующие механизмы принуждения и господства. Все это открывает перед смелыми индивидами значительную свободу и множество возможностей для самореализации.

Электронный фронт представляет собой развитие метафоры, которую применяли в американском обществе в отношении науки и техники в течение всего 20 в. Первый фронт был провозглашён В. Бушем, советником Рузвельта по науке, в его аналитической записке «Бесконечный фронт науки» (Bush, V., 1945). Дискуссия вокруг этой работы, а также усилия самого В.Буша в конечном итоге привели к формированию основы для государственного финансирования науки в США. Первый научный фронт завершился реализацией проекта создания атомной бомбы. После этого Д. Кеннеди призвал к открытию второго, нового фронта науки. Фактическим результатом чего стала космическая программа, разработка систем вооружения и необходимой для управления всем этим инфраструктуры. В это время (1960-е гг.) исследовательские агентства и организации разрабатывают и внедряют первые сети, состоящие из компьютеров – прототип будущего Интернета. Таким образом, формирование идеи о возможности рассматривать науку в качестве некоего фронта уже прочно укоренилась в американском общественном дискурсе к 1990-м гг., когда Интернет стал общедоступным и начал своё бурное развитие.

Субъекты электронного фронта

Уподобление электронного фронта американскому фронту,

основывается на наличии некоторых общих черт. Интернет-пространство понимается как новое, требующее освоения пространство. Аналогично тому как колонисты осваивали неизвестный для них «дикий Запад» (Wild West), перед сегодняшними первопроходцами и пионерами стоит задача освоить «дикий Интернет» (Wild Web). При этом происходят такие сходные процессы как создание норм функционирования интернет-сообщества и формирование основ инфраструктуры будущей цифровой эпохи.

Стадии развития электронного фронта напоминают стадии развития фронта в США, предложенным Ф. Дж. Тернером. Он предположил, что освоение Запада США происходило в три этапа. На первом «пионеры» исследовали новые земли и создавали небольшие временные поселения. Затем приходила вторая группа – «поселенцы» - которые стремились обжить новые пространства и извлекать из них прибыль за счёт фермерства и сельского хозяйства. Поселенцы создавали постоянные поселения. На третьем этапе на Запад устремлялись состоятельные предприниматели, стремившиеся выгодно вложив свой капитал, получить значительную прибыль (в основном, в виде ренты). На этом этапе происходит интенсивное развитие торговли, производства, а посёлки превращаются в небольшие города.

«Пионерами» электронного фронта были учёные-инженеры, большинство из которых имело отношение к обороне. Создание сети, объединяющей компьютеры – прототипа Интернета – обосновывалось необходимостью быстрой, эффективной и защищённой коммуникации между различными учреждениями, имеющими отношение к обороне США. В то время, «пионеры» электронного фронта, как и пионеры Западного фронта не имели представления о возможном направлении дальнейшего движения (за исключением укрепления обороноспособности страны).

По мере того как знание о возможности переселения на Запад и имеющихся там свободных землях распространялось, стали прибывать поселенцы – представители среднего класса и городской бедноты. Для них американский фронт был способом выжить. Их жизнь была целиком связана с фронтом и новыми пространствами Запада.

«Поселенцами» электронного фронта стали учёные из гражданских научных учреждений. Электронный фронт стал для них тоже своего рода способом к существованию. Они использовали возможности коммуникации посредством компьютеров для того, чтобы обмениваться информацией, решать совместные задачи. На этом этапе процесс коммуникации упростился за счёт создания первых программ, понятных не только инженерам, но и широкому кругу неспециалистов (однако весьма образованных). Тогда же появились первые интернет-сообщества, образованных по интересам.

Вслед за поселенцами пришли и **интернет-предприниматели**, увидевшие значительные перспективы для извлечения прибыли в сфере информационных технологий. К началу 1990-х гг. частные предприниматели и большие корпорации инвестировали в развитие информационной

индустрии значительные средства. Приоритетным спросом среди инвесторов пользовались сфера интернет-рекламы и онлайн-торговли. 1990-е гг. ознаменовались бурным ростом компаний, связанных с цифровыми технологиями – до 10% в месяц. В этот период времени привлечение капитала под любые проекты, связанные с Интернетом, было относительно простым. К концу 1990-х гг. появилось множество компаний, чья бизнес-модель целиком основывалась на работе в сети Интернет – так называемые «доткомы».

Пионеры киберпространства исследуют и обживают его аналогично пионерам освоения Дикого запада. Киберпространство предстаёт в виде пространства, где нормы и правила «реального» пространства часто не могут эффективно действовать. Пространство интернета предлагает первопроходцам значительные экономические возможности аналогично тому, как освоение западных территорий приносило наиболее удачливым индивидам значительное благосостояние. Согласно фронтальной метафоре, Интернет стал электронным фронтиром, приносящим свободу и процветание тем, кто готов пожертвовать определенностью и постоянством реального мира.

Киберпространство по аналогии с фронтиром прошлого – это общество с более плоской социальной структурой, для которой характерна открытость элит и свободное перемещение между социальными стратами и статусными группами. Идеалом фронтального сообщества были самостоятельные, инициативные индивиды, которые, основываясь на своих способностях, смогли достичь значительного благосостояния. Ф. Дж. Тернер полагал, что мигрировать на Запад их заставляли открывавшиеся возможности по быстрому обогащению. Основу поселенцев на фронтире в США составляли выходцы из среднего и низшего классов, которые путём упорного труда всего за одно поколение превращались в богатых фермеров и плантаторов. Сегодня те, кто осваивает киберпространство верят в то, что возможности для самореализации в электронном мире почти безграничны.

В 19 в. переселение на Запад США было затратным предприятием. Не все желающие рискнуть имели необходимый для этого начальный капитал. Поэтому эгалитарный миф о том, что в американских условиях каждый человек может разбогатеть, для многих оставался лишь недостижимой мечтой. На первых этапах жизнь на электронном фронтире предполагала существенные ограничения для потенциальных участников: существовал образовательный ценз, суть которого состояла в том, что неспециалисту было трудно совладать со сложной техникой и освоить необходимые навыки компьютерного программирования. Однако относительно быстро ситуация изменилась и произошла «демократизация» электронного фронта: персональные компьютеры стали доступны широким слоям населения, а созданные интерфейсы облегчили работу пользователей с программами.

Электронный фронт и социальные институты

Электронный фронт оказывает трансформирующее воздействие на общества, сопоставимое с тем, которое имело место во время освоения

Запада. Так, Ф. Дж. Тернер говорит о том, что жизнь на фронтире меняет людей. Он отсекает все лишнее, наносное цивилизацией и оставляет только то, что необходимо для выживания в условиях дикости. Не только фронтир изменяется поселенцами, но и сами поселенцы трансформируются под влиянием среды. Аналогичный процесс происходит в эпоху электронного фронта. Киберпространство, предъявляет к людям свои требования, которым они должны соответствовать (например, необходимы компьютерная грамотность, навыки поиска информации, самопрезентации в виртуальной среде), чтобы эффективно пользоваться открывающимися возможностями. Технологическая среда хотя и создаётся людьми, на определённом этапе становится способной оказывать обратное воздействие на индивидов. Примером могут служить замеченные психологами изменения в том, как происходит презентация индивидов во время общения в виртуальном пространстве и в том, как трансформируется их идентичность (см.: Жичкина А.Е., Белинская Е.П., 2000). Новые формы электронной коммуникации приводят к формированию новых форм социальных групп и сообществ (например, транснациональных групп по интересам, состоящим из граждан разных стран и никогда не взаимодействующих лицом к лицу). Они же, как показывают исследования антропологов (например, Kirmayer L.J., Raikhel E., Rahimi S., 2013), приводят к изменениям в личности: появление интернет-зависимости, добровольная социальная изоляция, множественная идентичность.

Американский фронтир – историческое явление, которое большое значение придавало индивидуализму и приоритету минимального участия центрального правительства. Интернету свойственны такие черты, которые создают безграничные экономические возможности, равенство, свободу и новые возможности для реализации политических прав. Интернет создаёт и новую легитимность: индивиды вступают в отношения друг с другом на равных, что ограничивает возможности для непропорциональной эксплуатации и принуждения. Всё это является аргументами тех, кто настаивает не том, что правительство должно как можно меньше вмешиваться в деятельность киберпространства.

На первых этапах своего развития, интернет-пространство было чрезвычайно близко к достижению идеала саморегуляции. В период, когда число участников было незначительным и относительно однородным (математики, инженеры, сотрудники научных центров), устанавливать какие бы то ни было регулирующие нормы для его функционирования не предполагалось. Создатели Интернета исходили из того, что он сам способен установить нормы и правила, действующие в киберпространстве путём самоорганизации. Расчёт делался на то, что коллективная воля и здравый смысл людей, вовлечённых в коммуникацию, будут более эффективными регуляторами, чем управление со стороны. Например, в Декларации независимости киберпространства, один из первопроходцев интернета, поэт и прозаик Дж.Барлоу призывает правительства индустриального мира оставить попытки регулировать процессы в непонятном для них

киберпространстве. При этом само киберпространство он определяет как регион, расположенный в виртуальном мире, вне юрисдикции государств (Barlow J. P.). В итоге, на первых этапах развития Интернета, как и в случае с американским фронтиром, в киберпространстве была создана своя собственная система норм и правил поведения (по большей части неформальных) – «нетикет» (от слов «net» – сеть – и «этикет»).

После «демократизации» Интернета в начале 1990-х гг., доступ к сети получили неограниченное число людей. На этом этапе «нетикет» дополняется нормами регулирования, устанавливаемыми государством. К тому времени простая схема доступа в Интернет (персональный компьютер – сервер с информацией) из-за увеличения числа пользователей стала заменяться более сложной, многоуровневой системой, дающей им возможность управлять Интернетом (см. подробнее: Koumartzis, N., 2008). Некоторые страны, как например, Китай воспользовались этим и стали активно вмешиваться в киберпространство, блокируя доступ к сайтам и фильтруя входящий интернет-трафик пр. (см.: Electronic Frontier Foundation).

Регулирование и ограничение киберпространства со стороны правительств наталкивается на неоднозначную реакцию в интернет-сообществе. Существует точка зрения, что такое регулирование невозможно осуществить, поскольку Интернет является всего лишь медиа, посредником в коммуникации между людьми. Этой позиции придерживаются первые поселенцы и пионеры электронного фронта, которые знакомы с эпохой самоорганизации. Например, Дж. Гилмор, один из «пионеров интернета» и соучредитель Фонда «Электронный фронт», полагает, что любое регулирование Интернета будет сродни цензуре, что недопустимо (цитата по: Barlow, J. P., Gilmore, J., 2000).

С этой точкой зрения не согласны сторонники регулирования Интернета. Они обосновывают свою позицию по этому вопросу тем, что появляются новые вызовы и угрозы безопасности государства, общества и индивидов, которые не могут быть устранены посредством саморегуляции внутри Интернета. Многие страны принимают нормативные акты, призванные встроить виртуальное пространство в правовую систему страны. Правительства реализуют дорогостоящие технологические проекты, нацеленные на регулирование деятельности национальных сегментов глобальной сети Интернет (см. подробнее: Claffy K.C, Clark, D., 2014). Причём, такие меры принимаются самыми разными странами по всему миру – от КНР (жёсткие ограничения), до Нидерландов и Канады (относительно мягкое регулирование).

Тренд на регулирование киберпространства может свидетельствовать о том, что первичный этап развития электронного фронта к настоящему времени уже пройден. Начался период установления границ, закрепления основ законности, корректировка сложившихся порядков функционирования киберпространства, что характерно для вторичного фронта. Вторичный электронный фронт, чьи формирующиеся контуры можно наблюдать сегодня, имеет дело с уже относительно освоенным пространством и

развивается за счёт того, что в его сферу вовлекаются новые сферы жизни общества, а также расширяется круг участников глобального интернет-сообщества.

Сегодня электронный фронт не имеет ярко выраженных анклавных зон, куда бы передовые технологии не проникли ещё на первом этапе. В последние десятилетия происходит количественный и качественный скачок в том, что касается интенсивности использования современных средств коммуникации. Так, с развитием высокоскоростного интернета и увеличением доступности персональных компьютеров и других устройств, обеспечивающих доступ к интернету, становится возможной массовая политическая мобилизация через интернет, и появляется феномен «киберполитики» (см.: Hill, K. A., Hughes, J. E., 1999). Интернет-мобилизация, оказавшая существенное влияние на исход голосования, впервые в истории имела место в США на выборах президента в 2008 г. Тогда команда кандидата от демократической партии США Б.Обамы приложила все силы не только для того, чтобы наладить коммуникации через интернет (при помощи блогов, социальных сетей) с избирателями, но и для того, чтобы привести людей на избирательные участки (см.: Miller, C. S., 2008). Примером мобилизации людей с использованием современных средств коммуникации для решения политических задач является Арабская весна – серия протестов и революций, произошедших в странах Северной Африки и Ближнего Востока в 2010-е гг.

Продвижение электронного фронта «вглубь» общественной жизни, вовлечение на более интенсивном уровне в процесс электронной коммуникации всех сфер социума, сочетаются с экстенсивным развитием глобального киберпространства. На июнь 2015 доступ к Интернету имели 45% населения планеты или 3,26 млрд. человек. Интернетом в первые годы его существования главным образом пользовались жители развитых стран (см. данные в: Bing, J., 2009). Но с конца 1990-х гг. и по настоящее время происходит увеличение числа пользователей из развивающихся стран (см. статистику: Internet World Stats). В этих странах продвижение электронного фронта происходит более стремительными темпами, что часто представляет собой дополнительный вызов для социально-политической и социально-экономической системы этих стран (см.: Farrell, H., 2012).

Распространение Интернета в глобальном масштабе ставит новые вопросы перед исследователями: какова природа образующегося интернет-сообщества? какими эффектами для социально-экономической и политической реальности это сулит?

Вопрос о формировании в результате движения фронта информационного (со)общества стоит рассмотреть отдельно. Ф. Дж. Тернер, пишет: «В горниле фронта все иммигранты американизировались, становились свободными и сплавлялись в смешанную расу, теперь уже не англичан ни по национальности, ни по характеру» (Тёрнер Ф. Д., 2009, с. 29). С одной стороны, может показаться, что в случае с электронным фронтом происходит схожий процесс: в глобальном киберпространстве формируются

(путём социализации) граждане глобальной сети («киберграждане», «нетизены», «сетяне» [Hauben, M., Hauben, R., 1998]), для которых этнические, религиозные, культурные и другие различия становятся менее значимыми на фоне объединяющей их новой, сетевой идентичности, в основе которой лежат схожий образ жизни и занятость в сфере информационных технологий. Одновременно с этим в глобальном Интернете сохраняется «регионализм»: существуют свои сегменты, выделяемые по языковому (например, «Рунет»), страновому и другим признакам. Кроме того, в киберпространстве сосуществуют самые разные сообщества пользователей, основанные на общности интересов и ценностей (в сфере культуры и искусства, религии, политики и пр.). Поэтому в этой связи говорить об унифицирующем действии электронного фронта на разнообразие культур, образов жизни, ценностей, политических и экономических интересов, существующих в глобальном мире, не приходится. Скорее, уместно рассматривать феномен электронного фронта как одно из проявлений все увеличивающейся сложности процессов, происходящих в контексте совмещения глобализации и регионализации современного мира (см.: Дынкин А.А., Иванова Н.И., 2014). Хотя формирования единого глобального сообщества по результатам движения электронного фронта не происходит, его можно рассматривать как своеобразную зону контакта между различными группами, обществами и, шире, цивилизациями.

В целом использование метафоры фронта при изучении современных процессов, связанных с интернет-технологиями, электронной коммуникацией имеет значительный потенциал. Вместе с тем исследователям необходимо помнить, что применение любой метафоры имеет свои пределы и ограничения. Л. Цецарелли в своём исследовании (Ceccarelli, L., 2013) приходит к выводу, что использование метафоры фронта в науке оказывает программирующий эффект на исследователей. Использование слова «фронт» в заголовке научной работы (например, «фронт в космических исследованиях») порождает образ учёного-одиночки, готового идти на риск ради открытия нового. Эта метафора создаёт образ жёсткой конкуренции между индивидами за приоритет научного открытия. Более того, использование метафоры для описания исследовательского проекта имеет следствием то, что часто происходит программирование результатов исследований, а иногда возникают проблемы с достижением целей.

Применение метафоры фронта для осмысления новых технологий может оказать влияние на саму реальность. Выбор того или иного языкового средства выражения идей и мыслей соответствующим образом задаёт спектр возможного поведения и оценок индивидов. Миф о фронте предполагает, наличие субъекта, основной стратегией поведения в отношении окружающей его реальности является стратегия завоевания и удержания уже освоенного (территории, знания, ресурсов и т.д.). Это может приводить к тому, что использование самой метафоры в некоторых случаях имеет следствием

неожиданные результаты, поскольку эта метафора способно менять своё содержание и оказывается сложной для понимания вне широкого контекста (см.: Wrobel, D. M., 2013). Так, известен пример (см. подробнее: White, R., Limerick, P. N., Grossman, J. R., 1994) американского биолога, который призывает коллег активнее изучать биологического разнообразия лесов Амазонки, а правительство выделять для этого больше средств. При этом, исследователей он метафорически называет «охотниками за сокровищами», а возможные будущие экспедиции – «биологическими компаниями» (по аналогии с Вест- и Ост-Индской компаниями). Такую риторику власти Бразилии встретили с опасением того, что исследования американских учёных нанесут вред биологическому богатству страны. В результате Бразилия установила право интеллектуальной собственности на все новые фармакологические элементы, экстрагированные из биологических видов, обитающих в Амазонке и постаралась уменьшить число иностранных учёных (прежде всего из США), вовлечённых в исследования.

В своём развитии электронный фронтир прошёл стадии, соответствующие поселенческому фронтиру в Северной Америке. На первом этапе происходило его открытие и первичное освоение. Она завершилась попытками установления норм и «границ». К этому времени основные черты электронного фронтира, его пределы и закономерности развития уже были осознаны. На втором этапе, продолжающемся сейчас происходит освоение вторичных пространств: включение в киберпространство развивающихся стран, увеличение интенсивности коммуникации по проблемным вопросам, имеющим общественную значимость внутри стран.

Возможно, что для современного этапа развития электронного фронтира больше бы подошла такая метафора, которая смогла бы оперировать не столько категориями завоевания, освоения, но категориями сотрудничества и взаимодействия. Это должно расширить возможности исследователей в деле изучения конфликтности и сотрудничества – неизменных атрибутов жизни на современном информационном фронтире.

Библиографический список:

1. Дынкин А.А., Иванова Н.И. (отв. ред.) (2014) *Глобальная перестройка*. Москва: Весь мир
2. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. (2000) Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей интернета // *Образование и информационная культура. Социологические аспекты*. под ред. В.С. Собкина. Москва: Институт социологии образования
3. Романова А.П., Якушенко С.Н. (2012) Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России. *Инноватика и экспертиза*. №2 (9).
4. Тёрнер Ф. Д. (2009) *Фронтир в американской истории*. Москва: «Весь Мир».

5. Barlow J. P. *A Declaration of the Independence of Cyberspace*. Retrieved from: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>
6. Barlow, J. P., Gilmore, J. (2000). *Censorship 2000. Nettime (listserv)*.
7. Batty, M., Barr, B. (1994). The electronic frontier: exploring and mapping cyberspace. *Futures*, 26(7), 699-712.
8. Bing, J. (2009). Building cyberspace: A brief history of the internet. *Internet governance. Infrastructure and institutions*, 8-47. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199561131.003.0002
9. Bush, V. (1945). Science: The endless frontier. *Transactions of the Kansas Academy of Science (1903)*, 231-264.
10. Ceccarelli, L. (2013). *On the frontier of science: An American rhetoric of exploration and exploitation*. MSU Press.
11. Claffy K.C, Clark, D. (2014). Platform models for sustainable Internet regulation. *Journal of Information Policy*, 4, 463-488.
12. Dalley, H. (2014). *The Postcolonial Historical Novel: Realism, Allegory, and the Representation of Contested Pasts*. Palgrave Macmillan.
13. Dreyfus, S., Assange, J. (2012). *Underground: tales of hacking, madness and obsession on the electronic frontier*. Canongate Books.
14. Electronic Frontier Foundation. *Internet censorship: Law & policy around the world* Retrieved from: <http://www.efa.org.au/Issues/Censor/cens3.html#uk>.
15. Etulain, R. W. (1999). *Does the Frontier Experience Make America Exceptional?*. Macmillan.
16. Farrell, H. (2012). The consequences of the internet for politics. *Annual Review of Political Science*, 15, 35-52.
17. Friedman J. (1996) Introduction: Borders Margins Frontiers. In Gradus Y., Lithwick H. *Frontiers in regional development*. Rowman & Littlefield,
18. Hauben, M., Hauben, R. (1998). Netizens: On the history and impact of Usenet and the Internet. *First Monday*, 3(7).
19. Hill, K. A., Hughes, J. E. (1999). *Cyberpolitics: Citizen activism in the age of the Internet*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
20. Internet World Stats. *Usage and Population Statistics*. Retrieved from: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>
21. Kirmayer L.J., Raikhel E., Rahimi S. (2013) *Cultures of the Internet: Identity, community and mental health*. SAGE
22. Koumartzis, N. (2008). *BT's CleanFeed and online censorship in UK: Improvements for a more secure and ethically correct system* (Doctoral dissertation, MA thesis, London College of Communication (University of the Arts, London), at <http://webobserver.net>).
23. Ludlow, P. (1996). *High noon on the electronic frontier: conceptual issues in cyberspace*. MIT Press.
24. Miller, C. C. (2008). How Obamas internet campaign changed politics. *NY Times*, 7, 49.
25. Rheingold, H. (1993). *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. MIT press.

26. Rosenau, J. N. (1997). *Along the domestic-foreign frontier: Exploring governance in a turbulent world* (Vol. 53). Cambridge University Press.
27. Singh, A., Schmidt, P. (2000). *Postcolonial theory and the United States: race, ethnicity, and literature*. Univ. Press of Mississippi.
28. Slotkin, R. (1973). *Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600-1860*. University of Oklahoma Press.
29. Slotkin, R. (1992). *Gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America*. University of Oklahoma Press.
30. Sterling, B. (2014). *The Hacker Crackdown, law and disorder on the electronic frontier*. Bookpubber.
31. Vinge, V., Frenkel, J. (2001). *True names and the opening of the cyberspace frontier*. Macmillan.
32. White, R., Limerick, P. N., Grossman, J. R. (1994). *The frontier in American culture*. Univ of California Press.
33. Wrobel, D. M. (2013). *Global West, American Frontier: Travel, Empire, and Exceptionalism from Manifest Destiny to the Great Depression*. UNM Press.

ELECTRONIC FRONTIER AS A METAPHOR

Dovbysh E.G.

Dovbysh Evgeniy Gennadievich, Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, str. Profsojuznaja, 23.

E-mail: edovbysh@gmail.com

This article examines the phenomenon of cyberspace and the Internet through the prism of the Frontier concept. Electronic Frontier is understood as one of the possible types, which can be highlighted in today's globalizing world. The author compares the "classical" and electronic frontier by comparing their basic elements: the main actors and institutions. Stages of formation of the electronic frontier are defined. The author concludes that the use of the frontier metaphor is limited. Notwithstanding this the metaphor can be very useful in studying of contemporary socio-economic, political and cultural processes taking place in the broader context of changing waves of innovation.

Keywords: electronic frontier; frontier typology, Internet, information society, pioneers of the electronic frontier

References:

1. Barlow J. P. *A Declaration of the Independence of Cyberspace*. Retrieved from: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>
2. Barlow, J. P., Gilmore, J. (2000). *Censorship 2000. Nettime (listserv)*.
3. Batty, M., Barr, B. (1994). The electronic frontier: exploring and mapping cyberspace. *Futures*, 26(7), 699-712.
4. Bing, J. (2009). Building cyberspace: A brief history of the internet. *Internet governance. Infrastructure and institutions*, 8-47. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199561131.003.0002

5. Bush, V. (1945). Science: The endless frontier. *Transactions of the Kansas Academy of Science (1903)*, 231-264.
6. Ceccarelli, L. (2013). *On the frontier of science: An American rhetoric of exploration and exploitation*. MSU Press.
7. Claffy K.C, Clark, D. (2014). Platform models for sustainable Internet regulation. *Journal of Information Policy*, 4, 463-488.
8. Dalley, H. (2014). *The Postcolonial Historical Novel: Realism, Allegory, and the Representation of Contested Pasts*. Palgrave Macmillan.
9. Dreyfus, S., Assange, J. (2012). *Underground: tales of hacking, madness and obsession on the electronic frontier*. Canongate Books.
10. Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds) (2014) Global'naja perestrojka [Global restructuring]. Moscow: Ves' mir
11. Electronic Frontier Foundation. *Internet censorship: Law & policy around the world* Retrieved from: <http://www.efa.org.au/Issues/Censor/cens3.html#uk>.
12. Etulain, R. W. (1999). *Does the Frontier Experience Make America Exceptional?*. Macmillan.
13. Farrell, H. (2012). The consequences of the internet for politics. *Annual Review of Political Science*, 15, 35-52.
14. Friedman J. (1996) Introduction: Borders Margins Frontiers. In Gradus Y., Lithwick H. *Frontiers in regional development*. Rowman & Littlefield,
15. Hauben, M., Hauben, R. (1998). Netizens: On the history and impact of Usenet and the Internet. *First Monday*, 3(7).
16. Hill, K. A., Hughes, J. E. (1999). *Cyberpolitics: Citizen activism in the age of the Internet*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
17. Internet World Stats. *Usage and Population Statistics*. Retrieved from: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>
18. Kirmayer L.J., Raikhel E., Rahimi S. (2013) *Cultures of the Internet: Identity, community and mental health*. SAGE
19. Koumartzis, N. (2008). *BT's CleanFeed and online censorship in UK: Improvements for a more secure and ethically correct system* (Doctoral dissertation, MA thesis, London College of Communication (University of the Arts, London), at <http://webobserver.net>).
20. Ludlow, P. (1996). *High noon on the electronic frontier: conceptual issues in cyberspace*. MIT Press.
21. Miller, C. C. (2008). How Obamas internet campaign changed politics. *NY Times*, 7, 49.
22. Rheingold, H. (1993). *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. MIT press.
23. Romanova A.P., Jakushenkov S.N. (2012) Frontirnaja teorija: novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoj i jekonomicheskoj situacii na juge Rossii [Frontier theory: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the south of Russia]. *Innovatika i jekspertiza*. №2 (9).
24. Rosenau, J. N. (1997). *Along the domestic-foreign frontier: Exploring governance in a turbulent world* (Vol. 53). Cambridge University Press.

25. Singh, A., Schmidt, P. (2000). *Postcolonial theory and the United States: race, ethnicity, and literature*. Univ. Press of Mississippi.
26. Slotkin, R. (1973). *Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600-1860*. University of Oklahoma Press.
27. Slotkin, R. (1992). *Gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America*. University of Oklahoma Press.
28. Sterling, B. (2014). *The Hacker Crackdown, law and disorder on the electronic frontier*. Bookpubber.
29. Turner, F. J. (1920) *The Frontier in American History*. New York.: Henry Holt and Company
30. Vinge, V., Frenkel, J. (2001). *True names and the opening of the cyberspace frontier*. Macmillan.
31. White, R., Limerick, P. N., Grossman, J. R. (1994). *The frontier in American culture*. Univ of California Press.
32. Wrobel, D. M. (2013). *Global West, American Frontier: Travel, Empire, and Exceptionalism from Manifest Destiny to the Great Depression*. UNM Press.
33. Zhichkina A.E., Belinskaja E.P. (2000) Samoprezentacija v virtual'noj kommunikacii i osobennosti identichnosti podrostkov-pol'zovatelej interneta [Self-presentation in virtual communication and features of identity of adolescents Internet users] In V.S. Sobkin (ed.) *Obrazovanie i informacionnaja kul'tura. Sociologicheskie aspekty* [Education and information culture. Sociological aspects]. Moscow: Institute of sociology of education

ОТРАЖЕНИЕ ПОСТФРОНТИРНЫХ ПРОЦЕССОВ В АМЕРИКАНСКОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ.¹

Якушенков С.Н, Якушенкова О.С.

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Татищева 20А, эл. почта shuilong@mail.ru

Якушенкова Олеся Сергеевна, кандидат философских наук, ассистент, Астраханский государственный университет, 414056, Татищева 20А. эл. почта jestershadow@mail.ru

Авторы анализируют специфику отражения постфронтирных процессов, образов и мотивов в Американском кинематографе. В этот период наступает своеобразная переоценка ценностей и пересмотр устоявшихся форм взаимодействия с Чужим. Диалог с Чужим, ранее характеризующийся полнейшим неприятием, с попытками физического уничтожения Чужого и выдавливания его за пределы территории, теперь сменяется стремлениями «потребить» его различными способами и вписать в картину мира. Анализ постфортирного кинематографа показывает, что фронт, как особая культурная категория, никуда не делся, а фронтирные образы и мотивы продолжают будоражить умы американцев. Старые идеи в таких условиях приобретает новые смыслы, и пересмотр этих мотивов происходит весьма динамично, что особенно заметно на составляющих массовой культуры. В рамках американского кинематографа это отразилось в таком жанре, как ревизионистский вестерн, героями которого теперь становятся не бравые солдаты – борцы с индейцами, а сами представители коренного населения или же персонажи, принимающие их сторону. Однако, само собой разумеется, что кинематограф является лишь одной из многочисленных граней специфического и сложного процесса, называемого нами постфронт.

Ключевые слова: фронт, постфронт, США, кинематограф, Чужой, вестерн, коренные американцы, массовая культура.

Фронт – это специфичная территория, которая зачастую называется «подвижной границей». Хотя к концу 19 века фронт на территории США в своем географическом смысле и экономическом смысле уже перестал существовать, тем не менее, в плане межкультурного диалога с Чужим мало что изменилось. Анализ литературы и кинематографа показывает, что примерно до 60х годов XX в. сохраняется идеологический призыв бороться с Чужим и его культурой. В 60е же годы наметилась тенденция ревизионизма американской истории. Те борцы с индейцами, которые еще недавно объявлялись героями, утратили свой героический ореол, а «краснокожие дикари» удостаивались больших симпатий в общественном дискурсе и художественных нарративах, чем бравые кавалеристы – усмирители индейцев. В этой аксиологической переоценке нет ничего удивительного, так как образ благородного дикаря давал молодой американской нации, стремящейся к самоидентификации, еще одну возможность заявить о своей уникальности в противовес нации европейской (Якушенкова, 2013) Вписывая

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ проект №14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».

индейца в свой исторический контекст, американцы начинали свою историю не с приезда колонистов, а с американских аборигенов, живших на этом континенте с незапамятных времен. Интерес к индейской культуре стал столь универсален, что многие белые американцы во второй половине XX в. «кинулись» отыскивать свои индейские корни, что подчеркивало их уникальность и еще большую связь с американской землей, ведь теперь индейские корни символически давали им возможность легитимировать свои права на земли, несправедливо отобранные у индейцев. В подобных условиях акцентуализируются такие образы, как Magic Indian (т.е. магический индеец) и Magic Negro (Marvin, 2005; O'Leary & Kim, 2010; Sobrino & Hughey, 2014) (магический африканец/афроамериканец), которые являются своеобразной современной адаптацией Благородного дикаря нового времени. Их задача – помогать главному герою, выручая его из различных сложных ситуаций. Эти образы так же играют не последнюю роль в таком явлении, как Нью Эйдж (Крючкова, 2012).

В некоторой степени постфронтирная идеология предшествовала Нью Эйджу, так как переосмысление и переоценка им истории наметилась намного раньше собственно ньюэйджевских традиций, получивших свою актуализацию в 70-80-е гг. XX в. В начале своего существования постфронтир стимулировал и способствовал распространению и повышению роли образа американских индейцев в массовой культуре, и именно в это время Нью Эйдж оформился как самостоятельное движение, практически не связанное с фронтиром, в котором образы коренного населения и его культура оказались самодостаточным явлением.

Очень ярко это отразилось в американском кинематографе, в котором постфронтирные процессы приняли особую окраску. Если новое отношение к индейцу и фронтирной истории обозначилось в американской литературе еще в первой половине XX в., то кинематограф несколько запаздывал в этом вопросе, хотя сама фронтирная тематика была одной из самых популярных в художественной культуре США, породив особый жанр под названием «вестерн». Стремительное развитие вестерна как жанра хорошо заметно по числу кинематографических персонажей, появившихся на экранах Америки. Если в 1911 г. насчитывалось 43 полнометражных вестерна, то к 1925 г. их было уже 205 (Fagen, 2003, стр. XVIII). Своеобразным «золотым веком» классического вестерна стали 30-е гг. XX в., когда звуковое и цветное кино предоставило режиссёрам возможность снимать картины в реальных природных ландшафтах, насыщая свои фильмы всей звуковой и цветовой палитрой.

Американская публика заворуженно наблюдала за происходящим на экране: отважными ковбоями, сражающимися с кровожадными индейцами, прекрасными красавицами, чьей жизни постоянно угрожают различные опасности, а прекрасные герои приходят им на выручку, и т.д. Огромное число замечательных американских актеров принимало участие в вестернах, среди них можно назвать Генри Фонда, Глена Форда, Ричарда Видмарка,

Алана Лэдда, Эррола Флинна, Кларка Гейбла, Роберта Уэйна, Марлона Брандо, будущего президента США Рональда Рейгана и многих других. Но при всем разнообразии сюжетных линий многие вестерны первой половины XX в. объединяло одно: если на экране появлялись коренные жители Америки, то, как правило, они выступали антагонистами положительному герою фильма, который вступал с ними в схватку, чтобы защитить слабых. Известный американский историк Уилком Уошбёрн, куратор отдела Американской истории Смитсоновского института, в предисловии к монографии «Индейцы Голливуда» отмечал, что «образ американского индейца, более чем какая другая этническая группа, оказался сформированным кинематографом» (Rollins P., 2011, стр. IX). Это влияние Голливуда, выразившееся в конструировании визуальных образов, как правило, было лишь своеобразным инструментом, реализующим в кинематографе общие тенденции отношения американского общества к коренному населению. Американские режиссеры и популярные актеры ничего не изобретали, они лишь выражали общие тенденции.

Но с проявлением постфронтирных тенденций наступает пора полной ревизии фронтирных образов. Если белый герой не претерпел серьезных изменений, то вот образы экранных индейцев серьезно изменились. Вероятно, первым фильмом, обозначившим новую эру постфронтирного кинематографа, можно назвать фильм известного американского режиссера, специализирующегося на вестернах, Джона Форда «Осень шайеннов» (1964). Примечательно, что в предыдущих фильмах Джона Форда индейцы изображались в традиционных для Голливуда красках. Как правило, индейцы – враги, они нападают на белых в фильме «Дилижанс» (1936), а в фильме «Искатели» (1956), еще более драматичном по содержанию, главный герой Итон (бывший офицер армии южан) отправляется в погоню за индейцами, убившими его брата и его жену и похитившими в плен их дочерей Люси и Дебби. Вскоре Люси находят мертвой, но поиски Дебби продолжаются. Весь фильм построен на противопоставлении упрямого мужества Итона и коварной жестокости вождя племени команчей Шрама. В конечном итоге судьбы обоих персонажей тесно переплетаются. Дикий Запад серьезным образом изменяет Итона, приближая его к трансгрессии, что нашло отражение в сцене скальпирования, совершаемом Итоном. Это трансгрессивное поведение героя проявляется и в его стремлении убить свою племянницу, которая, став женой вождя команчей, предпочитает остаться с ними. Это противопоставление героев, их постоянное перемещение от состояния цивилизации до дикости, размывание четких границ между ними практически сводится на нет в фильме «Осень шайеннов», где личная трагедия и неспособность белого фронтирного героя приспособиться к постоянно трансформирующимся реалиям жизни сменяется трагедией целого индейского племени, которое пытается уйти от жестокости белой цивилизации, найдя свою «землю обетованную». Эта трансформация образа индейцев от врага и агрессора до невинной жертвы в творчестве главного законодателя вестерна стала своеобразным манифестом новой

кинематографической волны и одновременно завершающим штрихом прославленного мастера этого жанра.

То, что именно Д. Форд перешел к новой культурной парадигме постфронтара, отнюдь не случайно. Как он сам заявил во время съемок фильма «Осень шайеннов», на экране он «убил гораздо больше индейцев, чем Кастер, Бичер и Чивингтон вместе взятые... У каждой истории две стороны, и я хочу показать их точку зрения для контраста. Давайте посмотрим правде в глаза, мы очень плохо относились к ним – и наш щит замаран; мы насмеялись над ними, убивали, уничтожали, расправлялись с ними и тому подобное, но вот они убили одного белого, и вот уже, о Боже, прибыли войска» (McBride, 2011, стр. 643).

В 1970 г. Голливуд выпускает еще более проиндейские фильмы, которые коренным образом изменяют образы экранных индейцев и критически изображают белых американцев. Это, прежде всего, такие фильмы, как «Солдат в голубом» (Soldier Blue, реж. Ральф Нельсон, 1970 г.) и «Маленький Большой Человек» (Little Big Man, реж. Артур Пенн, 1970 г.). Оба фильма смещали акцент индейских войн в сторону демонстрации несправедливости цивилизованного мира по отношению к индейцам. И хотя они как бы рассказывали истории американо-индейских отношений с позиции белых очевидцев, однако, эти свидетели, даже будучи белыми, оказывались на стороне индейцев. Оба фильма демонстрировали большой антивоенный подтекст, что было не удивительно, учитывая отношение американской демократической общественности к проходящей в то время вьетнамской войне, и прежде всего боине мирных жителей, устроенной американской армией в 1969 г. в южновьетнамской деревне Сонгми (Ми Лай). «Солдат в голубом» («Голубой солдат»), кроме всего прочего, заставил говорить о себе и по многим другим причинам. Это был первый американский фильм, где сцены насилия показывались в большой натуралистичностью, за что он был многократно подвергнут цензуре, как в США, так и во многих европейских странах. Сцены насилия американских солдат по отношению к индейским женщинам и детям были сняты с особой тщательностью, что производило шокирующее впечатление на зрителей. Учитывая тот факт, что в основу фильма были положены реальные события боины, вошедшей в историю под названием «Бойня при Сэнд Крике», фильм по-новому рассказывал американцам забытые истории прошлого столетия. Ничуть не стараясь смягчить детали, Ральф Нельсон постарался показать всю неприкрытую жестокость американской армии, от которой пришла в ужас даже привыкшая к войне американская общественность середины XIX в.. Все эти фильмы серьезнейшим образом изменяли культурный климат в стране, заставляя по-новому относиться к такой уже казалось бы избитой, но все еще популярной теме, как фронтир. В подобных фильмах уже не было былой патетики и романтического шарма предыдущих вестернов, это было иное кино, заявлявшее о новых тенденциях культурного ландшафта в США.

Конечно, нет возможности как-то наметить начальную дату для постфронтального дискурса в США, однако можно с уверенностью сказать,

что подобные фильмы стали возможны только потому, что постфронтирная идеология прочно закрепилась в общественном сознании нового поколения американцев. Кардинальным поворотом к новым культурным тенденциям постфронтирного вестерна, названного в США ревизионистским вестерном (также новым вестерном или антивестерном), стали именно конец шестидесятых – начало семидесятых годов, привнесшие множество новых тенденций в кинематограф и американскую культуру в целом. Они касались не только оценок фронта – поменялась сама аксиологическая составляющая героев, кроме этого, менялись и сами образы индейцев. Начиная с семидесятых, индейцы получили возможность говорить от своего имени, изображать самих себя. В предыдущий период в роли индейцев выступали белые американцы, загримированные под индейцев, или мексиканцы. Постепенно индейцев начинают все чаще приглашать «выступать в роли индейцев». Особенно ярко это проявилось в эпическом голливудском фильме «Танцующий с волками» (*Dances with Wolves*, реж. Кевин Костнер, 1990 г., в российском прокате назывался «Танцы с волками»). Этот фильм явился своеобразной кульминацией постфронтирного вестерна. Его со всем основанием можно назвать одним из лучших фильмов этой тематики. Фильм К. Костнера вернул былую славу вестерну, утраченную за время президентства Рональда Рейгана, когда не было создано сколь-нибудь значительных фильмов, и напротив, американский вестерн оказался потесненным фильмами, снятыми в жанре вестерн, но в других странах. «Танцующий с волками» как бы доводил все предыдущие достижения постфронтирного (ревизионистского) вестерна до логического совершенства. Великолепный сюжет, замечательный звездный состав актеров, тщательная работа костюмеров – все это привело к тому, что фильм был номинирован на высшую награду американских кинематографистов Оскар и был отмечен как лучший фильм. К. Костнер не только пригласил самих индейцев изображать индейцев племени лакота, но и ввел в сцены многочисленные монологи на языке лакота. Это был один из первых фильмов, где индейцы получили возможность не только играть самих себя, но и говорить на своем языке. В период классического вестерна и даже после, индейцы говорили на плохом английском языке, что, естественно, добавляло определенную комичность в их образ и выставляло в неприглядном свете. Дав возможность индейцам говорить на своем языке, Костнер создал неповторимый колорит индейской деревни середины XIX в. и показал всю сложность межкультурного диалога на фронтире. Хотя фильм и повествует о жестокостях американской армии по отношению к коренному населению, он, тем не менее, на первый план выставляет и «положительный образ» белого офицера (Keller, 2005, стр. 243), героя гражданской войны Джона Данбара (в исполнении К. Костнера). Этим фильм как бы говорил, что хоть мы и были несправедливы к коренному населению Америки, но имелись и хорошие офицеры, которые могут стать своеобразным эталоном нации, показать другую модель отношений с индейцами. Именно это, как нам кажется, положительное позиционирование эталонного примера и явилось мощным стимулом для всеобщего признания

фильма. По сути, картина намекает: именно трансгрессия белого по отношению к индейцу и его культуре – вот выход из создавшейся дилеммы «мы или они». Стоит только совершить шаг навстречу им, и они уже перестают быть Чужими, а мы можем их понять.

Смена акцента в изображении коренного населения Америки в кинематографе и благоприятная реакция публики привели к тому, что многие режиссеры начали эксплуатировать эту тему в разных вариантах. Типичным примером подобной эксплуатации может служить боевик Стивена Сигала «В смертельной зоне» (*On Deadly Ground*, реж. Стивен Сигал, 1994 г.), центральной темой которого стала борьба за природные ресурсы на Аляске. Сигал постоянно появлялся на экране в национальной индейской одежде, использовались некоторые культурные паттерны, якобы связанные с индейской культурой и т.д. Фильм очень четко обозначал противопоставление традиционной культуры коренного населения, с одной стороны, и коррумпированным западным обществом, нацеленным на наживу и не останавливающимся перед уничтожением природы, с другой.

Не следует думать, что развитие постфронтирных тенденций в американской культуре коснулось только вестерна. Просто в вестерне, как в одном из самых популярных жанров американской литературы и кинематографа, они проявились с наибольшей очевидностью. Однако, будучи модной темой, индейская культура со всеми ее духовными ценностями не могла не эксплуатироваться творческой элитой, которая, с одной стороны, изображала индейца в новом качестве, но с другой, все еще продолжала существовать в старых классических парадигмах противопоставления. Индеец не перестал быть Чужим. Он стал лишь интересен в силу своей необычности, непохожести, его перестали бояться. Но он так и остался Чужим. Типичным примером такого симбиоза старого и нового может служить кинематографическая сага «Сумерки» (*Twilight*, 2008; *Twilight Saga: New Moon*, 2009; *Twilight Saga: Eclipse*, 2010, *Twilight Saga: Breaking Dawn – Part 1*. 2011; *Twilight Saga: Breaking Dawn – Part 2*. 2012) В этой саге, как, впрочем, и книгах американской писательницы Стефани Майер, по которым были сняты фильмы, события разворачиваются в небольшом городке Форкс в штате Вашингтон на северо-западе США. Приехавшая к отцу молодая девушка влюбляется в своего одноклассника Эдварда Каллена. Его необычная внешность завораживает ее. В процессе знакомства с семьей Калленов главная героиня Белла Свон узнает, что ее избранник вампир. Однако он принадлежит к клану благородных вампиров, которые не питаются человеческой кровью, а используют только кровь животных. Неожиданно Белла оказывается втянутой в борьбу между новообращенными вампирами, которые устраивают охоту на людей, и кланом Калленов, пытающихся защитить Беллу. В дальнейшем она сближается с еще одним юношей – индейцем Джейкобом Блэком. Он из резервации Ла-Пуш племени квилетов. В свою очередь Джейкоб оказывается оборотнем, семья которого призвана защищать местность от вампиров.

В этой саге мы видим очень четкое противопоставление образов

Чужих: вампиров Калленов и оборотней-индейцев квилетов. Семья Калленов предстает перед нами типичными аристократами. Они – высшие слои общества, их внешность красива, манеры изысканны, профессиональная деятельность и увлечения также говорят об их исключительности (Романова, Хлыщева, & Якушенков, 2013, стр. 64-69). В отличие от них, Джейкоб и его соплеменники предстают перед нами в совершенно противоположном образе. Их «природность» постоянно подчеркивается различным способом. «Человеческая» внешность оборотней демонстрирует совершенно другой типаж. Здесь нет противопоставления в красоте. И те, и другие равноценно красивы, но это разный типаж красоты. Утонченные черты Эдварда Каллена противостоят грубой красоте и прямолинейности Джейкоба. Создатели фильма всячески избегали расовой составляющей в типаже актеров, видимо, поэтому индейца Джейкоба Блейка играет белый американец Тейлор Даниель Лотнер, а не настоящий коренной американец. По версии модного журнала «Гламур», он занял в 2010 г. второе место в номинации «Самые сексуальные мужчины года», а журнал «People» в том же году отдал ему четвертое место в номинации «Самые приятные тела года». Но при всей очаровательности этого актера противопоставление утонченности аристократа-вампира природной красоте оборотня-индейца очень четко прослеживается в фильме, еще раз подчеркивая тот факт, что это классическое противопоставление цивилизации и дикости никуда не исчезло из массовой американской культуры. Оно лишь утратило традиционную аксиологию, в которой дикость, природа были чем-то более низким по отношению к цивилизации, а индейцы, как люди природные, т.е. дикари, находились ниже на ступени развития, чем белые цивилизованные американцы. Теперь они уже перестают рассматриваться как низшие, но они остаются другими, иными, чем белые. На них возложена иная миссия, недаром в фильме они следят, чтобы вампиры не угрожали населению этих мест. Они – волки, «санитары» местных лесов, в задачу которых входит следить за теми, кто выбивается из нормы, кто угрожает сложившемуся балансу.

Подводя итог, хотелось бы заметить, что постфронтирная тема продолжает играть важную роль в массовой культуре США. Вряд ли ее можно считать окончательно сложившейся. Фронт и коренное население фронта, американские фронтирмены – все подвергается новому осмыслению в рамках различных идейных мотивов современной американской культуры. Вряд ли в этих процессах можно увидеть однозначность и универсальность. Эти процессы протекают в разных плоскостях, и в них участвуют разные слои, однако с уверенностью можно сказать, что фронт, как особая культурная категория, никуда не делся. Он продолжает играть важную роль в массовом сознании, однако теперь многие его составляющие утратили аксиологическую однозначность противопоставления свой/чужой :: хороший/плохой. Чужой так и остался Чужим, но он теперь уже не является плохим. Он просто Другой, и общество

нуждается в нем. Именно то, что он – Другой, и делает его таким интересным для общества.

Описанная выше динамика наталкивает нас на мысль, что во всех постфронтирных тенденциях скрывается одна глубокая интенция – адаптация к новым условиям. Но эта адаптация к Чужому и его культурному ландшафту есть не что иное, как акт (или, точнее, множественные акты) трансгрессии, правда, теперь совершаемые не индивидуумом, а целым народом в масштабах всей страны. Постфронтир хотя и выполняет роль самоидентификации в рамках молодой американской нации, представляющей собой совокупность множества рас, народов, культур, однако в плане самого механизма трансформация является не чем иным, как трансгрессивным актом, нацеленным на постижение и потребление Чужого для приобщения к его новой реальности – новому культурному пространству. В образах постфронтирной стилистики и риторики американцы приобщаются к Чужому, при этом параллельно поглощая или потребляя его.

Библиографический список:

1. Fagen, H. (2003). *The Encyclopedia of Westerns*. N.Y.: Checkmark Books.
2. Keller, A. (2005). Historical Discourse and American Identity in Westerns since the Reagan Era. In *Hollywood's West: The American Frontier in Film, Television and History*. Edit. by Rollins P. C., O'Connor J.E. (p. 239-260). Lexington: The University Press of Kentucky.
3. Marvin, J. D. (2005). *Race, Sex and Suspicion: The Myth of the Black Male*. Westport: Praeger Publishers. McBride, J. (2011). *Searching for John Ford*. Starkville: University Press of Mississippi.
4. O'Leary, R., & Kim, S. (2010). *The Future of Public Administration Around the World: The Minnowbrook Perspective*. Georgetown: Georgetown University press.
5. Rollins, P. O'Connor, J. (2011). *Hollywood's Indian: The Portrayal of the Native American in Film*. Lexington: University Press of Kentucky.
6. Sobrino, B. Hughey, M. (2014). Magical Negro Films. In C. A. Gallagher, & C. D. Lippard, *Race and Racism in the United States: An Encyclopedia of the American Mosaic*. (pp. 732-733.). Santa Barbara: ABC-CLIO.
7. Крючкова, Е. В. (2012). *Нью Эйдж как культурная парадигма современного общества : автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01*. Астрахань.
8. Романова, А.П., Хлыщева, Е.В., & Якушенков, С. Н. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. Москва: РОССПЭН.
9. Якушенкова, О. С. (2013). *Женщина на американском фронтире*. Астрахань: изд. Сорокина Р.В.

THE REFLECTION OF POSTFRONTIER PROCESSES IN AMERICAN
CINEMA

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S.

Yakushenkov Sergey Nikolaevich, PhD, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan,
Russia, Tatishcheva Str. 20A. E-mail: shuilong@mail.ru

Yakushenkova Olesya S., Ph.D, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia,
Tatishcheva Str. 20A. E-mail: jestershadow@mail.ru

The authors analyze the specifics of the reflection of postfrontier processes and images in the American cinema. During postfrontier period, there comes a kind of searching and reviewing the established forms of the interaction with a stranger. Dialogue with a stranger, previously characterized by a complete rejection and the attempts of physical destruction of the Other is now replaced by a desire to "consume" his culture in different ways. The Analysis of postfrontier cinema shows that frontier, as a special cultural category, is still here, and this images and motifs continue to haunt the minds of Americans. Old ideas in such circumstances acquires new meanings, and the revision of these motifs occurs very rapidly, what is especially noticeable on the components of mass culture. Postfrontier brings us a new kind of cinema and new heroes of it are not brave soldiers and fighters with the Indians, but indigenous representatives themselves or the characters who take their side. However, it goes without saying that the cinema is just one of the many facets of the specific and complex process called postfrontier.

Keywords: the Other, Alien, Native Americans, cinema, frontier, postfrontier, western.

References:

1. Fagen, H. (2003). *The Encyclopedia of Westerns*. N.Y.: Checkmark Books.
2. Keller, A. (2005). Historical Discourse and American Identity in Westerns since the Reagan Era. In *Hollywood's West: The American Frontier in Film, Television and History*. Edit. by Rollins P. C., O'Connor J.E. (p. 239-260). Lexington: The University Press of Kentucky.
3. Marvin, J. D. (2005). *Race, Sex and Suspicion: The Myth of the Black Male*. Westport: Praeger Publishers. McBride, J. (2011). *Searching for John Ford*. Starkville: University Press of Mississippi.
4. O'Leary, R., & Kim, S. (2010). *The Future of Public Administration Around the World: The Minnowbrook Perspective*. Georgetown: Georgetown University press.
5. Rollins, P. O'Connor, J. (2011). *Hollywood's Indian: The Portrayal of the Native American in Film*. Lexington: University Press of Kentucky.
6. Sobrino, B. Hughey, M. (2014). Magical Negro Films. In C. A. Gallagher, & C. D. Lippard, *Race and Racism in the United States: An Encyclopedia of the American Mosaic*. (pp. 732-733.). Santa Barbara: ABC-CLIO.
7. Kryuchkova, E.V. (2012). New Age as a cultural paradigm of modern society: Phd thesis. .
8. Romanova, A., Hlysheva, E., & Yakushenkov, S. (2013). The Other

and cultural security. Moscow: ROSSPEN.

9. Yakushenkova, O. (2013). Woman on the American frontier. Astrakhan: Sorokin R.V.

ФРОНТИРНЫЕ АРХЕТИПЫ В АМЕРИКАНСКОМ КОМИКСЕ (НА ПРИМЕРЕ СУПЕРМЕНА И СТРАЖЕЙ ГАЛАКТИКИ)

Алиев Р.Т.

Алиев Растям Туктарович, к.и.н., доцент кафедры культурологии, Астраханский государственный университет, 414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: xaaqan@mail.ru

В последние десятилетия в гуманитарной науке большую популярность приобретает фронтальная теория. И хотя сам фронт как историческое явление прекратил своё существование, как идеологическая модель, позволяющая проанализировать многие социокультурные, экономические и даже политические процессы, вооружает исследователя новым методологическим инструментарием. Автор статьи берёт за основу американскую школу «мифа и символа», развившую фронтальную теорию, и анализирует феномен комикса в рамках идеологической модели, утверждая, что комикс, будучи структурной единицей неомифологической парадигмы американской массовой культуры, вбирает в себя символы и архетипы фронта, тем самым приобретая новое значение не только для американского социокультурного пространства, но и для мирового в целом. Сюжеты о Супермене, образы и архетипы Стражей галактики и многие другие супергеройские «истории в картинках» мало того, что конструируют новую модель представления о фронте, они продуцируют на её основе особое понимание роли и места субъекта в изменяющемся мире. Автор на основе произведённого анализа сюжетов американских супергеройских комиксов делает вывод о культуuroобразующей роли фронта в американской массовой культуре, что открывает в данной области исследований новые возможности и перспективы.

Ключевые слова: фронт, комиксы, фронтмен, массовая культура, Другой, Чужой, неомиф, мономиф.

В последние годы в сфере гуманитарных наук всё больше и больше становится популярной фронтальная теория. Возникшая в США благодаря трудам американских историков, она уже давно вышла за рамки исторической модели толкования социокультурных, экономических и даже политических процессов на специфической территории взаимодействия различных культур в контексте классической «дихотомии цивилизации/варварства» (Романова, Якушенков, 2012, стр. 75). Доработанная, дополненная и переосмысленная американской школой «мифа и символа» (Г. Нэш Смит (Smith, 1978), Ричард Слоткин (Slotkin, 1973)), она по новому позволила взглянуть на идеологическую основу культуuroобразующих процессов, «выявить ряд архетипов», важных не только для культуры Америки, но и для других стран (Якушенков, 2015, стр. 289), что, в свою очередь, позволило перенести методологический инструментарий из исторической области в культуuroлогическую и даже философскую плоскости.

Фронт как историческое явление прекратил своё существование в конце XIX – начале XX вв., но как идеологическая модель прочно вошёл в сознание американцев, приобретая уникальные формы и проявляясь в продуктах культуры современности (Якушенков, 2015, стр. 290) как способ

рефлексии на социокультурные явления и процессы, как прошлого, так и настоящего с будущим. Одним из таких феноменов современной массовой культуры стал комикс, давно вышедший за рамки художественной литературы и приобретший своё место в других отраслях: от мультипликации до кинематографа (Papp, 1961, P. 156). Зародившийся в начале XX столетия и произошедший от средневековых аллилуй (Садуль, 1958, стр. 196), он сформировался в конечном итоге как структурный элемент неомифологической парадигмы современной американской массовой культуры. Наряду с фантастической литературой и кинематографом подобного рода, комикс позволил «выйти за рамки реальности, начав продуцировать новую» (Якушенков, стр. 290), в которой имеют место быть всё те же архетипичные образы, что мы можем встретить в вестернах и других продуктах массовой культуры, репродуцирующих понимание фронта. В них (в новых реальностях) люди с Земли зачастую отправляются в далёкий космос для колонизации новых планет («Космическая Одиссея 2001 года», С. Кубрик; «Интерстеллар», К. Ноллан и другие), где они встречаются с чудовищами, монстрами (иными словами, примитивными варварами), которым они противостоят. Но также есть и диаметрально противоположные сюжетные линии, когда инопланетяне прилетают на Землю, чтобы колонизировать её. И тогда герои «зелёной планеты» начинают противостоять вторгающимся ордам Чужих («Война миров», Г. Уэлс; «Марс атакует», Т. Бёртон; и другие).

Подобные сюжеты часто пестрят в той или иной мере на страницах американских комиксов. Для анализа данного феномена нам будет необходимо:

1. Проанализировать основные сюжетные линии, строящиеся на понимании фронта как идеологической модели;
2. Выявить базовые архетипы комиксных героев, совпадающих с архетипами фронтальной идеологии;

Классическим сюжетом вторжения и колонизации Земли на страницах комиксов является сюжет, связанный с первым американским комиксным супергероем Суперменом (Siegel, Shuster, 1938). Здесь необходимо уточнить, что Супермен, прибыв на Землю, не становится Фронтирменом в чистом понимании этого слова. Для его культурной трансформации необходим целый ряд факторов, в частности, система сюжета о Фронтире, иные фронтальные архетипы и т.д.

В образе Супермена нужно учитывать, что эпоха, в которой появился этот образ, – это эпоха экономического кризиса с 1929 по 1939 гг. (Romer, 2003). Наиболее остро проявился в США. Именно этот период стал отправной точкой для появления и дальнейшего развития супергеройского комикса, который популярен и по сей день. Люди ждали чего-то нового, образ добряка, который возьмёт на себя ответственность за их поступки, который спасёт их. Б. Райт, американский исследователь комиксов, отмечал, что во времена депрессии предыдущие образы героев не отвечали ожиданиям общества. Теперь же новым героем начинает выступать обычный городской

житель. Данное явление было характерно для всей американской культуры 30х гг. XX в.. Особую популярность начинают набирать фильмы Дж. Форда и Ф. Капры и герои книг Дж. Стейнбека (Садуль, 1958).

Социальная и экономическая неустойчивость, психологическая апатия и депрессия – вот те черты, которые определяли развитие американского социума в начале 30-х гг. XX в. Сложившиеся условия дали возможность появлению нового образа супергероя, которым и оказался Супермен. Он стал воплощением левых политических взглядов его авторов, Дж. Шустера и Дж. Сигела. По задумке он должен был выступить в качестве социального активиста, который борется с коррумпированными политиками, грязными бизнесменами и проявлениями социальной несправедливости (Daniels, 1998, P. 22-23). Р. Сабин, американский исследователь комиксов, отмечал, что Супермен явился отражением «либерального идеализма «Нового курса» Ф. Рузвельта», так как его авторы изначально создавали его в качестве борца за различные социальные классы» (Sabin, 2001, P. 63).

Супермен по выдуманной биографии является представителем расы криптонианцев с далёкой планеты Криптон. Его планета истощилась и готова была разрушиться, когда Зор-Эл, отец будущего героя Земли, отправил своего сына на ракете в космос, дабы спасти от гибели. Здесь особо примечательным является то, что раса криптонианцев – это раса колонизаторов, которые периодически заселяли новые планеты. Одной из таких планет и стал Криптон.

Позднее в комиксах сюжет о Криптоне и его обитателях раскрывается больше: оказывается, что перед гибелью планеты криптонианцы успели осудить генерала Зода и его подчинённых за попытку государственного переворота и посадить их в особую тюрьму, в другое измерение. Но после взрыва планеты они освобождаются и начинают блуждать по космосу в поисках нового дома, пока не натыкаются на Землю, где в это время Супермен стал полноценным героем (Papp, 1961). Прибыв на новую планету, люди генерала Зода приобретают точно такие же суперспособности, как и у Супермена, что позволяет им творить злодеяния по отношению к землянам. Обезумев от идеи возрождения своей расы, генерал Зод решает колонизировать Землю. В ходе этой колонизации земляне должны будут погибнуть, дабы дать свободное пространство для новой расы, но «гости» сталкиваются с Суперменом, который противостоит им, чтобы защитить свой «новый мир».

Сюжет с генералом Зодом и темой колонизации криптонианцев лёг в основу множества фильмов про Супермена, актуальных и сегодня: Супермен (1978, Р. Доннер). Супермен-2 (1980, Р. Лестер), Человек из стали (З. Снайдер, 2013).

И хотя в данном сюжете в архетипе злодея угадываются черты диктатора-нациста, который ставит свою расу выше других, мы можем с полной уверенностью сказать, что сюжетная линия выстроена в качестве фронтальной идеологической модели. Генерал Зод выступает как колонизатор, представитель инопланетной расы захватчиков, против которых земляне

бессильны. В данном контексте, Супермен преобразовывается в Фронтирмена, человека фронта. Являясь представителем расы криптонианцев, Супермен выступает против своих соплеменников. Здесь можно провести параллель с особым феноменом времён американского фронта, когда представители колонизаторов селились рядом, а то и внутри племён коренных жителей Америки и становились «Своими среди Чужих». Примечательно, что личной проблемой для Супермена становится то, что он всеми силами пытается доказать, что он – «самый человечный из людей». Для него проблема самоопределения является одной из главных тем комиксов. Исходя из ранее сказанного, Супермена можно рассматривать ещё и как траппера, охотника. Только в данном случае, трофеем для этого траппера выступают злодеи. История американского фронта знает много примеров, когда трапперы селились в сообществах коренных жителей Америки, перенимали их культуру, брали в жёны их представительниц (жена Супермена, Лойс Лейн, жительница Земли), таким образом происходил процесс условной аккультурации (Thurnwald, 1932, P. 557-569), в ходе которого траппер переставал быть в чистом виде представителем своей культуры, но и коренным жителем Америки по крови быть не мог. Это яркий пример культурной трансгрессии. Подобным же образом, Супермен и выступал в качестве траппера.

Тема космического фронта в той или иной мере находит своё отражение и в других комиксах. Особо примечательным в контексте идеологической модели фронта для нас выступает серия комиксов «Стражи Галактики» (DeFalco, 1960, P. 134), в частности, история супергероя по имени Йонду Удонта. Впервые появившись на страницах комиксов о «Стражах галактики», Йонду показывается в виде представителя племени Затоан, примитивных существ родом с Центавра IV. Он является охотником. Его родная планета была колонизирована людьми. В 3006 году нашей эры Вэнс Астро, астронавт с Земли, приземляется на планете Йонды из-за устаревшей двигательной системы корабля. Вэнс сталкивается с Йонду, который нападает на него, но нападение было отражено силами Вэнса. Вэнс оставляет это в секрете, поскольку действия Йонды были незаконными. Йонду объединяется с Вэнсом, когда представители инопланетной расы, Бадуны, нападают на планету.

Здесь мы видим типичный сюжет, выстроенный на основе фронтальной модели. Йонду, представитель примитивной расы, выступает в качестве архетипа аборигена планеты. Этот факт подкрепляется его цветом кожи, отличным от человеческой (синий, противоположный красному цвету, которым маркировали белые колонизаторы представителей коренных народов Америки), и особыми способностями в качестве супергероя: «как член инопланетной расы планеты Центавра IV, Йонду обладает интуитивным мистическим восприятием, «шестым чувством», которое позволяет ему взаимодействовать с другими формами жизни. Помимо этого, Йонду имеет интуитивную и мистическую связь с природой, особенно со своим родным миром, но также и с любым другим миром, в котором всё ещё есит

естественная дикая природа» (Drake, Colan, 1969). В тоже время Вэнс Астро (фамилия перекликается с латинским *Astra* – звезда), космический путешественник, первый человек, посетивший родную планету Йонду, выступает в качестве типичного образа этого самого «цивилизованного колонизатора», представителя Другой культуры. Опять-таки история американского фронта пестрит свидетельствами того, как некоторые племена коренных жителей Америки объединялись с представителями белого пришлого населения для противостояния либо общей угрозе, либо другому племени.

Примечательными с точки зрения анализа феномена вестерна являются комиксы о новых «Стражах галактики» 2008 года (Abnett, 2008), по которым в 2014 году вышел одноимённый фильм режиссёра Дж. Ганна. Основными героями здесь становятся уже другие персонажи: Старлорд (Питер Куил), генномодифицированный Енот (Ракета), ходячее дерево (Грут), наёмная убийца-киборг (Гаммора) и Дракс-разрушитель (бывший преступник и дебошир). Сюжет строится на том, что Ронан Обвинитель, представитель расы Крии, пытается отомстить планете Ксандар за войну с его народом, а Стражи галактики ему противостоят.

Для анализа феномена вестерна как жанра, строящегося на фронтальной идеологической модели, нам необходимо выявить архетипы, используемые в нём (Wright, 1977, p. 29-50):

- невозмутимый шериф
- независимый охотник за вознаграждением
- лихой ковбой
- кровожадный представитель коренного населения Америки, вождь, антагонист главного персонажа
- благородный представитель коренного населения Америки, иногда помощник и спутник главного героя
- коварные бандиты
- профессиональные игроки в покер
- чистая и невинная главная героиня
- роковая женщина

Таким образом, персонажи «Стражей галактики» полностью соответствуют данным архетипам: «лихим ковбоем» является лидер Стражей галактики – Старлорд; независимыми охотниками за вознаграждением выступают енот Ракета и живое дерево Грут (по сюжету они охотились за Старлордом, чтобы получить за него вознаграждение от бандита Йонду и его головорезов); «кровожадным представителем коренного населения Америки», который мстит белым «колонизаторам» ксандарийцам, выступает Ронан Обвинитель (примечательным является так же и то, что кожа его расы Крии – синего цвета, противоположность красному, которым обозначался цвет кожи представителей коренного населения Америки, а цвет кожи ксандарийцев – белый); «благородный абориген, помощник главного героя и его спутник» –

Гаммора, предавшая своего хозяина – Ронана; коварными бандитами выступают головорезы Йонду. Роковая женщина, которая является подельницей антагониста, Небулла; друг главного героя – Дракс Разрушитель; а невозмутимым шерифом выступает глава корпуса Новы, Роман Дей.

Одним из популярных моментов вестерна является сцена в баре, где главные герои играют в азартные игры и напиваются. В сюжете Стражей галактики имеются даже и такие кадры. Таким образом, космическая сага о Стражах галактики выступает в качестве вестернизированного сюжета о будущем, где белые колонизаторы вступают в конфликт с представителями иных рас и культур.

Анализируя продукты массовой культуры с позиции идеологической модели фронта, стоит отметить важную роль американской школы «мифа и символа», которая позволяет рассматривать влияние фронта не только с позиции исторического, но и точки зрения культурологического и философского дискурсов. Комиксы как феномен массовой культуры вобрали в себя структурные элементы мифологического, став в итоге продуктами неомифологической парадигмы американской поп-культуры, но в тоже время мы можем наблюдать процесс продуцирования новых сюжетных линий на основе архетипичных фронтальных моделей, что указывает на культуруобразующий фактор фронта в американской действительности.

Библиографический список:

1. Abnett, D. (2008) *Guardians of the Galaxy*. Marvel Comics. 1 (2).
2. Daniels, L. (1998) *Superman: The Complete History: The Life and Times of the Man of Steel*. Chronicle Books.
3. DeFalco, T. (1960) *Marvel Chronicle A Year by Year History*. Dorling Kindersley.
4. Drake, A., Colan, E. (1969) *Marvel Super-Heroes*. Marvel Comics. 18.
5. Papp, G. E. (1961) *Adventure Comics*. DC Comics. 283.
6. Rhoades, Sh. (2008) *A Complete History of American Comic Books*. New York: Peter Lang.
7. Romer, Ch. (2003) *Great Depression. Forthcoming entry in Encyclopedia Britannica*. University of California, Berkeley.
8. Sabin, R. (2001) *Comics, comix & graphic novels: a history of comic art*. Phaidon.
9. Siegel, J., Shuster, J. (1938) *Action Comics*. DC Comics. 1.
10. Slotkin, R. (1973) *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600-1960*. Middletown, Conn: Wesleyan University Press.
11. Smith, N. H. (1978) *Virgin land: the American West sa Symbol and Myth*. Cambridge and London: Harvard University Press
12. Thurnwald, R. (1932) *The Psychology of Acculturation*. American Anthropologist. (P. 557-569). XXXIV.
13. Wright, W. (1977) *Six Guns and Society: A Structural Study of the*

Western. University of California Press.

14. Романова, А. П., Якушенков, С. Н. (2012) *Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России*. (С. 74-80) *Инноватика и экспертиза*. 2 (9).

15. Садуль, Ж. (1958) *Всеобщая история кино*. Том 2. М.: «Искусство».

16. Стеценко, Е., Коренева, М. (2009) *История литературы США*. Том 5. Литература начала XX века. М.: ИМЛИРАН.

17. Якушенков, С. Н. (2015) *Фронтир как культурная парадигма*. (С. 288–298) *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 1 (42).

THE FRONTIER ARCHETYPES OF AMERICAN COMICS (THE EXAMPLE OF SUPERMAN AND GUARDIANS OF THE GALAXY)

Aliev R.T.

Aliev Rastyam T., PhD of history, Astrakhan state university, 20a Tatischeva str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, e-mail: xaagan@mail.ru

The frontier theory is becoming popular in the humanities in recent decades. Although the Frontier as a historical phenomenon has ceased to exist, as an ideological model Frontier allows us to analyze many of the socio-cultural, economic and even political processes, equipping a researcher with new methodological tools. The author takes as a basis the American school «of myth and symbol», which developed the frontier theory, and analyzes the phenomenon of the comics within the ideological model, arguing that comics as a structural unit of neomythological paradigm of American popular culture, incorporates symbols and archetypes frontier, thereby acquiring new value, not only for the American socio-cultural space, but for the world as a whole. Scenes of Superman, images and archetypes of the Guardians of the Galaxy, and many other superhero «History in Pictures» and are not enough that construct a new model of representation of the frontier, but they produce on its basis a special understanding of the role and place of the subject in a changing world.. The author, based on the analysis of the produced scenes of American superhero comics, concludes that Frontier's culture-factor in American popular culture, which opens in the area of research opportunities and prospects.

Keywords: Frontier, comics, frontiersman, mass culture, Another Alien, neomyth, monomyth.

References:

1. Abnett, D. (2008) *Guardians of the Galaxy*. Marvel Comics. 1 (2).
2. Daniels, L. (1998) *Superman: The Complete History: The Life and Times of the Man of Steel*. Chronicle Books.
3. DeFalco, T. (1960) *Marvel Chronicle A Year by Year History*. Dorling Kindersley.
4. Drake, A., Colan, E. (1969) *Marvel Super-Heroes*. Marvel Comics. 18.
5. Papp, G. E. (1961) *Adventure Comics*. DC Comics. 283.
6. Rhoades, Sh. (2008) *A Complete History of American Comic Books*.

New York: Peter Lang.

7. Romer, Ch. (2003) *Great Depression*. Forthcoming entry in *Encyclopedia Britannica*. University of California, Berkeley.

8. Sabin, R. (2001) *Comics, comix & graphic novels: a history of comic art*. Phaidon.

9. Siegel, J., Shuster, J. (1938) *Action Comics*. DC Comics. 1.

10. Slotkin, R. (1973) *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600-1960*. Middletown, Conn: Wesleyan University Press.

11. Smith, N. H. (1978) *Virgin land: the American West sa Symbol and Myth*. Cambridge and London: Harvard University Press

12. Thurnwald, R. (1932) *The Psychology of Acculturation*. *American Anthropologist*. (P. 557-569). XXXIV.

13. Wright, W. (1977) *Six Guns and Society: A Structural Study of the Western*. University of California Press.

14. Romanova, A. P., Jakushenkov, S. N. (2012) *Frontirnaja teorija: novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoy i jekonomicheskoy situacii na juge Rossii*. (S. 74-80) *Innovatika i jekspertiza*. 2 (9).

15. Sadul', Zh. (1958) *Vseobshhaja istorija kino*. Tom 2. M.: «Iskusstvo».

16. Stecenko, E., Koreneva, M. (2009) *Istorija literatury SShA. Tom 5. Literatura nachala XX veka*. M.: IMLIRAN,.

17. Jakushenkov, S. N. (2015) *Frontir kak kul'turnaja paradigma*. (S. 288–298) *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 1 (42).

РЕЦЕНЗИИ

«ИДУЩИЕ СО ЗВЕЗДАМИ» – ОДА АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНЩИНЕ¹

Романова А. П.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет, 414056,
Россия, г. Астрахань, ул. Татищева 20а.
Эл. Почта: aromanova_mail@mail.ru

Рецензия на монографию: **Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире.** Астрахань: Издатель Роман Сорокин, 2012. 220с.

«Опять женщины, опять гендерные проблемы», – скажет читатель, кинув беглый взгляд на цветную яркую обложку книги, – и вообще, какое нам дело до того, что творилось с женщинами в Америке уже больше чем как минимум полторы сотни лет тому назад. И будет неправ. На самом деле, читая об американских женщинах, белых и индианках, не только борющихся за свое выживание, но и пытающихся соединить и каким-то образом примирить два враждующих мира - индейцев и белых, мы можем многое понять как в истории американского фронта, так и в собственном обществе. Казалось бы, где мы, а где американский фронт. Но фронт это не только чисто американский феномен, хотя и сам термин появился в американской науке (Ф. Тернер), и львиная доля исследований по фронтиру принадлежит американцам. Тем не менее фронт как место, идеология, философия, образ жизни, в конце концов как мифологема существует и в Мексике, Австралии, Сибири, на Кавказе и Украине. Причем в отличие от США, где фронт – это уже история, в некоторых точках планеты он становится весьма проблемным настоящим.

Казалось бы, фронт – это «территория борьбы», сугубо мужское пространство, где фронтмэн, исходя из самой этимологии понятия, – мужчина. Однако книга молодого ученого Оксаны Сергеевны Якушенковой заставляет нас по-новому взглянуть на «мужские игры».

Монография «Женщина на американском фронтире» посвящена малоисследованному в отечественной науке феномену. Сама концепция фронта начала разрабатываться в нашей науке достаточно поздно, после перестройки, а роль женщины, как транслятора культурного фронтального диалога рассматривается вообще впервые. Почему так важна и интересна эта тематика? На таком «мужском» и одновременно знаковом для американской маскулинной культуры пространстве роль женщины, казалось бы, вторична. Но если понимать фронт как пространство диалога, то именно женщина, как хранитель домашнего очага и носительница семейных традиций,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».

выполняет там весьма важные функции.

Монография структурирована четко и логично: три ее главы последовательно раскрывают для отечественного читателя доселе малознакомую проблематику. Первая глава вводит нас в мир фронта, объясняя попутно кто, где и когда, в том числе и в нашей стране, занимался его исследованиями. Но даже в этой аналитической, информативной главе автор представляет свое видение фронта через призму оппозиции «Свои/Чужие», формулируя его основные характеристики: локус, темпоральность, экономика, *modus vivendi* (Якушенкова, 2012а, с.38). Автор рассматривает фронт не столько как географическую территорию, как поле битвы, но скорее как пространство культурного диалога между индейцами и белыми американцами, между американцами и французами, американцами и испанцами и т.д. Автор предлагает свою типологию этапов фронта: предфронт или ранний фронт, фронт и постфронт (Якушенкова, 2012а, с.66).

Вторая глава посвящена роли белой женщины во фронтальной истории. Они, попадая в плен (Мэри Роулансон) или в более поздний период занимаясь вместе со своими мужьями миссионерской деятельностью (Гаризтт Ньюэлл, Нарцисса Уитмен, Элиза Сполдинг), подвергаясь всевозможным тяготам и опасностям, рискуя жизнью наравне с мужчинами становились трансляторами своей культуры в индейское общество. Автор справедливо учитывает двусторонность процесса трансляции (Якушенкова, 2009, с. 35).

Обладая гораздо меньшими институциональными возможностями, женщины (Донна Ла Туле, «Алиса Покер», Шарлотта Паркхерст) тем не менее, находили свое место на фронте, подчас занимаясь мужским делом и зачастую меняя его гендерную парадигму. (Якушенкова, 2012а, с. 93) Их биографии хорошо ложатся в сценарий классического вестерна. Со временем, к XIX в. белые женщины, приобретая новые профессии и борясь за свои права, становятся все более неотъемлемой частью фронта. (Якушенкова, 2012а, с.100).

Третья глава посвящена индианкам и их роли в межкультурном диалоге на фронте. Надо отдать должное автору, она поставила перед собой весьма непростую задачу, поскольку даже в американских исследованиях эта тема комплексно до конца не разработана. Автор абсолютно справедливо замечает, что в целом индейская женщина имела достаточно высокий, как экономический, так и сакральный статус в своем обществе, что отличало ее от белой американки. Выходя замуж за белого переселенца, чаще всего траппера, она становилась «культуртрегером и транслятором, без которого невозможен ни один культурный диалог» (Якушенкова, 2012а, стр.152). Она могла превратиться в американскую легенду как – Покахонтас и Сакагавеа (Якушенкова, 2012b), а могла остаться малоизвестной как Мари Дорион. На фронте индейские женщины, также, как и белые, примеряли на себя мужские профессии – воинов (Минни Полое Дерево, Идущая со звездами, Дорога Теленка Бизона), дипломатов (Винема,

Сара Виннемукка). Во многом именно деятельность этих женщин способствовала пробуждению интереса к индейской тематике в американском обществе и повороту от полного негативизма в отношении индейской культуры, до ее принятия и мифологизации.

Монография написана легко, свободно, доступным языком и одновременно содержит весомые научные формулировки и выводы. Молодая исследовательница вводит в оборот отечественной науки большое количество научной литературы, в том числе и англоязычных нарративов. В книге много публикуемого в России впервые иллюстративного материала. Она заставляет нас задуматься не только о прошлом, но и провести параллели с настоящим.

Библиографический список:

Якушенкова, О.С. (2012) *Женщина на американском фронтире*. Астрахань: Издатель Роман Сорокин. Астрахань. 220с.

Якушенкова, О.С. (2009) «Роль женщин в трансляции культуры на американском фронтире», *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. № 8. с. 33-37.

Якушенкова, О.С. (2012) Культурное наследие американского фронтира. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 4, стр. 254-261

«WALKING WITH THE STARS» – AN ODE TO AMERICAN WOMAN

Romanova Anna Petrovna

**Astrakhan state university, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischeva str., 20A,
e-mail: aromanova_mail@mail.ru**

Abstract

This publication is a review of the book by O. S. Yakushenkova « Woman on the American frontier». Astrakhan: Roman Sorokin Publisher, 2012. 220p. The topic of the monograph is submitted for a new domestic science, its structure is logical, bibliographical list just representative.

References:

Yakushenkova, O. S. (2012) *Woman on the American frontier*. Astrakhan: Publisher Roman Sorokin.

Yakushenkova, O. S. (2009). The Role of women in transmitting culture on the American frontier. *Reports of the Volgograd State Pedagogical University*. 8. pp. 33-37.

Yakushenkova, O. S. (2012) Cultural heritage of the American frontier. *Caspian region: politics, economy, culture*. 4. pp.254-261

Рецензия на монографию: Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщёва Е.В., Васильев Д.В., Кусмидинова М. Х., Якушенкова О.С., Топчиев М.С. **Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие:** учебное пособие. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2014, 236С.

Герасимиди Елена Ивановна, к. и. н., директор музея культуры Астрахани, 414000, г. Астрахань, ул. Чернышевского 4,
E-mail: elena_gerasimidi@mail.ru

Культура каждого народа, имея свое неповторимое лицо, является частью культуры всего человечества, а любое общество вписывается в историю прежде всего благодаря своей культуре. Специфические черты культуры складываются исторически в ходе приспособления определенного социокультурного сообщества к условиям существования.

Анализ современного общества приводит к пониманию необходимости достижения устойчивого культурного диалога в мире, где причудливо переплетаются культуры и интересы многих народов, вынужденных искать способ не сталкивать свои интересы друг с другом, а взаимодействовать. Однако в реальной жизни функционирование национальных культур во многом обусловлено наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, общностью их исторических судеб.

Зоны пересечения культур – наиболее уязвимые точки стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испытывающего «миграционный нажим». Здесь острее всего стоят проблемы коммуникации во всех сферах: экономической, религиозной, бытовой. Такие территории определяются как фронтирные, т.е. особые территории, где сталкиваются несколько культур, формируя новые социокультурные отношения. Фронтир характеризуется более высокой мобильностью по сравнению с глубинной территорией, перемещением больших групп людей, новыми формами культурных и социальных контактов. С одной стороны, это приводит к синтезу культурных традиций и появлению новых культурных форм, характерных для транскультурных сообществ. С другой стороны, именно здесь острее всего чувствуется напряженность как социальная, так и культурная, что становится причиной серьезных конфликтов.

Определив Нижнее Поволжье как фронтир, авторы учебного пособия «Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие» разрабатывают понятийный аппарат и методологию анализа фронтирных территорий. Это зона контактов разных культур, разных народов, хозяйственных и социальных систем. Здесь формируется особое культурное наследие и культурная память. Поэтому важнейшим элементом культурной безопасности полиэтничного региона является проблема сохранения его культурного наследия.

Применяемая для исследования новая типология: ранний фронтир, фронтир, постфронтир и рефронтир – обладает новыми методологическими возможностями, позволяя анализировать фронтир не как законченное историческое событие, а как современный социокультурный процесс. Это

дает возможность лучше понять характер современных конфликтов и конфронтаций основных акторов нижеволжского фронта и спрогнозировать дальнейшее развитие межкультурных коммуникаций в этом регионе.

Система межкультурных коммуникаций зависит от многих факторов, в том числе и от истории формирования культурного ландшафта территории, на которой идет процесс межкультурных коммуникаций. В книге обосновывается идея невозможности сведения целостной системы культурного наследия к единичным объектам. Авторы настаивают на важности сохранения культурного ландшафта, как отражения деятельной картины мира человеческого сообщества. Был создан новый фундаментальный научный «модульный» подход к сохранению культурного наследия, который позволяет исследовать всю совокупность объектов культурного наследия синхронно, как состоявшуюся целостность, и диахронно, как последовательность этапов его формирования, развития и в отдельных случаях утраты. В качестве модуля взята системная единица культурного ландшафта, которая может быть представлена разнообразными таксономическими явлениями: культурными, социальными, экономическими, природными и т.д.

Важнейшим элементом культурной безопасности полиэтничного региона является проблема сохранения его культурного наследия. Поэтому в центре внимания модель культурного наследия, включающая в себя объект, субъект культурного наследия, механизм трансляции культурного наследия, формы сохранения культурного наследия, функции культурного наследия, границы и уровни культурного наследия. В отличие от традиционного подхода к культурному наследию, предложенного ЮНЕСКО, представляющего собой систематизацию объектов материального культурного наследия по определенным группам; памятники, ансамбли, достопримечательные места, в рамках модульного подхода основным полем исследования являются не одиночные объекты культурного наследия и их состояние, а отдельные модули культурного ландшафта, представляющие собой территориальную и историко-культурную целостность. Это новый подход, позволяющий соединить этническую составляющую, культурный ландшафт и объекты культурного наследия в единое целое.

В процессе работы над книгой был получен новый массив археологических данных в процессе раскопок, проведён мониторинг состояния всех объектов материального архитектурного наследия астраханского региона, собран новый полевой материал по нематериальному культурному наследию. Особое внимание авторы пособия уделяют концепции охраны и использования памятников археологии Астраханской области, определяют основные приоритеты, категории и направления охраны и использования археологического наследия края.

Исходя из того, что культурное наследие – «капитал невозместимой ценности», авторы разрабатывают модульный подход к проблеме сохранения и использования культурного наследия. Базовое значение приобретает

постоянный мониторинг состояния сохранности культурного наследия на основании выделения ряда моделей.

В рецензируемом учебном пособии представлены и описаны модули как законченные единицы культурного ландшафта, обладающие четкими территориальными, темпоральными, экономическими, семантическими и прагматическими характеристиками. Модуль не является единичным памятником культуры, охраняемым государством, а выступает некой системной единицей: городским районом, историческим местом, частью биологической или экологической системы и тесно связан со всей системой в целом, имеет определенную функцию и конкретные параметры (пространственные, временные, смысловые и т.д.). Модульный подход дает возможность комплексного анализа культурного ландшафта региона и в определенных случаях историко-культурный ландшафт сам может рассматриваться как отдельный модуль культурного ландшафта.

В астраханском городском культурном ландшафте можно выделить несколько модулей – Кремль, Белый город, Зakanалье, Закутумье, Коса, каждый из которых обладает культурным своеобразием. В книге дается подробный анализ данных модулей и рассматриваются пути сохранения объектов культурного наследия. Особое внимание уделяется проблеме «вписанности» объекта культурного наследия в современный городской ландшафт. Сохраненный или отреставрированный памятник XVIII - XIX вв., окруженный новостройками, становится всего лишь неким анахронизмом, пережитком прошлого.

С учетом общих параметров модельно-модульного подхода авторы учебного пособия анализируют несколько возможных сценариев с сохранением культурного наследия: пессимистический, ведущий первоначально к отчуждению объекта от культурного ландшафта, а затем и полному его исчезновению; оптимистический, предполагающий формирование законодательной базы защиты культурного наследия, наличие продуманной информационной политики, активизацию интереса общественности и развитие туристической сферы с сопутствующими ей секторами экономики; реалистический, констатирующий реальное положение дел в данной сфере.

Культурное наследие формирует глубинных возможностей региона, который становится основным действующим фактором в пространстве глобализирующегося мира. Модульный подход повышает жизнеспособность системы, помогает предотвращать ее деформацию, гармонизировать или даже предотвращать внутренние бифуркации. Поэтому необходимы действия по снижению деструктивных характеристик фронтальных сигнификатов и включение их в единый культурный ландшафт.

Специалист по модульному подходу к сохранению культурного наследия края не может появиться по приказу. Его необходимо воспитывать, давать особое образование, требующее специфических навыков в разных областях знания. На это и направлено учебное пособие, которое прежде всего адресовано студентам и специалистам культурологического и

туристического, музейного профиля.

Однако модульный подход не является лишь уделом небольшого числа специалистов. Все население края должно быть вовлечено в него, а для этого требуется система информации и распространение знаний. С этой целью в приложении книги приводятся нормативные документы по охране культурного наследия конкретного региона.

Учебное пособие написано живым языком и представляет интерес для всех, кто интересуется культурным развитием Астраханского региона, его спецификой и в тоже время универсальностью, как возможного образца сосуществования и взаимодействия различных народов.

The review of the book Romanova A.P., Khlysheva E.V., Yakushenkov S.N., Vasilyev D.V., Kusmidinova M.H., Yakushenkova O.S., Topchiev M.S. **The frontier of Lower Volga: cultural memory and cultural heritage: Manual for students**, Astrakhan: Sorokin Roman, 2014, 236P.

Gerasimidi Elena Ivanovna, Ph.D. (History), Director of museum of Astrakhan culture,
414000, Astrakhan, Chernyshevskogo St. 4,
E-mail: elena_gerasimidi@mail.ru

The manual “The frontier of Lower Volga: cultural memory and cultural heritage”, written by Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Khlysheva E.V., Vasilyev D.V., Kusmidinova M.H., Yakushenkova O.S., Topchiev M.S., gives the analysis of the ways of preservation of cultural heritage in the specific frontier region. That’s why the authors using the methodology and conceptual framework of frontier territories develop a special approach to the problem of reservation of cultural heritage. The system of cross-cultural communications depends on many factors, including the history of cultural landscape in the frontier territory where a process of cross-cultural communications takes a special form that needs new models and methods. From this position the problems of preservation the cultural safety in conditions of the polycultural spaces are rised.

The main attention in the review is made for the concepts of models and modules in the cultural landscape of the region. The authors try to use their theoretical approach to the practical situation in the cultural landscape of the region. Several modules in the city are named and analyzed: White City, Transcanal, Transcutum, and Spit.

The analysis of modern society leads to understanding of the necessity to achieve the cultural dialogue in the space where cultures and interests of many people compelled to look for a way to interact with each other.

ISSN: 2500-0225

**ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1

2016

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1

2016